

**Федеральное государственное казенное образовательное
учреждение высшего образования
«Уральский юридический институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации»**

Кафедра уголовного права

И. С. Макеева

**УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ
ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ, ПОСЯГАЮЩИЕ
НА ОСНОВЫ КОНСТИТУЦИОННОГО СТРОЯ
И БЕЗОПАСНОСТЬ ГОСУДАРСТВА**

Монография

**Екатеринбург
2019**

ББК 67.408.141
М156

Макеева И. С.

М156 *Уголовная ответственность за преступления экстремистской направленности, посягающие на основы конституционного строя и безопасность государства: монография* / И. С. Макеева. – Екатеринбург: Уральский юридический институт МВД России, 2019. – 156 с.

ISBN 978-5-88437-673-1

Рецензенты: **Р. М. Кашапов**, начальник кафедры уголовного права и криминологии Дальневосточного юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент;
Р. А. Забавко, заместитель начальника кафедры общеправовой подготовки Восточно-Сибирского института МВД России, кандидат юридических наук

В монографии на основе анализа действующего законодательства, разъяснений Пленума Верховного Суда РФ, специальной научной литературы и материалов судебной практики исследуются дискуссионные вопросы уголовной ответственности за преступления экстремистской направленности, посягающие на основы конституционного строя и безопасность государства.

Монография предназначена для профессорско-преподавательского состава, курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России, обучающихся по специальностям 40.05.01 Правовое обеспечение национальной безопасности, 40.05.02 Правоохранительная деятельность, сотрудников оперативных и следственных подразделений территориальных органов внутренних дел Российской Федерации.

Обсуждена на заседании кафедры уголовного права УрЮИ МВД России (протокол № 7 от 14 июня 2019 г.).

ISBN 978-5-88437-673-1

ББК 67.408.141

© И. С. Макеева, 2019
© Уральский юридический институт МВД России, 2019

ВВЕДЕНИЕ

Экстремизм, являясь одним из основных источников дестабилизации внутрисполитической обстановки страны, создает угрозу ее территориальной целостности и конституционному правопорядку. Опасность для конституционного строя заключается в противоправных попытках преобразовать систему экономических, политических, социальных, идеологических и иных отношений, охраняемых Конституцией РФ¹. Значимость указанных общественных отношений порождает потребность в уголовно-правовом запрете совершения противоправных действий в отношении основ конституционного строя. Охраняемые ст. 280, 280¹, 282–282³ Уголовного кодекса Российской Федерации² (далее – УК РФ) отношения представляют ценность для развития общества, поскольку создают основу безопасного существования человека, нации в демократическом правовом многонациональном государстве.

Согласно Стратегии национальной безопасности РФ³ и Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года⁴, одним из источников угроз национальной безопасности является деятельность экстремистских организаций, направленная на насильственное изменение конституционного строя Российской Федерации, дестабилизацию работы органов государственной власти, уничтожение или нарушение функционирования военных и промышленных объектов, объектов жизнеобеспечения населения, транспортной инфраструктуры, нарушение безопасности и устойчивости функционирования критической информационной инфраструктуры Российской Федерации.

Степень важности и актуальности проблемы противодействия преступлениям экстремистской направленности подтверждается особым вниманием, уделяемым им на уровне Президента РФ и Правительства РФ. Так, в Послании Президента РФ Федеральному Собранию РФ был сделан акцент на необходимости решения первоочередной задачи, которая заключается в воспрепятствовании появлению в России замкнутых этнических анклавов со своей неформальной юрисдикцией, живущих вне единого правового и культурного поля страны, игнорирующих общепринятые нормы, законы и правила. Также Президент РФ регулярно указывает на необходимость закрепления новых и

---

¹ Конституция Российской Федерации: принята всенарод. голосованием 12 декабря 1993 г. (с изм. от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 2014. № 31. Ст. 4398. С. 11747–11778.

² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 6 июля 2016 г. № 375-ФЗ) // Российская газета. 1996. 18–20, 25 июня; 2016. 11 июля.

³ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года: указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683 // СПС «Гарант».

⁴ О Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года: указ Президента Российской Федерации от 28 ноября 2014 г. № 2753 // СПС «Гарант».

совершенствования имеющихся инструментов противодействия экстремистским проявлениям¹.

Данные Главного информационно-аналитического центра МВД России (далее – ГИАЦ МВД России) свидетельствуют о стабильном росте количества регистрируемых преступлений экстремистской направленности. Например, за 2015 г. прирост анализируемых посягательств составил 284 преступления (+27,7 % по сравнению с 2014 г.), в 2016 г. зарегистрировано 1450 преступлений (+9,1 %)². Хотя и доля этих общественно опасных деяний в общем количестве совершаемых на территории Российской Федерации преступлений невелика, но каждое из них вызывает повышенный общественный резонанс и может дестабилизировать социально-политическую обстановку, как в отдельном регионе, так и в стране в целом. Увеличение масштабов экстремистской деятельности, в свою очередь, приводит к формированию в обществе идеологии допустимости применения насилия при разрешении конфликтов, низкому уровню культуры, развитию ксенофобии.

Анализ правоприменительной практики свидетельствует о недостаточной эффективности норм, предусматривающих ответственность за осуществление экстремистской деятельности. Такая ситуация обусловлена прежде всего наличием неоднозначно разрешаемых на практике и в теории вопросов квалификации преступлений экстремистской направленности, а также несовершенством законодательных формулировок, использованных при конструировании норм об ответственности за эти деяния. В связи с чем одним из главных направлений государственной политики в сфере обеспечения безопасности на долгосрочную перспективу должно стать совершенствование правового регулирования противодействия экстремизму.

Необходимо отметить, что в силу поливариативности феномена «экстремизм» исследование только норм уголовного законодательства не позволяет сформулировать все его существенные характеристики. Различные аспекты данного негативного социального явления требуют внимания специалистов в области социологии, политологии, психологии, философии и ряда других наук. Об этом же свидетельствует Концепция общественной безопасности, утвержденная Президентом РФ, где в качестве основного направления деятельности сил обеспечения общественной безопасности в области противодействия экстремизму определен комплексный подход к анализу причин возникновения и распространения экстремизма, поскольку многоаспектность исследуемого явления не позволяет говорить о том, что с ним необходимо бороться только профилактическими, воспитательными и пропагандистски-

---

¹ Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 12 декабря 2012 г. URL: <http://www.consultant.ru>; Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 4 декабря 2014 г. URL: <http://www.kremlin.ru>.

² См.: Общие сведения о состоянии преступности. URL: <http://www.mvd.ru>.

ми или только административно-правовыми, или уголовно-правовыми средствами¹. Вместе с тем меры уголовно-правового противодействия должны иметь превалирующее значение. Определение сущности экстремистской деятельности, преступлений экстремистской направленности и их структурных признаков, решение проблемных вопросов квалификации и отграничения от смежных составов составляют основу эффективного предупреждения и пресечения анализируемых преступлений.

Заявленная актуальность и предопределяет тему исследования, подтверждает ее значимость в научном и практическом плане.

Целью настоящего исследования является комплексный системный анализ теоретических и практических вопросов реализации уголовной ответственности за преступления экстремистской направленности, посягающие на основы конституционного строя и безопасность государства, а также выработка теоретических положений и научно обоснованных рекомендаций совершенствования законодательства по противодействию экстремистской деятельности.

---

¹ Концепция общественной безопасности: утв. Президентом Российской Федерации от 20 ноября 2013 г. № Пр-2685 // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».

ГЛАВА 1. СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ, ПОСЯГАЮЩИЕ НА ОСНОВЫ КОНСТИТУЦИОННОГО СТРОЯ И БЕЗОПАСНОСТЬ ГОСУДАРСТВА

§ 1. Экстремистская деятельность: понятие, сущность и признаки

Правовые дефиниции, используемые при создании нормативного правового акта, имеют огромное значение, поскольку непосредственно с их помощью происходит понимание и уяснение смысла закона, что, в свою очередь, обеспечивает правильность применения правовых норм.

Для определения содержания понятия «экстремистская деятельность» в рамках российского законодательства необходимо обратиться к Федеральному закону от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»¹, в котором анализируемый термин употребляется как синоним слова «экстремизм».

Согласно ст. 1 вышеназванного Закона, экстремистская деятельность (экстремизм) – это:

- насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации;
- публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность;
- возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни;
- пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии;
- нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии;
- воспрепятствование осуществлению гражданами их избирательных прав и права на участие в референдуме или нарушение тайны голосования, соединенные с насилием либо угрозой его применения;
- воспрепятствование законной деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, избирательных комиссий, общественных и религиозных объединений или иных организаций, соединенное с насилием либо угрозой его применения;
- совершение преступлений по мотивам, указанным в п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ;
- пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибути-

---

¹ О противодействии экстремистской деятельности: Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ // Российская газета. 2002. 30 июля.

кой или символикой до степени смешения, либо публичное демонстрирование атрибутики или символики экстремистских организаций;

– публичные призывы к осуществлению указанных деяний либо массовое распространение заведомо экстремистских материалов, а равно их изготовление или хранение в целях массового распространения;

– публичное заведомо ложное обвинение лица, замещающего государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, в совершении им в период исполнения своих должностных обязанностей деяний, указанных в настоящей статье и являющихся преступлением;

– организация и подготовка указанных деяний, а также подстрекательство к их осуществлению;

– финансирование указанных деяний либо иное содействие в их организации, подготовке и осуществлении, в том числе путем предоставления учебной, полиграфической и материально-технической базы, телефонной и иных видов связи или оказания информационных услуг.

В данном случае, используя дефиницию-перечень, законодатель отказался от указания существенных, конститутивных признаков, что представляется абсолютно неверным. Приведенное определение экстремизма активно критикуется различными исследователями¹, поскольку отсутствует четкое понятие экстремизма, содержащее совокупность существенных, необходимо присущих и отличительных признаков, мыслимых в данном понятии. Вместе с тем данная дефиниция используется при реализации уголовной ответственности, что связано со значительным ограничением прав и свобод личности. А значит, какие-то неточности, несогласованность, расширительное толкование будут напрямую влиять на практику применения уголовно-правовых норм, в частности.

Так, ряд формулировок ст. 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности», характеризующих формы проявления экстремизма, смешивают его с терроризмом. Согласно ст. 3 Федерального закона «О противодействии терроризму», терроризм – это идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий².

Необходимо отметить, что проблема соотношения экстремизма и терроризма активно обсуждается в научном сообществе. В большей степени, это

---

¹ См., напр.: Кургузкина Е. Б. Понятие экстремизма // Науч. портал МВД России. 2010. № 1 (9). С. 101–105; Мацкевич И. М. О предложениях, направленных на дальнейшее совершенствование законодательства об экстремизме // Юридическое образование и наука. 2014. № 2. С. 3–5.

² О противодействии терроризму: Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ. URL: <http://www.consultant.ru>.

связано с высказываниями о том, что терроризм является крайней, наиболее опасной формой проявления экстремизма¹. Считаем верным мнение сторонников другого подхода², что терроризм – это самостоятельное явление, содер­жательно отличающееся от экстремизма, и позволим себе привести ряд аргументов, обосновывающих данную точку зрения.

Анализ концептуальных текстов в области безопасности Российской Федерации³ позволяет сделать вывод, что терроризм и экстремизм понимаются как две самостоятельные угрозы безопасности РФ. Речь идет о Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года, Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года, Концепции общественной безопасности.

Нормы, регламентирующие ответственность за преступления экстремистской направленности (ст. 280, 280¹, 282–282³ УК РФ) и преступления террористического характера (ст. 205–205⁵ УК РФ), расположены в разных разделах и, соответственно, главах Особенной части УК РФ, тем самым их фактическое отличие заключается в качественном характере охраняемых уголовным законом общественных отношений.

Верховный Суд РФ, дифференцируя содержание терроризма и экстремизма, сформировал отдельные постановления, разъясняющие вопросы судебной практики по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности⁴ и по делам о преступлениях террористической направленности⁵.

Еще одним подтверждением отличия является наличие двух действующих федеральных законов: № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской дея-

---

¹ См.: *Сергун Е. П.* Экстремизм в российском уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2009. С. 137; *Фридинский С. Н.* Противодействие экстремистской деятельности (экстремизму) в России (социально-правовое и криминологическое исследование): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011. С. 9.

² См.: *Хлебушкин А. Г.* Преступный экстремизм: понятие, виды, проблемы криминализации и пенализации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2007. С. 6; *Сысоев А. М.* Об уточнении категорий преступлений экстремистской направленности // Российский юридический журнал. 2008. № 4. С. 128.

³ Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года: утв. Президентом Российской Федерации 28 ноября 2014 г. № Пр-2753 // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс»; О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года: указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683; Концепция общественной безопасности: утв. Президентом Российской Федерации от 20 ноября 2013 г. № Пр-2685.

⁴ О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 11 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации (далее – БВС). 2011. № 8. С. 3–8.

⁵ О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2012 г. № 1 // БВС. 2012. № 4. С. 3–8.

тельности» и № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», которые также регулируют различный круг общественных отношений.

В криминологической практике разделение экстремизма и терроризма подтверждается разными перечнями, используемыми при формировании статистической отчетности: № 20 – преступления экстремистской направленности и № 22 – преступления террористического характера¹. В свою очередь, статистическая отчетность позволяет проводить криминологические исследования преступлений, чтобы изучать процессы их детерминации, динамику, определять направления совершенствования борьбы с ними.

Необходимо отметить, что силы и средства противодействия экстремизму и терроризму также различны. В соответствии с указом Президента России от 6 сентября 2008 г. № 1316 «О некоторых вопросах Министерства внутренних дел Российской Федерации»² в органах внутренних дел на базе подразделений по борьбе с организованной преступностью были образованы центры по противодействию экстремизму, к основным задачам которых относятся: выявление и пресечение экстремистской деятельности; принятие профилактических мер, направленных на предупреждение экстремистской деятельности, в том числе на выявление и последующее устранение причин и условий, способствующих осуществлению экстремистской деятельности.

В свою очередь, направлением деятельности органов федеральной службы безопасности определена борьба с терроризмом. По решению Президента РФ в целях совершенствования государственного управления в области противодействия терроризму 15 февраля 2006 г. был образован Национальный антитеррористический комитет – коллегиальный орган, координирующий и организующий антитеррористическую деятельность органов государственной власти на федеральном уровне, на уровне субъектов РФ и органов местного самоуправления.

Подводя итог вышеизложенному, следует отметить, что экстремизм и терроризм, безусловно, имеют общие черты, а именно: они характеризуются идеологией и деятельностью, связанной с применением выходящих за рамки принятых в обществе методов решения³. Однако в целях разрешения проблем квалификации верным законодательным решением представляется исключение из ст. 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» формулировки «публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность» ввиду того, что экстремизм и терроризм являются самостоятельными негативными социальными феноменами.

---

¹ О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности: указание Генеральной прокуратуры Российской Федерации и МВД России от 1 февраля 2016 г. № 65/11/1 // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».

² Российская газета. 2008. 10 сент.

³ *Косарев М. Н.* О совершенствовании понятийного аппарата в сфере противодействия экстремизму // Вестн. Моск. ун-та МВД России. 2015. № 1. С. 90.

Необходимо отметить, что и международные организации выражают недовольство определением экстремизма, закрепленным в российском законодательстве. В частности, Комитет ООН по правам человека в 2009 г. высказал замечание по поводу отсутствия в судебной практике Российской Федерации единого понимания термина «социальная группа»¹. С таким замечанием согласны и российские ученые. По мнению С. В. Борисова, буквальное толкование данного словосочетания позволяет подвести под соответствующее понятие любую социальную группу из неисчислимого множества (спортивные фанаты, сотрудники правоохранительных органов, ветераны Великой Отечественной войны), что может привести к неоправданно широкому применению уголовно-правовых норм о преступлениях экстремистской направленности. Понятие «социальная группа» действительно вызывает научные дискуссии и затруднения в правоприменительной деятельности и более подробно будет исследовано в другой главе.

Отсутствие четко закрепленных в законодательстве понятий «экстремизм» и «экстремистская деятельность» негативно влияет на активность и эффективность работы правоохранительных органов. Вместе с тем полагаем, что в действующем законодательстве неверно отождествляются данные понятия. Следует заметить, что «экстремизм» как самостоятельное преступление в УК РФ отсутствует. И это логично. По своей сути экстремизм – это приверженность лица или группы лиц к каким-либо крайним взглядам (в политике, религии и т. п.). Согласно доктрине уголовного права, мысли, идеи, взгляды, в том числе основанные, например, на превосходстве одной расы над другой, не наказываются и являются личным делом каждого. Однако действия (а это уже экстремистская деятельность) на основании такого рода мыслей являются общественно опасными и требуют юридической оценки. Соответственно, экстремистской деятельностью могут признаваться лишь деяния, которые воплощаются в конкретном поведенческом акте.

Понятие, имеющее правоприменительное значение, должно быть юридически определенным. В противном случае, действие нормативных актов в целом или их части блокируется. Например, в 1993 г. Конституционный Суд РФ постановил признать не имеющим юридического значения понятие «экстремистские элементы», содержащееся в указе Президента РФ от 28 октября 1992 г. № 1308², поскольку оно лишено юридического содержания, что может привести к нарушению конституционных прав граждан при применении данного указа³.

---

¹ Заключительные замечания Комитета ООН по правам человека по результатам рассмотрения периодического доклада Российской Федерации // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».

² О мерах по защите конституционного строя Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 28 октября 1992 г. № 1308 // Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации (далее – САПП). 1992. № 18. Ст. 1458.

³ По делу о проверке конституционности указа Президента Российской Федерации от 28 октября 1992 г. № 1308 «О мерах по защите конституционного строя Российской Федерации»:

С целью верного применения нормы закона необходимо определить признаки категории «экстремистская деятельность».

Во-первых, поскольку мы рассматриваем экстремистскую деятельность в рамках уголовно-правового воздействия, то исходить в оценке этой деятельности следует из ее общественной опасности, определяемой объектом, которому причиняется вред. Осуществление экстремистской деятельности причиняет вред основам конституционного строя и безопасности государства.

Во-вторых, анализируемая деятельность запрещена нормами, закрепленными в Федеральном законе «О противодействии экстремистской деятельности» и УК РФ.

В-третьих, экстремистской деятельностью могут признаваться лишь деяния. Приверженность к взглядам, идеям и т. п. не может являться экстремистской деятельностью, поскольку тогда противодействие экстремистской деятельности означало бы борьбу с убеждениями. Намерения, идеи, взгляды должны воплотиться в поведении человека и лишь в таком виде получить юридическую оценку.

Относительно понятия «экстремизм» стоит отметить, что отсутствует единый подход к его пониманию ввиду многообразия его проявлений, значительно различающихся между собой. Справедливым в этой связи представляется мнение А. Г. Хлебушкина о том, что в силу поливариативности самого явления «экстремизм» все «универсальные» понятия экстремизма всегда будут содержать недостатки, поскольку дефиниция основывается на перечне признаков, каждый из которых имеет свою приоритетность в разных науках (социологии, политологии, психологии, правовой науке)¹. Более того, и в каждом из научных направлений огромное множество авторских определений экстремизма. Однако в рамках исследования ответственности за преступления экстремистской направленности преобладающими критериями выделения дефиниции «экстремистская деятельность» должны стать именно правовые.

Изучение теоретических источников, как уже отмечалось, позволяет сделать вывод об отсутствии единого подхода к толкованию термина «экстремизм». В словарях экстремизм определяют либо как приверженность к крайним мерам, взглядам (обычно в политике)², либо как идеологию, теорию и практику крайне фанатичных и радикальных представителей разнообразных конфессий, политических организаций и экстравагантных социальных

постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 12 февраля 1993 г. № 3-П // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1993. № 9. Ст. 344.

¹ См.: Хлебушкин А. Г. Преступления экстремистской направленности в системе посягательств на основы конституционного строя Российской Федерации. Вопросы квалификации и судебная практика: монография / под ред. Н. А. Лопашенко. М., 2016. С. 32.

² См.: Словарь иностранных слов. М., 2001. С. 622.

групп¹, либо как предрасположенность к крайним взглядам, к использованию крайних мер (включая теракты и захват заложников) для достижения своих целей².

Аналогичные дефиниции можно встретить и в научной литературе. По мнению А. В. Ростокинского, под экстремизмом необходимо понимать совокупность уголовно наказуемых деяний, совершенных в целях эскалации социально-политических, субкультурных, этнических, конфессиональных и иных конфликтов, прежде всего связанных с совершением преступлений против общественной безопасности (хулиганство, терроризм), а также с преступлениями против личности, совершаемыми на почве вражды и ненависти³. Предложенная автором формулировка представляется неудачной, поскольку, во-первых, экстремизм отождествляется только с уголовно наказуемыми деяниями. Однако и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях⁴ (далее – КоАП РФ) предусматривает ответственность за совершение деяний, подпадающих под признаки экстремистской деятельности. Во-вторых, автор смешивает преступления экстремистской направленности, преступления террористического характера и преступления против общественной безопасности.

Наиболее убедителен подход Е. П. Сергуна, который предлагает под экстремизмом понимать приверженность к определенной системе взглядов и идей, основанной на нетерпимости к основополагающим принципам конституционного строя Российской Федерации и охраняемым государством демократическим правам и свободам человека и гражданина, характеризующейся внутренней готовностью к активной деятельности, направленной на претворение в действительность таких воззрений уголовно наказуемыми способами⁵. Автор совершенно верно связывает воедино приверженность крайним взглядам и готовность к активной насильственной деятельности против основ конституционного строя.

Следует отметить, что отдельные ученые высказывают мнения по поводу нецелесообразности закрепления в законодательстве термина «экстремизм» («экстремистская деятельность»). В частности, С. А. Боголюбов считает, что все деяния, содержащие признаки экстремизма, предусмотрены КоАП РФ и

---

¹ См.: Большой энциклопедический словарь: философия, социология, религия, эзотеризм, политэкономия / гл. науч. ред. и сост. С. Ю. Солодовников. Минск, 2002. С. 967.

² См.: *Ожегов С. И.* Толковый словарь русского языка: ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / под ред. проф. Л. И. Скворцова. М., 2009. С. 1340.

³ См.: *Ростокинский А. В.* Преступления экстремистской направленности как проявления субкультурных конфликтов молодежных объединений: уголовно-правовые и криминологические проблемы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 14.

⁴ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Российская газета. 2001. 31 дек.

⁵ См.: *Сергун Е. П.* Экстремизм в российском уголовном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2009. С. 8.

УК РФ¹. Какие еще экстремистские деяния должны быть в нем?² Автор поясняет, что данное понятие обобщает все нежелательные и опасные для государства действия, *является публицистическим*, и его отсутствие в отечественном и в зарубежном законодательстве абсолютно справедливо. Аналогичной позиции придерживается В. В. Лунеев, полагая, что понятие «экстремизм» в праве встречается для описания особенностей того или иного преступного деяния; и ни в одном из европейских кодексов оно не используется. Однако «Россия, склонная к западным и международным юридическим терминам, порой пытается идти своим путем»³.

На основании изложенного представляется необходимым сформулировать определения экстремизма (как феномена) и экстремистской деятельности (как совокупности форм проявлений такой деятельности).

Экстремизм представляет собой негативное социальное явление, в рамках которого объединены крайние категорические убеждения, касающиеся политической, расовой, национальной, идеологической, религиозной принадлежности, идущие вразрез с конституционными принципами, провозглашенными в главе 1 Конституции РФ.

Под экстремистской деятельностью необходимо понимать запрещенное законом под угрозой наказания общественно опасное поведение, мотивированное политической, идеологической, расовой, национальной, религиозной ненавистью или враждой и посягающее на основы конституционного строя и безопасности государства. Следует учитывать, что экстремистская деятельность имеет место лишь в тех случаях, когда крайние взгляды, убеждения воплощаются в конкретных деяниях и приобретают необходимую для уголовно-правового запрета степень общественной опасности.

В УК РФ нет необходимости включать общее определение экстремизма. Вполне достаточно понятия «преступления экстремистской направленности». В примечании к ст. 282¹ УК РФ (введенной в УК РФ во исполнение Закона «О противодействии экстремистской деятельности») под преступлениями экстремистской направленности понимаются преступления, совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы. В соответствии с диспозицией ч. 1 ст. 282 УК РФ к экстремизму, кроме указанных в п. 2 примечания к ст. 282¹ УК РФ признаков, законодатель относит еще и признаки пола, языка, происхождения, обуславливающие ненависть и вражду.

---

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ.

² См.: *Боголюбов С. А.* Нужен ли закон о противодействии политическому экстремизму? // Адвокат. 2001. № 11. С. 97.

³ *Лунеев В. В.* Теория и история криминологии и права. Новеллы законодательного экстремизма // Российский криминологический взгляд. 2010. № 1. С. 231.

Как уже отмечалось, феномен экстремизма является поливариативным, исходя из этого встречается многообразие классификаций. Так, по направленности выделяют: экономический, политический, националистический, религиозный, молодежный, экологический, духовный и др. (при этом экстремизм может быть смешанного типа). По критерию масштабности действий экстремизм подразделяется на внутригосударственный и межгосударственный. По отношению к властным структурам различают экстремизм государственный и оппозиционный¹.

В рамках исследования уголовной ответственности за преступления экстремистской направленности представляется верным все проявления экстремистской деятельности разделить на группы по направленности на объект посягательства:

1) преступления, непосредственно направленные на совершение экстремистской деятельности (ст. 280, 280¹, 282–282³ УК РФ), в которых основным непосредственным объектом являются основы конституционного строя и безопасность государства;

2) преступления, совершаемые по экстремистскому мотиву (п. «л» ч. 2 ст. 105, п. «е» ч. 2 ст. 111, п. «е» ч. 2 ст. 112, п. «б» ч. 2 ст. 115, п. «б» ч. 2 ст. 116, п. «з» ч. 2 ст. 117, ч. 2 ст. 119, ч. 4 ст. 150, ч. 2 ст. 214, ч. 2 ст. 244 УК РФ), в которых основы конституционного строя выступают факультативным непосредственным объектом.

Анализу в рамках данной работы будут подлежать «классические» преступления экстремистской направленности, а именно публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ); публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации (ст. 280¹ УК РФ); возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства (ст. 282 УК РФ); организация экстремистского сообщества (ст. 282¹ УК РФ); организация деятельности экстремистской организации (ст. 282² УК РФ); финансирование экстремистской деятельности (ст. 282³ УК РФ).

В качестве итогов данного параграфа необходимо отметить следующее.

Отсутствие единого подхода к пониманию дефиниции «экстремизм» связано с многообразием его проявлений, значительно различающихся между собой.

Существующая дефиниция экстремистской деятельности не соответствует сущности такой деятельности и приводит к смешению данной категории с понятиями «экстремизм», «терроризм», а также к неверной юридической оценке. Под экстремистской деятельностью необходимо понимать запрещенное законом под угрозой наказания общественно опасное поведение, мотиви-

---

¹ См.: *Васильев Ф. П.* Природа современного экстремизма // Тр. Академии управления МВД России. 2009. № 1 (9). С. 26.

рованное политической, идеологической, расовой, национальной, религиозной ненавистью или враждой и посягающее на основы конституционного строя и безопасности государства. Следует учитывать, что экстремистская деятельность имеет место лишь в тех случаях, когда крайние взгляды, убеждения воплощаются в конкретных деяниях и приобретают необходимую для уголовно-правового запрета степень общественной опасности. Экстремизм представляет собой негативное социальное явление, в рамках которого объединены крайние категорические убеждения, касающиеся политической, расовой, национальной, идеологической, религиозной принадлежности, идущие вразрез с конституционными принципами, провозглашенными в главе 1 Конституции РФ.

Все преступные экстремистские проявления необходимо разделить на группы по направленности на объект посягательства:

1) преступления, непосредственно направленные на совершение экстремистской деятельности (ст. ст. 280, 280¹, 282–282³ УК РФ), в которых основным непосредственным объектом являются основы конституционного строя и безопасность государства;

2) преступления, совершаемые по экстремистскому мотиву (п. «л» ч. 2 ст. 105, п. «е» ч. 2 ст. 111, п. «е» ч. 2 ст. 112, п. «б» ч. 2 ст. 115, п. «б» ч. 2 ст. 116, п. «з» ч. 2 ст. 117, ч. 2 ст. 119, ч. 4 ст. 150, ч. 2 ст. 214, ч. 2 ст. 244 УК РФ), в которых основы конституционного строя выступают факультативным непосредственным объектом.

§ 2. Общественная опасность преступлений экстремистской направленности, посягающих на основы конституционного строя и безопасность государства

Экстремизм представляет собой одну из наиболее сложных проблем современного российского общества. Во всех своих проявлениях экстремизм ведет к нарушению гражданского мира и согласия, подрывает безопасность и государственную целостность Российской Федерации, создает реальную угрозу сохранению основ конституционного строя, межнационального (межэтнического) и межконфессионального согласия.

За последние годы увеличилось число внешних и внутренних экстремистских угроз. К внешним угрозам относится поддержка иностранными государственными органами и организациями экстремистских проявлений в целях дестабилизации общественно-политической обстановки в Российской Федерации, а также деятельность международных экстремистских и террористических организаций, приверженных идеологии экстремизма. Экстремизм все чаще используется как инструмент для решения геополитических вопросов и передела сфер экономического влияния. Одна из серьезнейших угроз, с которыми приходится сталкиваться современной России, связана с широким распространением в мире исламского фундаментализма. Разумеется, наличие

экстремистских идей характерно не только для ислама. Не свободны от экстремистских воззрений и иные религиозные традиции. Однако не будет преувеличением утверждение о том, что радикальный исламизм превалирует как в плане его распространенности и динамики развития, так и в плане реальных и потенциальных последствий деятельности его приверженцев. Экстремистская деятельность организаций, созданных на основе ислама, приобрела международное значение. Наибольшую проблему в современном мире представляет такое направление, как «ваххабизм» и «салафизм» (возвращение к истокам, возрожденчество). Возникшее в Аравии как реакция на иноземную оккупацию и предательство национальных интересов их внутренними пособниками – местной знатью и духовенством, оно воинственно проповедовало и продолжает проповедовать бескомпромиссную борьбу с неверными – отступниками от норм раннего ислама за так называемое «исламское возрождение». Опасность ваххабизма и салафизма заключается в их враждебности и неспособности мирно ужиться с другими религиями, что, в свою очередь, способствует межэтническим и межрелигиозным конфликтам и сепаратистским настроениям в нашем государстве. Ваххабиты и салафиты выступают, по их мнению, за «чистоту ислама», как от языческих пережитков, так и от новшеств, все остальные направления – это «отклонение от норм». Таким образом, в основе идеологии радикального ислама лежит исламский фундаментализм.

К основным внутренним угрозам следует отнести: деятельность, направленную на насильственное изменение конституционного строя Российской Федерации, дестабилизацию внутривнутриполитической и социальной ситуации в стране, дезорганизацию функционирования органов государственной власти, важных государственных, военных объектов и информационной инфраструктуры Российской Федерации; деятельность экстремистских организаций и отдельных лиц, направленную на подрыв суверенитета, нарушение единства и территориальной целостности Российской Федерации; деятельность по информационному воздействию на население, в первую очередь на молодых граждан страны, имеющую целью подрыв исторических, духовных и патриотических традиций в области защиты Отечества; провоцирование международной и социальной напряженности, разжигание этнической и религиозной ненависти либо вражды.

В свою очередь, Конституция РФ определяет, что государство гарантирует равенство прав и свобод человека независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям. Территория Российской Федерации относится к исключительному ведению России, на всю ее территорию распространяется суверенитет, и Российская Федерация обеспечивает целостность и неприкосновенность своей территории.

На опасность противоправных действий различных организаций и групп экстремистской направленности давно обратила внимание мировая общественность. Об этом свидетельствуют многочисленные международно-правовые нормативные акты, среди которых Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 г.¹; Международная конвенция от 21 декабря 1965 г. «О ликвидации всех форм расовой дискриминации»²; Декларация Генеральной Ассамблеи ООН от 25 ноября 1981 г. «О ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религий или убеждений»³.

В рамках национальной правовой системы проблеме противодействия экстремизму также уделяется много внимания. Так, в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации одним из источников угроз национальной безопасности Российской Федерации признана экстремистская деятельность националистических, радикальных религиозных, этнических и иных организаций и структур, направленная на нарушение единства и территориальной целостности Российской Федерации, дестабилизацию внутриполитической и социальной обстановки в стране. А в Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года, которая определяет цель, задачи и основные направления государственной политики в сфере противодействия экстремизму, в числе основных направлений государственной политики по противодействию экстремизму названы: в законодательной деятельности – обеспечение эффективного применения норм законодательства РФ в сфере противодействия экстремизму; реализация принципа неотвратимости наказания за осуществление экстремистской деятельности; в правоохранительной деятельности – координация действий правоохранительных органов, органов государственной власти, органов местного самоуправления, политических партий, общественных и религиозных объединений по пресечению экстремистских проявлений⁴.

Необходимость противодействия массовым проявлениям экстремизма постоянно отмечает и Президент Российской Федерации. Так, в Послании Президента РФ Федеральному Собранию РФ В. В. Путин отмечал, что «в начале XXI века мы столкнулись с настоящим демографическим и ценностным кризисом, если нация не способна себя сберечь и воспроизводить, если она утрачивает жизненные ориентиры и идеалы, ей и внешний враг не нужен, все и так развалится само по себе... Попытки провоцировать межэтническую напряженность, религиозную нетерпимость необходимо рассматривать как

---

¹ Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 г. // СПС «КонсультантПлюс».

² Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации от 21 декабря 1965 г. // СПС «КонсультантПлюс».

³ Декларация Генеральной Ассамблеи ООН от 25 ноября 1981 г. о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религий или убеждений // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ О Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года: указ Президента Российской Федерации от 28 ноября 2014 г. № 2753.

вызов единству Российского государства, как угрозу для каждого из жителей нашей страны»¹. В современном мире экстремизм используется как инструмент геополитики и передела сфер влияния, является серьезной угрозой национальной безопасности любого государства².

Надо сказать, что проявления ненависти или вражды к лицу в силу его половой, национальной, расовой, языковой, политической принадлежности в обществе существовали всегда, однако закрепление запрета на них в отечественном уголовном законодательстве произошло относительно недавно – в 2002 г. – и по настоящее время вызывает споры.

Установление уголовной ответственности за то или иное негативное проявление в обществе представляет собой результат процесса криминализации. По мнению А. И. Коробеева, криминализация – это «выявление общественно опасных форм индивидуального поведения, признания допустимости, возможности и целесообразности уголовно-правовой борьбы с ними и фиксации их в законе в качестве преступных и уголовно наказуемых»³. Процесс криминализации осуществляется при соблюдении определенных принципов.

Из множества предложенных в уголовно-правовой науке принципов криминализации почти все ученые в качестве основного называют принцип общественной опасности деяния⁴.

С точки зрения Т. В. Церетели, общественная опасность всегда остается величиной, которая независима от личных возможностей конкретного деятеля. Критерии, определяющие общественную опасность, имеют одинаковое значение для всех лиц, так как право устанавливает одинаковые требования ко всем адресатам норм⁵.

Уголовное законодательство выделяет в общественной опасности качественную сторону – характер и количественную – степень. Характер общественной опасности определяется совокупностью признаков объекта посягательства, последствий, формой вины, способа совершения преступления. Степень общественной опасности представляет собой ее количественную характеристику. Она зависит от размера причиненного или потенциального ущерба, степени выраженности вины лица, его мотивов и целей и др.⁶

---

¹ Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 12 декабря 2012 г.

² Из выступления Президента Российской Федерации В. В. Путина 20 ноября 2014 г. на заседании Совета Безопасности по рассмотрению проекта Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года. URL: www.kremlin.ru/news/470454.

³ Коробеев А. И. Советская уголовно-правовая политика: Проблемы криминализации и пенализации. Владивосток, 1987. С. 59.

⁴ См., напр.: Злобин Г. А. Некоторые террористические вопросы криминализации общественно опасных деяний // Проблемы правосудия и уголовного права. М., 1978. С. 106; Марцев А. И. Общие вопросы учения о преступлении. Омск, 2000. С. 26.

⁵ См.: Церетели Т. В. Основание уголовной ответственности и понятие преступления // Правоведение. 1980. № 2. С. 83.

⁶ См.: Пионтковский А. А. Учение о преступлении. М., 1961. С. 157.

Характер общественной опасности преступлений экстремистской направленности, посягающих на основы конституционного строя и безопасности государства, проявляется в следующем.

Экстремистская идеология создает внутривнутриполитическую напряженность в стране, способствуя совершению населением различных насильственных действий в отношении органов государственной власти, что опасно не только для политической силы, находящейся у власти, но и для демократической государственности в целом, поскольку ведет к нарушению деятельности государственных институтов, которые обязаны обеспечивать права человека¹. Кроме того, она заключается в проникновении в общество идеологии нацизма, расизма, ксенофобии², что приводит к низкому уровню правовой культуры населения.

Так ли опасен низкий уровень культуры населения, и каким образом он влияет на незыблемость основ конституционного строя? А связь здесь закономерная. Ведь можно утверждать, что граждане государства обладают правосознанием только тогда, когда они знают содержание своей конституции, признают, уважают и соблюдают ее положения как основополагающие нормы и принципы общественного порядка, понимая их значение для стабильности государства и общества. В противном случае граждане могут стать «марионетками» в руках экстремистских организаций или недружественных государств, а единство и стабильность российского общества, основанные на конституции, становятся особенно «уязвимыми». В связи с этим и в целях противодействия экстремистской деятельности необходимо проводить работу по формированию и укреплению правосознания граждан Российской Федерации.

Правовая культура тесно связана с конституционным правосознанием. От того, как глубоко общество знает и воспринимает конституцию, являющуюся актом высшей юридической силы и прямого действия, зависит, насколько граждане готовы к законопослушному исполнению своих конституционных обязанностей и использованию гарантий защиты своих прав и свобод³. Кроме того, установление государством правовых гарантий еще само по себе не

---

¹ Данный вывод сделан на основании контент-анализа интернет-сайтов, освещающих проблемы противодействия преступлениям экстремистской направленности.

² Ксенофобия – центральный психологический механизм формирования интолерантных установок и предрассудков. Это важная психологическая причина конфликтов и войн, так как всегда порождает жесткую ответную реакцию. Также ксенофобия является удобным орудием манипуляции, которым успешно пользуются националистические движения. В кризисных ситуациях в обществе она приобретает массовый характер и самые различные формы, например, так называемых «этнофобий» (антисемитизм, русофобия, кавказофобия, цыганофобия и т. д.).

³ См.: *Наквасина Г. А., Хрулева В. В.* Конституционное правосознание и правовая культура в механизме правового регулирования // *Вестн. Воронеж. ин-та МВД России.* 2014. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/konstitutsionnoe-pravosoznanie-i-pravovaya-kultura-v-mehanizme-pravovogo-regulirovaniya>.

способствует полному обеспечению прав и свобод человека, поскольку их реализация зависит от психологического, культурно-юридического, нравственного уровня, а также от уровня социальной ответственности должностного лица или иного субъекта отношений власти и управления. То есть эффективность норм конституции и законов, принятых во исполнение положений конституции, в значительной степени зависят от правовой культуры индивида и его ответственности за исполнение законов¹.

Справедливым здесь является утверждение В. И. Ступакова и Г. В. Петровой, что в современных условиях «информационной войны» стран НАТО во главе с США против интересов Российской Федерации, ее исторических достижений, направленной на уничтожение России как суверенного государства, необходимо укреплять конституционное правосознание российских граждан. Его важно рассматривать как особую, «обязательную категорию правосознания» для обеспечения безопасности политических и социально-экономических основ единства и стабильности Российского государства и общества перед лицом внешних угроз².

Реалии таковы, что основные угрозы России, как уже отмечалось, исходят от деятельности экстремистских организаций, направленной на насильственное изменение конституционного строя страны, дестабилизацию работы государственных органов; деятельность некоторых иностранных организаций, особенно СМИ, прямо направлена на разрушение внутривнутриполитической и социальной ситуации, уничтожение традиционных российских духовно-нравственных ценностей и др.

Для обеспечения государственной и общественной безопасности необходимо усиление роли государства в информационной сфере, усиление взаимодействия органов безопасности и правопорядка с гражданским обществом, повышение доверия граждан к правоохранительной и судебной системам, а также повышение уровня правосознания граждан.

Развитое конституционное правосознание как субъективный фактор социальной ответственности индивида и позитивно взвешенного осмысления конституционных основ развития общества и государства становится критерием разграничения «свободы слова» граждан от экстремистских «высказываний» в адрес государства, государственных, муниципальных служащих, руководителей органов власти и управления в связи с выполнением ими должностных обязанностей (судебно-следственной практике известны случаи привлечения к уголовной ответственности за репосты в социальных сетях).

---

¹ См.: Лукашова Е. А. Правосознание и законность в социалистическом обществе. М., 1973. С. 67.

² См.: Ступаков В. И., Петрова Г. В. Конституционное правосознание в системе конституционно-правовых мер защиты единства, стабильности и безопасности российского государства и общества от внешних угроз // Государственная власть и местное самоуправление. 2019. № 6.

Конституцией Российской Федерации предоставлена возможность каждому выражать свое мнение и убеждение любым законным способом, не нарушающим права и свободы других лиц (ч. 3 ст. 17, ст. 29). То есть Основной закон говорит о свободном выражении мнения граждан законными способами, которые не допускают крайних убеждений и не посягают на основы конституционного строя. Публичные обвинения в адрес государства или представителей власти (например, в «коррупции», «воровстве») на каких-либо общественных площадках, не имеющие официально подтвержденных компетентными органами оснований, доказательств, фактов, не только дестабилизируют общественный порядок, но и оскорбляют чувства «доверия и уважения к власти» других граждан. Стоит согласиться здесь с мнением Н. В. Ступакова, что такая «вседозволенность» в трактовке того или иного государственного события внешней и внутренней политики России с «однобокой» позиции «либеральной интеллигенции», которая «не желает видеть позитива» ни в прошлом, ни в настоящем, ни в будущем России «без копирования западных моделей развития», становится фактором разрушения конституционного правосознания граждан, особенно молодежи, которые «начинают сомневаться» в прогрессивном будущем развитии своей страны. Критика недостатков российского правопорядка не должна превращаться в «оголтелый нигилизм», отрицающий все позитивное в России¹. Не допустить это возможно только с помощью формирования правовой культуры граждан, особенно молодежи, которая становится «мягкой силой», воздействующей на правопорядок и законность в обществе. Негативное воздействие на состояние национальной безопасности в сфере культуры также усиливают попытки пересмотра взглядов на историю России, ее роль и место в мировом историческом процессе, пропаганда образа жизни, в основе которого – вседозволенность и насилие, расовая, национальная и религиозная нетерпимость.

Преступления экстремистской направленности обладают повышенной общественной опасностью, в связи с тем что носят международный характер. Значительное количество экстремистских формирований транснациональной ориентации сосредоточено в Южном, Центральном, Уральском, Дальневосточном и Северокавказском регионах России. В связи с развитием информационных технологий происходит взаимодействие на мировом уровне. Информационно-телекоммуникационные сети, в том числе сеть Интернет, избираются представителями экстремистских сообществ и организаций в силу простоты доступа, низкой стоимости, минимума регулирования, широкомасштабности, быстрого потока информации.

---

¹ См.: Ступаков Н. В. «Мягкая сила» как фактор, влияющий на результативность внешней политики в международных отношениях евразийских государств и построение стратегической платформы безопасности России, стран СНГ и ЕАЭС // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. 2018. № 3. С. 24–37.

Необходимо отметить, что преступления экстремистской направленности постепенно срastaются с различными видами общественно опасных посягательств.

В частности, финансирование экстремистской деятельности по большей части осуществляется путем совершения преступлений экономической направленности, что влечет подрыв экономической безопасности России. Так, в 2008 г. на территории Чеченской Республики было ликвидировано преступное сообщество, занимавшееся изготовлением и сбытом поддельных денег и ценных бумаг, прибыль от деятельности которого направлялась на развитие экстремизма в регионе. Данная деятельность для членов сообщества была не только способом приобретения денег, но и средством борьбы с идеологией, против которой они выступали¹.

Стремительное сращивание анализируемых общественно опасных деяний с общеуголовной и экономической преступной средой может способствовать возникновению в ближайшем будущем мощной преступной коалиции, что еще более повысит степень общественной опасности экстремизма и затруднит противодействие ему. Вместе с тем стоит подчеркнуть, что одной из ключевых составляющих национальной безопасности, ее материальной основой является экономическая безопасность. Ее обеспечение входит в состав важнейших функций государства, поскольку только сильное в экономическом плане государство может создать условия, приемлемые для жизни и развития личности, успешного противостояния влиянию внутренних и внешних угроз, военно-политической стабильности общества и сохранения целостности государства. Последние события на Украине и обострение противостояния России со странами Запада – еще одно тому подтверждение. Без обеспечения экономической безопасности практически невозможно решить ни одной из задач, стоящих перед Россией на современном этапе, как внутри государства, так и на международной арене.

В настоящее время экстремизм в нашей стране, претерпев существенные качественные и количественные изменения, трансформировался в более опасную форму – форму организованной преступности. Поэтому в числе причин, существенно повышающих уровень общественной опасности преступлений экстремистской направленности, выступает взаимосвязь объединений экстремистской направленности с общеуголовной преступной средой, в частности с бандами и преступными сообществами.

Так, приговором Ленинского районного суда г. Кирова Д. признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 282¹ (в ред. Федерального закона от 5 мая 2014 г. № 130-ФЗ), ч. 2 ст. 119, п. «б» ч. 2 ст. 116 (в ред. Федерального закона от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ), ч. 2 ст. 213, ч. 2

---

¹ См.: *Петрянин А. В.* Уголовно-правовые средства противодействия отдельным формам экстремистских проявлений // Следователь. 2011. № 7. С. 8.

ст. 119, п. «б» ч. 2 ст. 116 (в ред. Федерального закона от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ), ч. 2 ст. 213, п. «б» ч. 2 ст. 116 (в ред. Федерального закона от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ). Д., являясь приверженцем идеологии фашизма, признавая себя участником молодежного движения «скинхеды», разделяя идеи экстремистской националистической направленности, исключительно лиц славянской национальности и неполноценности лиц неславянского происхождения – представителей народностей Кавказа и Средней Азии, невозможности проживания последних на территории Российской Федерации, руководствуясь национальной ненавистью к ним, а также ненавистью к представителям других неформальных молодежных движений, в том числе к «антифашистам» и иным лицам, не разделяющим нацистскую идеологию, решил заниматься преступной деятельностью, направленной на совершение в отношении указанных категорий лиц уголовно наказуемых деяний против жизни и здоровья, а также общественной безопасности и общественного порядка, т. е. создать на территории г. Кирова экстремистское сообщество¹.

Степень общественной опасности преступлений экстремистской направленности находит свое выражение в санкции, установленной за их совершение. Одним из способов оценки степени общественной опасности преступлений является сопоставление медиан (средних значений) наказаний.

В данном контексте интересным представляется установление размера наказания в виде штрафа за совершение публичных призывов к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ), публичных призывов к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации (ст. 280¹ УК РФ), и публичных призывов к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма (ст. 205² УК РФ).

Верхний предел наказания в виде штрафа в абсолютном и относительном значениях в санкциях, предусмотренных ч. 1 ст. 280 УК РФ и ч. 1 ст. 280¹ УК РФ, одинаков, но ниже, чем в санкции, установленной ч. 1 ст. 205² УК РФ. Медианы анализируемых санкций свидетельствуют о том, что законодатель публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности и к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности РФ, признает менее опасными по сравнению с публичными призывами к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма. Подобная оценка общественной опасности вызывает сомнения. Необходимо отметить, что публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность, согласно ст. 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности», выступают формой проявления экстремистской деятельности. Следовательно, ответственность за

---

¹ Приговор Ленинского районного суда г. Кирова от 24 октября 2016 г. по уголовному делу № 1-671/2016 (50079). URL: <https://sudact.com>.

публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности должна быть выше или как минимум равной ответственности за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности. На сегодняшний день преступления, причиняющие огромный ущерб государству (а следовательно, и обществу и гражданам) и являющиеся основным источником угроз национальной безопасности и целостности страны, оценены законодателем как менее опасные по сравнению с преступлениями против общественной безопасности.

На основе вышеизложенного представляется, что санкции за осуществление террористической и экстремистской деятельности должны быть согласованы. Полагаю, что в современном уголовном законодательстве, теории уголовного права и правоприменительной практике недооценивается степень общественной опасности преступлений экстремистской направленности, посягающих на основы конституционного строя и безопасность государства.

По справедливому утверждению С. А. Авакьяна, конституционный строй отражает устои прежде всего общества, а значит, причинение вреда основам конституционного строя в результате осуществления экстремистской деятельности отражается в первую очередь на обществе.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод, что преступления экстремистской направленности, посягающие на основы конституционного строя и безопасность государства, обладают достаточной степенью общественной опасности для их криминализации.

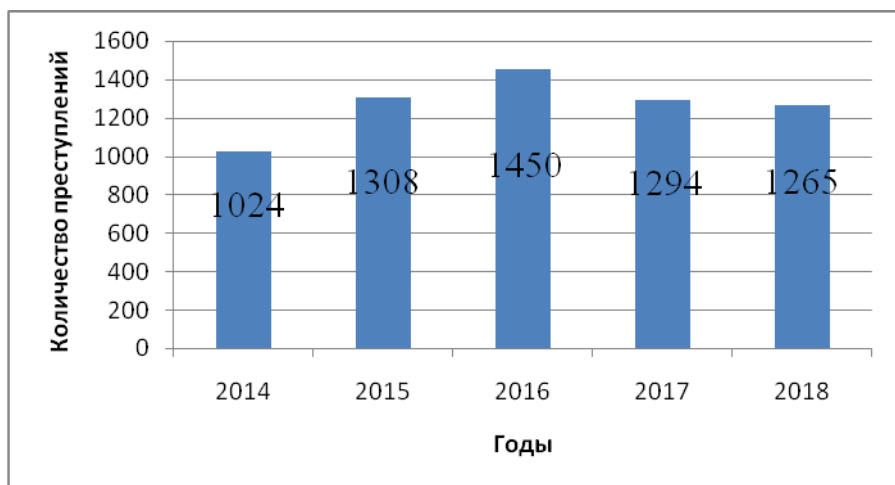
Вместе с тем, как уже упоминалось, уголовно-правовой запрет должен формулироваться с учетом определенных принципов. Не от одной лишь общественной опасности зависит существование уголовно-правового запрета. Немалую роль играет распространенность общественно опасного деяния. Степень распространенности в качестве критерия, определяющего объективную потребность общества в криминализации, выделяют многие исследователи¹. В частности, по мнению Н. А. Лопашенко, деяние, преследуемое в уголовном порядке, не может быть случайным или редким для общества, а напротив, должно быть типичным, повторяющимся². Данные, характеризующие количество преступлений, предусмотренных ст. 280, 282–282³ УК РФ, зарегистрированных на территории Российской Федерации в период с 2014 по 2018 гг., представлены на рисунке.

---

¹ См., напр.: *Дагель П. С.* Условия установления уголовной наказуемости // Правоведение. 1975. № 4. С. 68; *Лопашенко Н. А.* Основы уголовно-правового воздействия: уголовное право, уголовный закон, уголовно-правовая политика. СПб., 2004. С. 288–298; Основания уголовно-правового запрета. Криминализация и декриминализация / под ред. В. Н. Кудрявцева, А. М. Яковлева. М., 1982. С. 210–242.

² См.: *Лопашенко Н. А.* Указ. соч. С. 290.

Рис. 1. Состояние преступлений экстремистской направленности на территории Российской Федерации в период с 2014 по 2018 гг.¹

По приведенным данным можно заметить, что за последние годы наблюдается снижение роста количества анализируемых преступлений. Вместе с тем указанные выше цифры не позволяют в полной мере судить о фактическом количестве посягательств на основы конституционного строя и безопасность государства. Уголовно-правовая статистика не в состоянии учесть все совершенные проявления экстремизма и вынуждена ограничиваться учетом лишь зарегистрированных деяний.

Преступления, ответственность за которые установлена в ст. 280, 280¹, 282–283³ УК РФ, обладают высокой латентностью в связи с тем, что не всегда получают надлежащую правовую оценку из-за поливариативности самого явления «экстремизм», а также терминологической путаницы дефиниций «экстремизм», «экстремистская деятельность», «терроризм». Поэтому распространенность анализируемых общественно опасных деяний гораздо выше, чем это отражают данные официальной статистики. Повышенная латентность, в свою очередь, создает ощущение безнаказанности, способствует формированию стойких преступных образований, подрывает принцип неотвратимости наказания, снижает превентивное значение уголовного закона.

Количество зарегистрированных преступлений экстремистской направленности может показаться достаточно небольшим по сравнению с общим количеством совершаемых на территории Российской Федерации преступлений, однако каждое из них вызывает повышенный общественный резонанс и

¹ По данным ГИАЦ МВД России. URL: <http://www.mvd.ru>.

может дестабилизировать социально-политическую обстановку, как в отдельном регионе, так и в стране в целом.

Примером может служить приговор Ленинского районного суда г. Уфы от 4 декабря 2013 г. по делу № 1-55/2013. Согласно материалам дела, П. совершила преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 280 УК РФ, при следующих обстоятельствах. Используя персональный компьютер, имеющий выход в информационно-телекоммуникационную сеть Интернет, П. разместила в свободном доступе обращение следующего содержания: «Нацисты-скинхеды Уфы давайте объединяться и мы покажем всем, не умерла Россия»; «Мы провозглашаем 10 ноября днем насилия, террора и мести. Взываем совершенно всех, кто может держать оружие и действовать! Выйти на улицы и безжалостно мстить»; «Пусть твари в погонах и креслах государственных учреждений умоются своей грязной кровью!»; «Пусть они жалеют, что вообще, когда-либо посмели перейти дорогу Национал-социализму!»; «Пусть знают цену настоящего человека и Национал-социалиста»; «Надо отомстить за всех наших братьев, наточить ножи, выкопать и достать оружие, сделать как можно больше самодельных взрывных устройств, приготовить коктейли Молотова»; «За всех павших!»; «Да здравствует день истины!»; «Пусть слово МЕСТЬ трансформируется в реальный безостановочный агрессор»; «Поджигайте здания МВД, ФСБ, государственные учреждения, филиалы единой России, режьте тварей и оккупантов, убивайте, взрывайте, уничтожайте, крушите, избивайте, калечьте, пишите на стенах призывы!»; «Делайте все что угодно, что вы считаете нужным, но ради соратников не бездействуйте!»; «Делайте все то, к чему зывал вас в номерах Русской Воли наш соратник Базылев Максим (Адольф)»¹.

Рассматриваемые общественно опасные деяния – достаточно распространенное явление, которое нельзя оставлять без внимания законодателя. Как правильно отмечал А. М. Яковлев, в случае «когда социально опасное явление не получает своевременной и соответствующей его содержанию правовой оценки, борьба с ним становится менее эффективной, а ущерб, причиняемый таким явлением, не встречает должного противодействия»².

Таким образом, установление уголовно-правового запрета за совершение преступлений экстремистской направленности – социально обусловленная мера, представляющая собой реакцию государства на происходящие в обществе негативные процессы, связанные возбуждением ненависти или вражды, а в ряде случаев и с физическим уничтожением лиц по признакам расы, национальности, языка, политической принадлежности, отношения к религии, влекущие тем самым нарушение охраняемых анализируемыми уголовно-

---

¹ Приговор Ленинского районного суда г. Уфы от 4 декабря 2013 г. по делу № 1-55/2013. URL: <https://rospravosudie.com>.

² Основания уголовно-правового запрета. Криминализация и декриминализация / под ред. В. Н. Кудрявцева, А. М. Яковлева. С. 5.

правовыми нормами общественных отношений, имеющих особую ценность для общества, поскольку создают основу безопасного существования человека, нации в демократическом правовом многонациональном государстве.

Общественная опасность экстремистской деятельности определяется тем, что, свергая легитимный политический режим, провоцируя внутрис государственную нестабильность и конфликты, виновный влияет на состояние национальной безопасности, которая включает в себя оборону страны и все виды безопасности, предусмотренные Конституцией РФ: государственную, общественную, информационную, экологическую, экономическую, транспортную, энергетическую безопасность, безопасность личности.

ГЛАВА 2. УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ, ПОСЯГАЮЩИХ НА ОСНОВЫ КОНСТИТУЦИОННОГО СТРОЯ И БЕЗОПАСНОСТЬ ГОСУДАРСТВА

§ 1. Объект преступлений экстремистской направленности, посягающих на основы конституционного строя и безопасность государства

Проблему установления объекта преступления можно назвать одной из наиболее сложных в теории уголовного права и в правоприменительной деятельности. Его установление позволяет определить социальную и юридическую сущность преступления, обнаружить общественно опасные последствия, правильно разрешить вопросы квалификации деяния и разграничения смежных составов преступлений.

Признавая важность нормального функционирования определенных отношений для общества и государства, законодатель переводит объект уголовно-правовой охраны в элемент состава преступления, устанавливая его границы посредством описания в диспозиции статьи Особенной части УК РФ других его элементов. От того, насколько точно в диспозиции статьи будет указана сфера отношений, нормальному функционированию которых преступление причиняет вред, зависит соблюдение принципа законности при применении норм уголовного права¹.

Поддерживая доминирующую точку зрения в науке отечественного уголовного права, под объектом преступления мы понимаем общественные отношения, охраняемые уголовным законом, которым преступлением причиняется вред либо создается реальная угроза причинения вреда². Связано это с тем, что данная концепция подтвердила свою многолетнюю состоятельность и поддерживается судебной практикой.

Анализируемые преступления предусмотрены разделом X УК РФ «Преступления против государственной власти». Государственная власть – это управление делами общества, реализуемое посредством специальных органов, наделенных определенными полномочиями, путем совершения действий и принятия норм, имеющих обязательное значение, выполнение которых в ряде случаев достигается с помощью принуждения. Таким образом, родовым объектом анализируемых преступлений следует считать общественные отношения, охраняющие легитимность, нормальное существование и функцио-

---

¹ См.: *Винокуров В. Н.* Объект преступления: систематизация и квалификация. Красноярск, 2011. С. 33.

² См., напр.: *Трайнин А. Н.* Общее учение о составе преступления. М., 1957. С. 124; *Гаухман Л. Д.* Объект преступления. М., 1992. С. 5; *Брайнин Я. М.* Уголовная ответственность и ее основания в советском уголовном праве. М., 1963. С. 67; *Коржанский Н. И.* Объект преступления и предмет уголовно-правовой охраны. М., 1980. С. 33.

нирование законодательной, исполнительной, судебной ветвей государственной власти.

Результаты изучения соответствующих теоретических источников позволяют утверждать, что видовой объект преступлений, ответственность за которые предусмотрена ст. 280, 280¹, 282–282³ УК РФ, послужил предметом обсуждения многих исследователей, поэтому необходимо остановиться на нем более подробно. Так, отдельные отечественные исследователи высказываются за формирование иного, чем в действующем законе, подхода к определению видového объекта преступлений экстремистской направленности. В. Г. Беспалько настаивает на необходимости закрепления в уголовном законе в качестве видového объекта анализируемых посягательств общественных отношений, охраняющих духовную безопасность. Автор предлагает пересмотреть сложившиеся представления об объектах отдельных составов преступлений, в частности экстремистской направленности, объединить их в самостоятельную главу уголовного закона, которую, на взгляд ученого, следует назвать «Преступления против духовной безопасности» и включить в раздел IX «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка» УК РФ¹.

И. И. Бикеев предлагает включить преступления экстремистской направленности в круг преступлений против общественного спокойствия. По его мнению, анализируемые преступления гораздо больше посягают на общественное спокойствие, чем на основы конституционного строя и безопасность государства. Общественное спокойствие – это психологическое состояние социума, при котором население ощущает стабильность, размеренность, упорядоченность и нормальное развитие общественных процессов, защищенность охраняемых государством ценностей от преступных деяний, способных причинить вред многим лицам (объектам)².

По утверждению Д. И. Леньшина, экстремистские деяния выступают квалифицированными видами убийства, умышленного причинения вреда здоровью различной степени тяжести, побоев, истязания, хулиганства, вандализма, большинство из которых закреплены в главе 16 УК РФ «Преступления против жизни и здоровья». Ввиду чего автор делает вывод, что видовым объектом преступлений экстремистской направленности является, прежде всего, физическое благополучие конкретного лица, его жизнь и здоровье, а преступления, предусмотренные ст. 280, 282–282³ УК РФ, посягают на общественный порядок, общественную безопасность и общественную нравственность³.

---

¹ См.: *Беспалько В. Г.* Духовная безопасность как объект уголовно-правовой охраны // *Право и безопасность.* 2006. № 3–4. С. 21.

² См.: *Бикеев И. И.* Общественная безопасность как объект преступления по российскому уголовному праву // *Следователь.* 2007. № 7. С. 4.

³ См.: *Леньшин Д. И.* Преступления экстремисткой направленности по уголовному праву Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 171.

Необходимо сказать, что наиболее часто в юридической литературе встречается мнение о том, что видовым объектом преступлений экстремистской направленности следует считать общественные отношения, защищающие общественную безопасность.

Предложенные дефиниции видового объекта анализируемых преступлений, по нашему мнению, не отражают сущности общественных отношений, страдающих в процессе их совершения. Безусловно, преступления против общественной безопасности направлены на нарушение стабильных отношений по обеспечению общественного спокойствия и нормального жизнеобеспечения общества. Одно только то, что связующим звеном указанных преступлений с преступлениями против основ конституционного строя и безопасности государства является возможность совершения деяний, связанных с причинением вреда неограниченному кругу физических лиц, организаций, предприятий, государству в *любой* области жизнедеятельности общества, не свидетельствует о том, что видовой объект необходимо определять как общественную безопасность. Поэтому вряд ли можно согласиться с таким подходом, поскольку понятие «безопасность» слишком широкое по своему содержанию. И возможность причинения вреда основам конституционного строя и безопасности государства также не исключается, поскольку безопасность государства, наряду с личной безопасностью и безопасностью общества, является составной частью безопасности в целом. Безусловно, ключевой причиной, породившей дискуссии исследователей по поводу видового объекта преступлений экстремистской направленности и места их нахождения в Особенной части УК РФ, можно считать несовершенство дефиниции «экстремизм». Уже упоминалось, что ст. 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности»¹ в качестве форм осуществления указанной деятельности перечисляет деяния, ответственность за которые предусмотрена самостоятельными уголовно-правовыми нормами, содержащимися в различных главах УК РФ. Вследствие чего зачастую как преступления экстремистской направленности понимаются, например, уличные драки представителей Национал-большевистской партии Лимонова и неофашистов между собой, а не те деяния, которые действительно направлены на насильственный захват или удержание власти, на насильственное изменение основ конституционного строя, а также на создание организованных форм для выполнения этих действий. Любые партии, организации, общественные объединения, имеющие целью насильственное изменение конституционного строя, запрещены. Любые призывы или требования изменения конституционного строя Российской Федерации в соответствии с установленными законом процедурами не могут признаваться неконституционными. Таковыми являются только такие действия или их пропаганда, которые носят антиконституционный характер и

---

¹ О противодействии экстремистской деятельности: Федеральный закон от 25 июня 2002 г. № 114-ФЗ // Российская газета. 2002. 30 июля.

несовместимы с Основным законом страны. Как представляется, сущность экстремистской деятельности состоит в насильственном лишении конституционных органов законодательной, исполнительной и судебной власти возможности осуществлять свои функции и полномочия. Формы такого воспрепятствования могут быть различными, но для признания их антиконституционными необходимо реальное использование насилия для изменения конституционного строя РФ.

В связи с этим видовым объектом анализируемых преступлений следует считать основы конституционного строя. В целях аргументации позиции представляется необходимым проанализировать понятия «общественная безопасность» и «основы конституционного строя».

Нормативно понятие «безопасность» содержалось в утратившем силу Законе РФ от 5 марта 1992 г. № 2446-1 «О безопасности», где оно определялось как «состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз»¹.

Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности»² заявленное в названии основополагающее определение для данного нормативного правового акта не содержит. Однако можно предположить, что безопасность государства – это часть национальной безопасности РФ. Под национальной безопасностью, в соответствии с п. 6 указа Президента РФ «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации», понимается состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, при котором обеспечивается реализация конституционных прав и свобод граждан Российской Федерации, достойные качество и уровень их жизни, суверенитет, независимость, государственная и территориальная целостность, устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации³.

Связь категорий «национальная безопасность» и «основы конституционного строя» хорошо прослеживается в определении, данном В. В. Мамоновым, который под национальной безопасностью предлагает понимать совокупность внутренних и внешних условий существования личности, общества, государства, обеспечивающих достойную жизнь гражданам, защиту интересов общества, суверенитет народа, исключающих возможность насильственного изменения конституционного строя⁴.

Особое значение для национальной безопасности имеют те основы конституционного строя, которые составляют признаки *суверенного* (выделено

---

¹ СПС «КонсультантПлюс».

² Российская газета. 2010. 29 дек.

³ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года: указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683.

⁴ См.: Мамонов В. В. Понятие и место национальной безопасности в системе конституционного строя России // Журнал российского права. 2007. № 6. С. 25.

автором. – *И. М.*) государства, а именно: территориальная целостность и неприкосновенность, единство и верховенство системы федеральной государственной власти, приоритет Конституции и федеральных законов, федеративное устройство, разграничение предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов, равноправие субъектов, контроль за конституционностью нормативных актов и меры государственного принуждения.

Незыблемость конституционного строя объявляется Стратегией национальной безопасности долгосрочным национальным интересом Российской Федерации, а его защита – стратегической целью обеспечения национальной безопасности в сфере государственной и общественной безопасности.

Основы конституционного строя России сосредоточены в главе 1 Конституции РФ и включают такие принципы устройства государства и общества, как:

- 1) человек, его права и свободы есть высшая ценность (ст. 2);
- 2) народовластие (ст. 3);
- 3) полнота суверенитета Российской Федерации (ст. 4);
- 4) равноправие субъектов РФ (ст. 5);
- 5) единое и равное гражданство независимо от оснований его приобретения (ст. 6);
- 6) экономическая свобода как условие развития экономической системы (ст. 8);
- 7) разделение властей (ст. 10);
- 8) гарантии местного самоуправления (ст. 12);
- 9) идеологическое многообразие; политический плюрализм, многопартийность (ст. 13);
- 10) приоритет Основного закона, а равно приоритет общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров России перед национальным правом (ст. 15);
- 11) особый порядок изменения положений Конституции РФ, составляющих основы конституционного строя (ст. 16).

Рассматривая человека, его права и свободы в качестве высшей ценности, Конституция РФ тем самым определяет порядок взаимоотношений государства и личности. Этот принцип является основополагающим при установлении правового статуса человека и гражданина, а также свидетельствует о возможности формирования правового государства. Безопасность личности как состояние защищенности человека в любой сфере социальной жизни дает возможность всесторонней реализации его прав и свобод, позитивного раскрытия потенциала всего богатства общественных отношений в условиях полноценной современной демократии. Основным субъектом, призванным обеспечить безопасность личности, является государство, которое обязано признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина (ст. 2 Основного закона).

Вступая в должность Президента РФ, Д. А. Медведев в своей речи достаточно четко определил стратегию развития правовой системы; по его мнению, «подлинное торжество закона возможно лишь при условии безопасной жизни людей, а безопасность граждан должна быть не просто гарантирована законом, но и реально обеспечена государством»¹.

По мнению О. А. Колоткиной, природа безопасности личности состоит в том, что она одна из основных жизненных потребностей человека, без удовлетворения которой индивид не может нормально существовать, действовать и развиваться в социуме. Именно эта потребность лежит в основе безопасности различных элементов социума (социальных групп, общностей, общества и государства в целом)².

В соответствии со ст. 3 Конституции РФ носитель суверенитета и единственный источник власти в России – ее многонациональный народ. Сущность принципа народовластия заключается в том, что народ осуществляет власть непосредственно, путем референдума и свободных выборов, а также через избираемые представительные органы государственной власти и органы местного самоуправления. Демократия защищена конституционным запретом присваивать власть в Российской Федерации кем-либо. Захват власти или присвоение властных полномочий запрещается УК РФ.

Принцип полноты суверенитета Российской Федерации составляет основу ее государственности, которая характеризуется верховенством и единством государственной власти, независимостью в отношениях с другими государствами. Несмотря на федеративное устройство России, она представляет собой целостное государство, а Конституция и федеральные законы действуют на всей территории государства. Равноправие субъектов РФ впервые закреплено действующей Конституцией РФ.

Гражданство – это особая политико-правовая связь между личностью и государством, характеризующаяся установлением взаимных прав, обязанностей и ответственности между ними, основанная на признании и уважении достоинства, основных прав и свобод человека. Гражданство является основополагающим элементом правового статуса личности. В полном объеме правами и свободами на территории государства пользуются лишь его граждане. Конституция РФ в ст. 6 провозглашает единое и равное гражданство независимо от оснований его приобретения. Впервые установлен конституционный запрет на лишение гражданина российского гражданства, равно как и запрет на лишение его права изменить российское гражданство на гражданство иного государства.

---

¹ Выступление на церемонии вступления в должность Президента РФ Д. А. Медведева 7 мая 2008 г. // Российская газета. 2008. № 4654.

² См.: *Колоткина О. А.* Право личности на безопасность: понятие и механизм обеспечения в РФ (теоретико-правовое исследование): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2009. С. 10–11.

Рыночные отношения могут развиваться лишь в условиях экономической свободы и равенства всех форм собственности. Статьи 8 и 9 Конституции устанавливают гарантию единообразного гражданско-правового регулирования на всей территории РФ. Это выражается в единстве экономического пространства, свободном перемещении товаров, услуг и финансовых средств, поддержке конкуренции, свободе экономической деятельности. Государство признает и защищает равным образом частную, государственную, муниципальную и иные формы собственности, в том числе на землю. При этом земля и другие природные ресурсы рассматриваются как основа жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории.

Разделение властей характеризует Россию как вступившую в период формирования демократического правового государства. Целью разделения власти на три ветви – законодательную, исполнительную и судебную – является избежание произвола в деятельности органов государственной власти, разделение между ними полномочий таким образом, чтобы они своей деятельностью создавали наиболее благоприятные условия для реализации гражданами собственных прав, свобод и исполнения обязанностей.

Нормы, содержащиеся в ст. 13 Конституции, устанавливают два принципа, определяющих формирование и развитие политической системы российского общества. Принцип идеологического многообразия заключается в том, что никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной. Принцип политического плюрализма (политического многообразия) подразумевает многопартийность. Особенностью реализации этих принципов является конституционно гарантированное равенство всех общественных объединений перед законом. Часть 5 ст. 13 Конституции устанавливает запрет на создание и деятельность общественных объединений, цели или действия которых направлены на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации, подрыв безопасности государства, создание вооруженных формирований, разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни.

Россия – конституционное государство, где Конституция как Основной закон обладает высшей юридической силой, имеет прямое действие, т. е. применяется судами при отправлении правосудия и применяется на всей территории РФ. Законы и иные правовые акты не должны противоречить Конституции. Основным в проявлении принципа приоритета закона является конституционное обязывание всех органов государственной власти, органов местного самоуправления, должностных лиц, граждан и их объединений соблюдать Конституцию РФ и законы (ч. 3 ст. 15).

Принцип приоритета норм международного права и международных договоров России перед национальным правом характеризует положение Российской Федерации в международном сообществе государств. Являясь участницей ООН, Совета Европы, других международных организаций, Россия

несет обязательства, вытекающие из решений, принимаемых этими организациями. Заключая договоры с другими государствами, Россия принимает на себя обязательство выполнять их условия. В состав российского национального права все эти нормы включаются только после ратификации указанных актов Государственной Думой.

Особый порядок изменения положений Конституции, составляющих основы конституционного строя России, выступает как основополагающий принцип, обеспечивающий не только стабильность Основного закона, но и неизблемость государственного строя Российской Федерации. В содержание этого принципа входят два основных положения: 1) положения главы 1 Конституции не могут быть пересмотрены Федеральным Собранием; 2) никакие другие положения Конституции не могут противоречить основам конституционного строя Российской Федерации.

Таким образом, основы конституционного строя РФ есть система принципов, охватывающих все сферы общественной жизни общества и государства в целом: социально-экономическую, политико-правовую, культурно-идеологическую, международную и иную. Именно этот круг общественных отношений выступает видовым объектом преступлений экстремистской направленности.

А следовательно, законодатель оправданно поместил анализируемые статьи в главу 29 УК РФ «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства», различая рассматриваемые преступления по цели. Именно такой подход, как нам представляется, наиболее логично и полно отражает сферу отношений, подлежащих уголовно-правовой охране, и отвечает структуре построения Особенной части УК РФ. Кроме того, он согласуется с традиционным пониманием конституционного строя в широком смысле слова, как «многообразия объединений и взглядов, пусть взаимно и противоречивых, но позволяющих гражданам выразить свое отношение к тому, как развиваются государство и общество».

Необходимо отметить, что совокупность вышеуказанных принципов легла в основу непосредственных объектов преступлений ст. 280, 280¹, 282–282³ УК РФ. В частности, основным непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 280 УК РФ «Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности», выступают такие фундаментальные принципы конституционного строя РФ, провозглашенные главой 1 Конституции РФ, как: организация государственной власти, выраженная в форме правления, государственного устройства и политического режима (ст. 1); провозглашение прав и свобод человека высшей ценностью (ст. 2); установление суверенитета (ст. 4); признание идеологического и политического многообразия (ст. 13). Следовательно, при осуществлении публичных призывов к экстремистской деятельности страдает совокупность общественных отношений в сфере обеспечения перечисленных основ конституционного строя и безопасности государства.

Определяя непосредственный объект преступления, предусмотренного ст. 280¹ УК РФ «Публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации», необходимо отметить, что принципы целостности и неприкосновенности государственной территории (ст. 4 Конституции РФ) принадлежат к числу основных принципов современного международного права. Согласно Декларации о принципах международного права, принятой 24 октября 1970 г. Генеральной Ассамблеей ООН, «каждое государство должно воздерживаться от любых действий, направленных на частичное или полное нарушение национального единства территориальной целостности любого другого государства или страны»¹. В этом же международном акте устанавливается, что в действиях государств «ничто не должно истолковываться как санкционирующее или поощряющее любые действия, которые вели бы к расчленению или к частичному или полному нарушению территориальной целостности или политического единства суверенных и независимых государств, соблюдающих в своих действиях принцип равноправия и самоопределения народов»².

Под территориальной целостностью государства следует понимать «качественную характеристику государства, отражающую состояние ее безопасности, проявляющуюся в единстве территории, на которую распространяется суверенитет государства, и определяемую способностью государства сохранять свою территорию в пределах, установленных в соответствии с международным правом границ, противодействовать внешним и внутренним угрозам, направленным на их изменение»³.

Территориальную целостность справедливо называют основным условием существования государства, поскольку территория есть сфера действия его суверенитета. Более того, в ч. 1 ст. 4 Конституции РФ прямо закреплено, что суверенитет Российской Федерации распространяется на всю ее территорию.

Таким образом, объектом преступления, предусмотренного ст. 280¹ УК РФ, устанавливающей ответственность за совершение публичных призывов к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации, выступают общественные отношения, складывающиеся по поводу обеспечения территориальной целостности Рос-

---

¹ Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций: принята 24 октября 1970 г. резолюцией 2625 (XXV) на 1883-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН // СПС «КонсультантПлюс».

² Там же.

³ *Остроухов Н. В.* Территориальная целостность государств в современном международном праве и ее обеспечение в Российской Федерации и на постсоветском пространстве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2010. С. 8.

сийской Федерации, которая, в свою очередь, также составляет основы конституционного строя (ст. 4 Конституции РФ).

Принцип, провозглашающий права и свободы человека высшей ценностью (ст. 2 Конституции РФ), как составляющая основ конституционного строя лег в основу непосредственного объекта преступления, предусмотренного ст. 282 УК РФ. Надо сказать, что достоинство человека, наряду с правом на жизнь, личной неприкосновенностью и иными личными нематериальными благами, составляют основу естественно-правового статуса каждого индивида, что декларируют основополагающие международные акты в области прав человека¹. Согласно ч. 2 ст. 29 Конституции РФ не допускаются пропаганда или агитация, возбуждающие социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду; запрещается пропаганда социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства.

Следует отметить, что не все авторы поддерживают заявленную позицию и определяют непосредственный объект преступления, предусмотренного ст. 282 УК РФ, как: 1) отношения в сфере равноправия граждан независимо от их пола, языка, происхождения, рода занятий, национальной, расовой принадлежности или отношения к религии²; 2) общественные отношения, обеспечивающие безопасность общества (в том числе государства) в части, относящейся к реализации конституционного запрета на разжигание расовой, национальной и религиозной нетерпимости как одной из составляющих основ конституционного строя³; 3) общественные отношения, обеспечивающие реализацию основ конституционного строя и безопасность государства⁴; 4) конституционный принцип недопущения пропаганды или агитации, возбуждающих национальную, расовую, религиозную или социальную ненависть и вражду, а также дискриминации и унижения людей по политическим, этническим, социальным и иным признакам⁵.

Предложенные дефиниции непосредственного объекта анализируемых преступлений имеют похожие черты, а некоторые из них довольно близко отражают сущность общественных отношений, страдающих в процессе совершения данных преступлений. Тем не менее, в них присутствуют отдельные недостатки. Безусловно, отношения в сфере равноправия граждан, независимо от их пола, языка, происхождения, рода занятий, национальной, расовой принадлежности или отношения к религии, являются неотъемлемой со-

---

¹ См.: Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 г. // Российская газета. 1998. 10 дек.

² См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В. М. Лебедев. М., 2012. С. 1036.

³ См.: *Бурковская В. А.* Криминальный религиозный экстремизм: уголовно-правовые и криминологические основы противодействия: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006. С. 102.

⁴ См.: *Залиханова Л. И.* Уголовно-правовая и криминологическая характеристика возбуждения национальной, расовой, религиозной вражды: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2003. С. 42.

⁵ См.: Уголовное право России. Особенная часть / под ред. А. И. Рапога. М., 2016. С. 552.

ставляющей конституционного запрета на разжигание расовой, национальной и религиозной нетерпимости как одной из составляющих основ конституционного строя, без соблюдения которого невозможно функционирование правового государства. Однако эта группа – только часть более узкого круга отношений, которым в результате совершения комментируемого преступления причиняется вред, и не отражает всей полноты совершаемого преступления, которое посягает на общественные отношения, обеспечивающие реализацию конституционного запрета на разжигание расовой, национальной и религиозной нетерпимости.

Следующий принцип, входящий в основы конституционного строя в виде запрета на создание и деятельность общественных объединений, цели или действия которых направлены на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации, подрыв безопасности государства, создание вооруженных формирований, разжигание социальной, расовой, национальной или религиозной розни (ст. 13 Конституции РФ), выступает содержанием непосредственных объектов преступлений, предусмотренных ст. 282¹, 282² УК РФ. Следует также отметить, что при совершении деяний, запрещенных в ст. 282¹, 282² УК РФ, участниками экстремистского сообщества или экстремистской организации, наряду с основным объектом, вред может быть причинен различным общественным отношениям, например жизни и здоровью человека; общественной безопасности; общественной нравственности, что требует квалификации по совокупности с соответствующими статьями Особенной части УК РФ.

Непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 282³ УК РФ «Финансирование экстремистской деятельности», выступают общественные отношения, обеспечивающие соблюдение таких принципов конституционного строя, как организация государственной власти, выраженная в форме правления, государственного устройства и политического режима (ст. 1); провозглашение прав и свобод человека высшей ценностью (ст. 2); установление суверенитета (ст. 4); признание идеологического и политического многообразия (ст. 13). Такое широкое содержание непосредственного объекта данного общественно опасного деяния обусловлено разнообразием преступлений экстремистской направленности, финансирование которых может осуществлять виновный.

В результате проведенного анализа объекта преступлений экстремистской направленности, посягающих на основы конституционного строя и безопасность государства, можно сделать следующие выводы.

Родовым объектом преступлений, предусмотренных разделом X УК РФ «Преступления против государственной власти», следует считать общественные отношения, охраняющие легитимность, нормальное существование и функционирование законодательной, исполнительной, судебной ветвей государственной власти.

Местонахождение преступлений экстремистской направленности в Особенной части УК РФ представляется верным. Видовым объектом анализируемых преступлений следует считать систему принципов, охватывающих все сферы общественной жизни общества и государства в целом: социально-экономическую, политико-правовую, культурно-идеологическую, международную и иную.

Совокупность вышеуказанных принципов легла в основу непосредственных объектов преступлений ст. 280, 280¹, 282–282³ УК РФ.

§ 2. Особенности объективной стороны преступлений экстремистской направленности, посягающих на основы конституционного строя и безопасность государства, совершенных публично

Публичность деяния является признаком основных составов преступлений, предусмотренных ст. 280, 280¹, 282 УК РФ. Однако ни в УК РФ, ни в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ нет определения публичности. Решению этой проблемы не способствует и то, что законодатель наряду с публичностью говорит об использовании средств массовой информации. Указание на это может содержаться в той же части статьи, где упоминается публичное деяние, быть признаком квалифицированного состава или вовсе отсутствовать. Такое положение порождает противоречивую правоприменительную практику по тем составам преступлений, где в качестве одного из признаков указана публичность деяния.

Следует отметить, что под публичным понимают нечто, осуществляемое в присутствии публики, открытое¹, а публика – это люди, находящиеся где-нибудь в качестве зрителей, слушателей, пассажиров, а также вообще люди, общество².

Для того чтобы понять значение признака публичности в преступлениях экстремистской направленности, посягающих на основы конституционного строя и безопасность государства, необходимо проанализировать конструкции составов преступлений, предусматривающих ответственность за: публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности; публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности РФ; действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе, совершенные публично, в том числе с использованием средств массовой информа-

---

¹ См.: *Ожегов С. И.* Толковый словарь русского языка: ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений. М., 2009. С. 631.

² Там же. С. 630.

ции либо информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет.

В Толковом словаре С. И. Ожегова слово «призыв» определяется как «политический лозунг, обращение, в лаконичной форме выражающее руководящую политическую идею, требование»¹. Обращения к гражданам могут быть выражены в виде прямых призывов (содержат основанное на предъявлении прямых аргументов адресату убеждение или ясное, недвусмысленное требование) и косвенных призывов (не содержат побудительной формы глагола).

Помимо вышеперечисленных З. М. Бешукова выделяет также призывы на основе конкретных примеров и неопределенные призывы. Первые заключаются в пропаганде конкретных действий лиц, которые уже последовали призывам. В этом случае сам призыв скрыт показом тех преимуществ, полученных лицами, совершившими те или иные действия. А неопределенные призывы побуждают объект самостоятельно прийти к выводам, логически вытекающим из предъявленной ему аргументации, хотя в тексте сообщения отсутствуют конкретные предложения².

Обязательное требование к призывам, согласно диспозиции ст. 280 УК РФ, их публичность. Пленум Верховного Суда РФ в постановлении «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» указывает, что публичными являются призывы, выраженные в любой форме (например, устной, письменной, с использованием технических средств, путем массовой рассылки сообщений абонентам мобильной связи, размещения обращений на форумах или в блогах), цель которых – побуждение других лиц к осуществлению экстремистской деятельности³.

Так, Г. обратился к собравшимся лицам с призывом участвовать в «перевороте», который будет проводить «армия и народное ополчение», для того, чтобы «покончить с этим антинародным режимом». По мнению экспертов, в высказываниях Г. имели место призывы к действиям, направленным на насильственное изменение основ конституционного строя путем вооруженного конфликта и нарушение целостности РФ в форме прямого оценочно-мотивированного призыва эксклюзивного действия, а также в форме скрытого оценочно-мотивированного призыва. Г. был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 280 УК РФ⁴.

Таким образом, публичность – это обстановка, при которой неопределенное количество людей понимают, к совершению (или воздержанию от со-

---

¹ Ожегов С. И. Указ. соч. С. 879.

² См.: Бешукова З. М. Преступления, связанные с осуществлением экстремистской деятельности: сравнительно-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2011. С. 143.

³ О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 11.

⁴ Архив судебного участка № 83 Самарской области. URL: <https://rospravosudie.com>.

вершения) каких действий их призывают, и правильно оценивают содержание призывов¹.

Нужно сказать, что конфиденциальный обмен мнениями и информацией любого содержания, в том числе экстремистского, не запрещается. Если содержание отправленного файла по не зависящим от отправителя причинам, который предпринял все действия по индивидуализации документа, стало известно третьим лицам, действия отправителя нельзя квалифицировать по ст. 280 УК РФ. Также необходимо отметить, что количество людей, воспринимающих призывы, значения не имеет. Например, публичными призывами к экстремистской деятельности были признаны действия Л., который нанес красителем черного и синего цвета на стены зданий центральных улиц г. Магнитогорска символы и надписи, пропагандирующие идеи ненависти и вражды по отношению к представителям ряда народов по признакам расы, языка, национальности, происхождения, унижающие достоинство указанных народов, а именно: «Новый порядок РНД» (Русское Национальное Движение), изображение свастики; «Россия – для Русских!»².

В этом отношении прав С. В. Дьяков, утверждающий, что «арифметический подход в оценке признания (или непризнания) публичности неприемлем»³. Обращение к одному случайному прохожему с экстремистским лозунгом в общественном месте носит публичный характер, а, например, доведение устава экстремистской организации на общем собрании публичным не является, поскольку аудиторию составляет персонально определенный и постоянный состав. Следовательно, признак публичности является оценочной категорией. Вопрос о ее наличии или отсутствии в каждом конкретном случае решает суд с учетом способа, обстановки, места, времени и иных обстоятельств дела.

Призывать к осуществлению экстремистской деятельности можно путем распространения экстремистских материалов, под которыми следует понимать предназначенные для обнародования документы либо информацию на иных носителях, призывающие к осуществлению экстремистской деятельности либо обосновывающие или оправдывающие необходимость осуществления такой деятельности, в том числе труды руководителей национал-социалистической рабочей партии Германии, фашистской партии Италии, публикации, обосновывающие или оправдывающие национальное и (или) расовое превосходство либо оправдывающие практику совершения военных или иных преступлений, направленных на полное или частичное уничтожение

---

¹ См.: *Тяжкова И. М.* Экстремистские преступления как посягательства на внутреннюю безопасность государства // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 11. Право.* 2012. № 4. С. 86.

² Приговор Правобережного районного суда г. Магнитогорска Челябинской области от 12 октября 2011 г. по делу № 1-517/2010. URL: <https://rospravosudie.com>.

³ *Дьяков С. В.* Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства. М., 2012. С. 68.

какой-либо этнической, социальной, расовой, национальной или религиозной группы¹.

Списки экстремистских материалов предоставляются Министерством юстиции Российской Федерации. Так, по состоянию на 28 августа 2019 г. указанный список содержит 4949 материалов², а, например, по состоянию на 2015 г. – 3351³, 2016 г. – 4053⁴, 2017 – 4345⁵, 2018 – 4811⁶.

В качестве примера распространения экстремистских материалов можно привести следующий случай из правоприменительной деятельности. Т., являясь активным участником экстремистского сообщества «Русское национальное движение», входящего в состав Национал-социалистического общества, изготовил и размножил до 50 экземпляров, а затем во время несанкционированного шествия раздал гражданам г. Магнитогорска 34 листовки, содержащие прямые и завуалированные призывы, возбуждающие ненависть по национальному признаку к представителям чеченской и еврейской национальностей со стороны лиц других национальных принадлежностей⁷. Действия Т. были квалифицированы судом по ч. 1 ст. 280 УК РФ.

Следует отметить, что приготовление к рассматриваемому преступлению в виде изготовления, размножения или хранения для последующего распространения материалов, содержащих экстремистские призывы, не влечет уголовной ответственности, так как данное преступление отнесено к категории средней тяжести.

Что касается публичных призывов к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности РФ, то здесь необходимо уточнить, что территория Российской Федерации, согласно ч. 1 ст. 67 Конституции РФ, включает в себя территории ее субъектов, внутренние воды и территориальное море, воздушное пространство над ними. Территории субъектов РФ не могут быть изменены без их взаимного согласия.

В пояснительной записке к законопроекту о введении ст. 280¹ УК РФ указывалось, что принцип территориальной целостности гарантирует, во-первых, территориальное верховенство государства от посягательств извне; во-вторых, невозможность уступки Российской Федерацией, ее органами и должностными лицами части территории России иностранным государствам,

---

¹ О противодействии экстремистской деятельности: Федеральный закон от 25 июня 2002 г. № 114-ФЗ.

² См.: Федеральный список экстремистских материалов. URL: <http://minjust.ru/ru/extremist-materials>.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Приговор Правобережного районного суда г. Магнитогорска Челябинской области от 12 октября 2011 г. по делу № 1-517/2010. URL: <https://rospravosudie.com>.

иным организациям и лицам; в-третьих, невозможность выхода субъекта Российской Федерации из ее состава¹.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод, что по смыслу ст. 280¹ УК РФ объективную сторону данного преступления могут образовывать публичные призывы к совершению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерацией со стороны иностранного государства, международной или иностранной организации или их представителей; отказу Российской Федерации, ее органов и должностных лиц от части территории России в пользу иностранных государств; выходу субъекта Российской Федерации из ее состава. Так, по материалам приговора Ленинского районного суда г. Ульяновска К. совершил публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации при следующих обстоятельствах. Не позднее 10 июня 2018 г., находясь в г. Ульяновске, К., будучи сторонником националистического движения, основными целями которого являются распространение идей о нелегитимности государственной власти в Российской Федерации, пропаганда создания нового государственного образования, основным источником власти в котором является коренной русский народ, разделяя вышеуказанные идеи, решил путем выхода Ульяновской области из состава Российской Федерации создать на территории данного региона новое государство. К. изготовил листовки, содержащие призывы к выходу субъектов Российской Федерации из ее состава, то есть к нарушению территориальной целостности Российской Федерации, и затем в ходе одиночного пикета в парковом сквере в нарушение ст. 1, 5 Конституции Российской Федерации, закрепляющих Федеративное устройство Российской Федерации, основанное на ее государственной целостности, единстве системы государственной власти, разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации, равноправии и самоопределении народов в Российской Федерации, Федерального конституционного закона от 17 декабря 2001 г. № 6-ФКЗ «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации», закрепляющего условия, порядок и процедуру образования на территории Российской Федерации новых субъектов, ст. 13 Федерального закона 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», запрещающей распространение на территории Российской Федерации экстремистских материалов, публично призывал жителей Ульяновска к осуществ-

---

¹ Пояснительная записка к проекту Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях установления ответственности за публичные призывы к действиям, направленным на нарушение территориальной целостности Российской Федерации» // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».

лению действий, направленных на выход субъектов Российской Федерации из ее состава и создание нового государственного образования¹.

Анализируемые преступления признаются оконченными с момента публичного провозглашения (распространения) хотя бы одного обращения, независимо от того, удалось побудить других граждан к осуществлению экстремистской деятельности или к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности РФ, или нет.

Квалифицированные составы преступлений, указанных в ст. 280, 280¹ УК РФ, предусматривают в качестве обязательного признака способ – использование при совершении преступления средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет.

Под средством массовой информации, согласно ст. 2 Закона РФ от 27 декабря 1991 г. «О средствах массовой информации» (в ред. от 24 ноября 2014 г.), понимается периодическое печатное издание, сетевое издание, телеканал, радиоканал, телепрограмма, радиопрограмма, видеопрограмма, кинохроникальная программа, иная форма периодического распространения массовой информации под постоянным наименованием (названием)². Решение законодателя включить данный квалифицирующий признак представляется обоснованным, поскольку средства массовой информации представляют собой средство популяризации анализируемого поливариативного феномена. Оперативность и динамичность дают средствам массовой информации возможность эффективно воздействовать на сознание широчайших масс населения, их взаимодействие с политикой повседневно ощущается в самых различных формах и проявлениях. Так, в Послании Президента РФ Федеральному Собранию РФ В. В. Путин отмечал, что «попытки провоцировать межэтническую напряженность, религиозную нетерпимость необходимо рассматривать как вызов единству Российского государства, как угрозу для каждого из жителей нашей страны»³.

Закон РФ «О средствах массовой информации» определяет, что компьютерная сеть Интернет не является средством массовой информации, за исключением интернет-сайтов, зарегистрированных в качестве таковых, на которые полностью распространяется правовой режим средств массовой информации. Анализ судебной практики позволяет сделать вывод, что в настоящее время большая часть информации экстремистского содержания передается через Интернет. Особенно активно осуществляется экстремистская

---

¹ Приговор Ленинского районного суда г. Ульяновска от 27 ноября 2018 г. по делу № 1-230/2018. URL: <https://sudakt.ru>.

² О средствах массовой информации: закон Российской Федерации от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 // Российская газета. 1992. 8 февр.

³ Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 12 декабря 2012 г.

деятельность, в частности призывы к ее осуществлению, возбуждение ненависти или вражды, в социальных сетях. В сети Интернет приоритет отдается «наглядным» формам распространения информации экстремистского содержания – видеофайлам и графическим изображениям.

Под информационно-телекоммуникационной сетью необходимо понимать технологическую систему, предназначенную для передачи по линиям связи информации, доступ к которой осуществляется с использованием средств вычислительной техники. Сайт в сети Интернет – это совокупность программ для электронных вычислительных машин и иной информации, содержащейся в информационной системе, доступ к которой обеспечивается посредством информационно-телекоммуникационной сети Интернет по доменным именам и (или) по сетевым адресам, позволяющим идентифицировать сайты в сети Интернет¹.

Примером распространения публичных призывов к экстремистской деятельности, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, может служить дело, рассмотренное Верх-Исетским районным судом Екатеринбурга. В соответствии с обстоятельствами, изложенными в приговоре, Б. разместил видеофайлы, являющиеся средством разжигания национальной, расовой, религиозной ненависти и вражды и возбуждающие национальную, расовую, религиозную ненависть и вражду, а именно: «Moscouer SS», «Нигер», «Кто, если не мы», «Миф о холокосте», на личном персональном компьютере и открыл к ним доступ для других пользователей сети Интернет². Публичность в данном случае заключается в том, что распространяемая информация стала потенциально доступной неопределенному кругу лиц.

Следует отметить, что задача противодействия экстремизму в условиях развития технологий обработки и передачи информации приобретает особое значение. Компьютеризация российского общества, увеличение числа пользователей сети Интернет приводит к необходимости совершенствования российского законодательства с целью обеспечения эффективности его противодействия новым вызовам и угрозам современности. Вследствие вышеуказанных обстоятельств Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 179-ФЗ³ в ч. 2 ст. 280 УК РФ заменил оборот «в том числе» союзом «либо», поскольку прежняя редакция распространялась лишь на интернет-сайты, зарегистрированные в качестве средства массовой информации.

---

¹ Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (с изм. от 13 июля 2015 г. № 263-ФЗ, № 264-ФЗ) // СПС «КонсультантПлюс».

² Приговор Верх-Исетского районного суда Екатеринбурга от 31 августа 2011 г. URL: <https://rospravosudie.com>.

³ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 179-ФЗ // Российская газета. 2014. 3 июля.

Данное дополнение считаем соответствующим современным реалиям. Отсутствие адекватной реакции на размещение экстремистских материалов в сети Интернет со стороны органов государственной власти, призванных бороться с любыми проявлениями экстремизма и разжигания национальной и межэтнической вражды, порождало чувство вседозволенности и безнаказанности у лиц, совершающих эти деяния.

Предваряя анализ признаков объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 282 УК РФ «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства», стоит отметить, что Федеральный закон от 27 декабря 2018 г. № 519-ФЗ «О внесении изменения в статью 282 Уголовного кодекса Российской Федерации» частично декриминализировал состав преступления, ранее предусмотренного ч. 1 ст. 282 УК РФ, путем введения в качестве обязательного признака субъекта наличие факта привлечения лица к административной ответственности за аналогичное деяние в течение одного года. Данные изменения придали деянию межотраслевой характер и породили противоречивость мнений в науке уголовного и административного права, а также отразились на правовых последствиях в отношении лиц, привлеченных к ответственности до вступления в силу указанных изменений. Особенности субъекта будут рассмотрены далее.

Объективная сторона преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 282 УК РФ, характеризуется действиями, направленными на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе, совершенными публично, в том числе с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет, лицом после его привлечения к административной ответственности за аналогичное деяние в течение одного года.

В соответствии с Методическими рекомендациями Генеральной прокуратуры РФ от 29 июня 1999 г. № 27-19-99 «Об использовании специальных познаний по делам и материалам о возбуждении национальной, расовой и религиозной вражды» «под действием в контексте данной нормы следует понимать любой целенаправленный акт внешней практической деятельности, включая речевое изложение мысли и иные формы передачи информации языковыми или изобразительными средствами»¹. Возбуждение ненависти либо вражды, унижение достоинства человека или группы лиц могут быть выражены устно (в выступлении на собраниях, митингах), письменно (размещение соответствующей информации в книгах, брошюрах, журналах), с использованием средств массовой информации, информационно-телекомму-

---

¹ Методические рекомендации об использовании специальных познаний по делам и материалам о возбуждении национальной, расовой или религиозной вражды № 27-19-99 // СПС «КонсультантПлюс».

никационных сетей, в том числе сети Интернет, путем совершения физических действий (например, срывание одежды, плевки).

Так, признана виновной в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 282 УК РФ, С., которая на заборе домовладения и на столбах линии электропередач, расположенных рядом с домовладением, разместила три тетрадных листа в клетку с написанным ею текстом, унижающим достоинство группы лиц по признаку принадлежности к армянской национальности¹.

Под действиями, направленными на возбуждение ненависти либо вражды, Пленум Верховного Суда РФ предлагает понимать, в частности, высказывания, обосновывающие и (или) утверждающие необходимость геноцида, массовых репрессий, депортаций, совершения иных противоправных действий, в том числе применения насилия, в отношении представителей какой-либо нации, расы, приверженцев той или иной религии и других групп лиц. Критика политических организаций, идеологических и религиозных объединений, политических, идеологических или религиозных убеждений, национальных или религиозных обычаев сама по себе не должна рассматриваться как действие, направленное на возбуждение ненависти либо вражды².

Отдельного внимания заслуживают используемые в диспозиции ст. 282 УК РФ дефиниции «ненависть» и «вражда». В юридической литературе встречаются различные точки зрения по поводу их содержания. Так, по мнению И. Я. Козаченко, «ненависть представляет собой чувство вражды одного человека или группы людей к другому человеку или к другой группе людей, вызванное односторонней или взаимной неприязнью. Вражда – это неприязненное, ненавистническое и недоброжелательное отношение одного человека или группы людей к другому человеку или к другой группе людей, порожденное одной стороной либо обеими сторонами относительно неопределенного круга фактов, событий, явлений»³.

Противоположной точки зрения придерживается З. М. Бешукова. На ее взгляд, ненависть и вражда – это два разных понятия с самостоятельным содержанием. В свою очередь, ненависть – сильное негативное чувство, испытываемое к объекту, внушающему данное чувство, а вражда – определенное состояние отношений между людьми, проявляющееся в действиях, направленных на причинение вреда объекту, в отношении которого виновный испытывает ненависть⁴.

---

¹ Приговор Успенского районного суда Краснодарского края от 16 июля 2013 г. по делу № 1-94/2013. URL: <https://rospravosudie.com>.

² О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 11.

³ Козаченко И. Я. Тоталитарная религия или религия тоталитаризма // Концептуальные проблемы современного российского судостроительства и судопроизводства: материалы науч.-практ. конференции / отв. ред. М. С. Саликов. Екатеринбург, 2006. С. 180.

⁴ См.: Бешукова З. М. К вопросу о понятии преступлений экстремистской направленности // Общество и право. 2011. № 1. С. 37.

Представляется, что законодатель обозначил анализируемые дефиниции как общеизвестно употребляемые выражения: «вражда – отношения и действия, проникнутые неприязнью, ненавистью»¹, а ненависть – как «чувство сильной вражды, злобы»². Следовательно, не будет ошибкой считать ненависть одной из форм вражды, несмотря на то, что в тексте статьи используется разделительный союз «либо». Более того, для квалификации анализируемого преступления никакого значения возможные их отличия не имеют.

Следует отметить, что в настоящее время в правоприменительной практике до сих пор существуют случаи, когда анализируемые понятия объединяют термином «рознь». Примером могут служить материалы обвинительного приговора № 1-628/2013, вынесенного 25 декабря 2013 г. Останкинским районным судом г. Москвы. 12 марта 2012 г. Ч. на открытой для просмотра неограниченным кругом лиц интернет-странице разместил графический файл, содержащий изображение в виде автомата Калашникова и подпись, который, согласно выводам заключения эксперта, в совокупности вербальной и визуальной информации материалов (изображений) содержит признаки возбуждения *розни* (вражды, ненависти) по отношению к кавказцам и азиатам как группам лиц, выделяемым по этническим признакам, и *побуждения к действиям*, направленным на унижение человеческого достоинства указанной группы лиц³. Но понятие «рознь» использовалось в Уголовном кодексе РСФСР 1926 г. В принятом в 1996 г. УК РФ уголовно-правовое значение придается совершению преступления именно по мотиву *ненависти или вражды*, а не совершению преступления на почве расовой, религиозной розни. Полагаю, что правоприменителям не следует допускать в приговорах термины, не соответствующие действующему законодательству.

Возбуждающей ненависть либо вражду может быть такая информация, которая формирует негативный образ нации, расы, религии, приписывает опасные намерения представителям какой-либо расы, нации, религии или, наоборот, побуждает к действиям против какой-либо расы, нации, религии.

Так, К. разместил на интернет-странице сайта www.vkontakte.ru видео-файл с записью видеоклипа песни «Арийский манифест», основным содержанием которой является негативный этнический образ евреев, грубые, пренебрежительные, бранные, разговорные выражения, способные унижать достоинство людей, объединенных по национальному признаку. При этом евреям приписываются враждебные действия против славян, арийской расы с использованием в этих целях христианской, в том числе православной, веры, а также имеются побуждения к насильственным действиям против евреев. Суд, учитывая заключение лингвистической экспертизы, квалифицировал дейст-

---

¹ Даль В. И. Толковый словарь русского языка. Современная версия. М., 1999. С. 149.

² Там же. С. 415.

³ Приговор Останкинского районного суда г. Москвы от 25 декабря 2013 г. по делу № 1-628/2013. URL: <https://rospravosudie.com>.

вия виновного по ч. 1 ст. 282 УК РФ как совершение публично действий, направленных на возбуждение ненависти и вражды, а также на унижение достоинства человека и группы лиц по признаку национальности¹.

Второе альтернативное деяние, указанное в диспозиции анализируемого преступления, сформулировано как действия, направленные на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе.

Словарь С. И. Ожегова определяет достоинство как совокупность свойств, характеризующих высокие моральные качества, а также сознание ценности этих свойств и уважение к себе². Верховный Суд РФ в кассационном определении от 8 апреля 2010 г. № 65-О10-1 под унижением достоинства понимает отрицательную оценку личности в обобщенном виде, направленную на ее дискредитацию, подрыв авторитета человека, как в глазах окружающих, так и в своих собственных, поскольку честь и достоинство – нравственные категории, связанные с оценкой личности окружающими и самооценкой человека в его сознании конкретной личностью³. Достоинство каждого человека заключается в духовных и физических качествах, ценных с точки зрения потребностей общества. В то же время человек обладает определенной ценностью и безотносительно к его индивидуальным качествам, социальному положению и профессиональной принадлежности. Поэтому правомерно говорить о человеческом достоинстве как объективном свойстве, которым обладает каждый человек с момента рождения⁴.

Унижение достоинства выражается в распространении ложных измышлений, неверной интерпретации сведений об исторических событиях, культуре, обычаях, психологическом складе, верованиях, идеях, памятниках и документах, входящих в число национальных или религиозных ценностей, позорящих или оскорбляющих этническую или конфессиональную группу либо ее отдельных представителей как членов этой группы, заключающих в себе издевку, отвращение или презрение к ним⁵. Поскольку все перечисленные действия имеют оценочное значение, при квалификации действий виновного следует учитывать два критерия – субъективный и объективный. Субъективный критерий признания унижения состоит в отрицательной оценке потерпевшим совершенных в отношении него высказываний, жестов и тому по-

---

¹ Приговор Промышленного районного суда г. Курска по делу № 1-60-11. URL: <https://rospravosudie.com/court-promyshlennyj-rajonnyj-sud-g-kurska-kurskaya-oblast-/act-102395353>.

² См.: *Ожегов С. И.* Указ. соч. С. 275.

³ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 8 апреля 2010 г. № 65-О10-1. URL: <http://www.vsrif.ru>.

⁴ См.: *Сидорова И. В.* Уголовно-правовая характеристика оскорбления: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2010. С. 11.

⁵ См.: Методические рекомендации об использовании специальных познаний по делам и материалам о возбуждении национальной, расовой или религиозной вражды № 27-19-99.

добных действий. Объективный критерий признания унижения состоит в том, что соответствующие действия объективно и явно противоречат общепринятым правилам общения между людьми, сложившимся и почитаемым в обществе требованиям морали¹.

Обязательными признаками объективной стороны рассматриваемого преступления являются альтернативно обозначенные способы совершения – публично, в том числе с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет.

Указанные признаки не требуют особых пояснений, поскольку совпадают с аналогичными признаками составов преступлений, предусмотренных ст. ст. 280, 280¹ УК РФ.

Состав преступления, предусмотренный ст. 282 УК РФ, признается оконченным с момента совершения хотя бы одного действия, направленного на возбуждение ненависти или вражды или направленного на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам их принадлежности к определенному полу, расе, национальности, языку или в зависимости от происхождения, отношения к религии, принадлежности к какой-либо социальной группе, несмотря на то, что в диспозиции ч. 1 ст. 282 УК РФ слово «действия» употреблено во множественном числе.

Следует указать, что в специальной литературе встречается мнение² о нелогичности использования словосочетания «действия, направленные на...», создающего двусмысленность нормы и вызывающего трудности при ее применении. Такая формулировка, считает Д. И. Леньшин, предполагает некоторые предварительные акты, совершаемые перед основным деянием. По мнению данного автора, это непозволительно, поскольку в УК РФ нет составов, предусматривающих ответственность за совершение действий, направленных на кражу; действий, направленных на угон судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава. Позиция законодателя представляется логичной и верной, так как он в целях усиления охраны основ конституционного строя конструирует состав указанного преступления как усеченный и криминализует весь объем действий, которые послужили основанием для унижения человеческого достоинства по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе.

В действующей редакции анализируемой статьи деяния, составляющие объективную сторону, определены как альтернативные, но, изучив примеры судебной практики по рассматриваемому составу преступления, можно констатировать, что во всех решениях судов перечисляются оба деяния, закрепленные в диспозиции.

---

¹ См.: Сидорова И. В. Указ. соч. С. 17.

² См., напр.: Леньшин Д. И. Указ. соч. С. 72.

В качестве примера можно привести приговор Октябрьского районного суда г. Уфы, в котором действия виновного описаны следующим образом. Ш. публично совершил умышленные действия, направленные на возбуждение ненависти и вражды, а также на унижение достоинства человека и группы лиц по признакам расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе при следующих обстоятельствах. Разделяя экстремистские позиции и националистические взгляды о превосходстве и исключительности представителей европеоидной расы и неполноценности представителей иудейской расы, Ш. разместил на интернет-сайте «www.bashtube.ru» видеоролик, признанный решением Нефтекамского городского суда экстремистским материалом, поскольку он создает у просматривающего резко отрицательные психологические установки в отношении иудеев, направлен на унижение чести и достоинства их по признакам национальности и происхождения, отношения к религии, принадлежности к какой-либо социальной группе¹. Такая позиция правоприменителя представляется неверной, так как публичное унижение представителя какой-либо национальности преследует цель возбуждения вражды или ненависти ко всем представителям этой национальности. В противном случае виновный подлежит уголовной ответственности за совершение деяний, закрепленных в главе 19 УК РФ «Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина». Совершая деяние, запрещенное ст. 282 УК РФ, виновный причиняет вред именно основам конституционного строя и безопасности государства, поскольку разобщение общества по признакам расы, национальности, отношения к религии влечет нарушение нормальной деятельности правового государства. Более того, п. 9 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» гласит, что преступление, предусмотренное ст. 282 УК РФ, *направлено на достижение специальной цели* – возбуждение ненависти или вражды в других людях. В указанное выше постановление 3 ноября 2016 г. были внесены пояснения, согласно которым Верховный Суд еще раз акцентировал внимание на том, что преступление, предусмотренное ст. 282 УК РФ, совершается только с прямым умыслом и с целью возбудить ненависть либо вражду, а равно унижить достоинство человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, принадлежности к какой-либо социальной группе.

Кроме того, размещение лицом в сети «Интернет» или иной информационно-телекоммуникационной сети, в частности, на своей странице или на страницах других пользователей материала (например, видео-, аудио-, графического или текстового), созданного им самим или другим лицом, включая

---

¹ Приговор Октябрьского районного суда г. Уфы от 10 ноября 2010 г. по делу 1-641/2010. URL: <https://rospravosudie.com>.

информацию, ранее признанную судом экстремистским материалом, может быть квалифицировано по ст. 282 УК РФ только в случаях, когда установлено, что лицо, разместившее такой материал, осознавало направленность деяния на нарушение основ конституционного строя, а также имело цель возбудить ненависть или вражду либо унижить достоинство человека или группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии либо принадлежности к какой-либо социальной группе.

Планомерная позиция высшей судебной инстанции относительно цели деяний, запрещенных ст. 282 УК РФ, подтверждается и дополнениями от 20 сентября 2018 г. в постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11, согласно которым при решении вопроса о наличии или отсутствии у лица прямого умысла и цели возбуждения ненависти либо вражды, а равно унижения человеческого достоинства при размещении материалов в сети Интернет или иной информационно-телекоммуникационной сети суду следует исходить из совокупности всех обстоятельств содеянного и учитывать, в частности, форму и содержание размещенной информации, ее контекст, наличие и содержание комментариев данного лица или иного выражения отношения к ней, факт личного создания либо заимствования лицом соответствующих аудио-, видеофайлов, текста или изображения, содержание всей страницы данного лица, сведения о деятельности такого лица до и после размещения информации, в том числе о совершении действий, направленных на увеличение количества просмотров и пользовательской аудитории, данные о его личности (в частности, приверженность радикальной идеологии, участие в экстремистских объединениях, привлечение ранее лица к административной и (или) уголовной ответственности за правонарушения и преступления экстремистской направленности), объем подобной информации, частоту и продолжительность ее размещения, интенсивность обновлений.

На основании изложенного представляется, что действия, перечисленные в диспозиции ст. 282 УК РФ, должны быть не альтернативными, а взаимодополняющими. Возбуждение – это внутренние, психологические процессы (цель), в свою очередь унижение – это действие, создающее ситуацию стойкого отношения ненависти или длительного состояния вражды по основаниям, указанным в ст. 282 УК РФ. Об этом может свидетельствовать, например, применение в общественных местах в присутствии посторонних лиц насилия в отношении потерпевшего (потерпевших) по признаку принадлежности к определенной расе или национальности, сопровождаемое расистскими или националистическими высказываниями. В подтверждение вышесказанного можно привести следующий пример из судебной практики. В ходе возникшего на бытовой почве конфликта водитель такси Б. высказал в адрес ранее незнакомых ему пассажиров Д., А. и неопределенного круга лиц русской национальности фразу интолерантного содержания, состоящую из нецензурных выражений, направленную на возбуждение вражды лиц карачаевской нацио-

нальности к лицам русской национальности, а также унижающую человеческое достоинство лиц русской национальности, сопровождая свои действия угрозами применения насилия, демонстрируя при этом Д. и А. имевшийся у него нож¹.

Действующая формулировка диспозиции ч. 1 ст. 282 УК РФ искажает понимание сущности экстремистской деятельности, что зачастую отражается на уголовно-правовой оценке преступления, предусмотренного указанной статьей. Представляется необходимым при формулировании уголовно-правового запрета указать, что действия должны не только быть направлены на унижение достоинства человека в зависимости от политической, идеологической, расовой, национальной, религиозной принадлежности, но и одновременно возбуждать ненависть или вражду.

В качестве квалифицирующего признака ст. 282 УК РФ предусматривает применение насилия или угрозу его применения.

Насилие предполагает физическое воздействие. Угроза применения насилия – это умышленное противоправное общественно опасное воздействие на психику человека, осуществляемое помимо его воли или вопреки ей для достижения преступного результата. Угроза, наряду с клеветой, шантажом, издевательством на глазах у потерпевшего над состоящими в родстве, свойстве, а также близкими лицами, входит в круг действий, охватываемых понятием «психическое насилие». Отличие психического насилия состоит именно в воздействии на психику человека, а не на его тело или органы чувств.

Действующий же УК РФ использует понятие «насилие» наряду с дефиницией «угроза применения насилия» как с парным понятием. Представляется, что такая ситуация сложилась «исторически». Данные понятия характеризуют абсолютно разные по степени общественной опасности деяния и должны содержаться в разных составах преступлений (основном и квалифицированном либо в квалифицированном и в особо квалифицированном). В противном случае дифференциация уголовной ответственности за данное преступление оказывается неадекватной характеру и степени общественной опасности, а также нарушаются правила законодательной техники.

Необходимо отметить, что в ст. 163, 179, 283¹ УК РФ указанные понятия разделены именно таким образом.

Насилие, являясь основным или дополнительным признаком состава преступления, свидетельствует о наличии дополнительного или факультативного объектов уголовно-правовой охраны, что, безусловно, должно сказываться на уголовно-правовой оценке преступного деяния.

Основываясь на вышеизложенном и учитывая ранее высказанные замечания, предлагается ст. 282 УК РФ изложить в следующей редакции:

---

¹ Приговор Кисловодского городского суда от 28 марта 2013 г. URL: <https://rospravosudie.com>.

«Статья 282. Действия, направленные на унижение достоинства человека в зависимости от политической, идеологической, расовой, национальной, религиозной принадлежности и возбуждающие ненависть или вражду.

1. Действия, направленные на унижение достоинства человека в зависимости от политической, идеологической, расовой, национальной, религиозной принадлежности и возбуждающие ненависть или вражду, совершенные публично или с использованием средств массовой информации, –

наказываются...

2. Те же деяния, совершенные с угрозой применения насилия, –
наказываются...

3. Деяния, предусмотренные частью первой настоящей статьи, совершенные:

а) лицом с использованием своего служебного положения;

б) с применением насилия;

в) организованной группой, –
наказываются...».

Насилие, применяемое при совершении указанного преступления, в отличие от насильственных преступлений против жизни и здоровья, совершаемых по экстремистским мотивам, не только является выражением ненависти в отношении конкретного потерпевшего, но и направлено на достижение специальной цели – возбуждение ненависти или вражды в других людях по основаниям, перечисленным в диспозиции ст. 282 УК РФ.

В результате проведенного анализа объективных признаков составов преступлений, сформулированных в ст. 280, 280¹, 282 УК РФ, можно сделать следующие выводы.

Содержанием признака публичности применительно к ст. 280, 280¹, 282 УК РФ не охватывается конфиденциальный обмен мнениями и информацией любого содержания, в том числе экстремистского. Если содержание отправленного файла по причинам, не зависящим от отправителя, который принял все действия по индивидуализации документа, стало известно третьим лицам, действия отправителя нельзя квалифицировать по ст. 280 УК РФ. Количество людей, воспринимающих призывы, значения не имеет.

По смыслу ст. 280¹ УК РФ, объективную сторону данного преступления могут образовывать публичные призывы:

– к совершению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации со стороны иностранного государства, международной или иностранной организации или их представителей;

– откату Российской Федерации, ее органов и должностных лиц от части территории России в пользу иностранного государства;

– выходу субъекта Российской Федерации из ее состава.

Анализируемые преступления признаются оконченными с момента публичного провозглашения (распространения) хотя бы одного обращения, неза-

висимо от того, удалось побудить других граждан к осуществлению экстремистской деятельности или к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности РФ, или нет.

Действия, перечисленные в диспозиции ст. 282 УК РФ, должны быть не альтернативными, а взаимодополняющими. Публичное унижение представителя, например, определенной национальности преследует цель возбуждения вражды или ненависти к представителям этой национальности. В противном случае виновный подлежит уголовной ответственности за совершение деяний, запрещенных главой 19 УК РФ «Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина». Совершая деяние, запрещенное ст. 282 УК РФ, виновный причиняет вред именно основам конституционного строя и безопасности государства, поскольку разобщение общества по признакам расы, национальности, языка, отношения к религии влечет нарушение нормальной деятельности правового государства. Более того, и п. 9 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» гласит, что преступление, предусмотренное ст. 282 УК РФ, направлено на достижение специальной цели – возбуждение ненависти и вражды в других людях. Возбуждение – это внутренние, психологические процессы (цель), а унижение – это непосредственно действие, создающее ситуацию стойкого отношения ненависти или длительного состояния вражды по основаниям, указанным в статье.

УК РФ использует понятие «насилие» наряду с дефиницией «угроза применения насилия». Представляется, что данные понятия характеризуют абсолютно разные по степени общественной опасности деяния и должны содержаться в разных составах преступлений (основном и квалифицированном либо квалифицированном и особо квалифицированном). В противном случае дифференциация уголовной ответственности за данное преступление оказывается неадекватной характеру и степени общественной опасности, а также нарушаются правила законодательной техники.

§ 3. Особенности объективной стороны организации экстремистского сообщества и деятельности экстремистской организации

По идее, заложенной в определении статуса Общей части УК РФ, ее нормы служат необходимым средством раскрытия признаков норм Особенной части УК РФ. Однако, что касается регламентации параметров групповых образований, подготавливающих или совершающих преступления экстремистской направленности, посягающие на основы конституционного строя и безопасности государства, ст. 35 УК РФ не являлась для законодателя отправной точкой. Для того чтобы выяснить, что необходимо понимать под понятиями «экстремистское сообщество» и «экстремистская организация»,

следует проанализировать особенности объективной стороны составов преступлений, предусмотренных ст. 282¹, 282² УК РФ.

Объективная сторона состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 282¹ УК РФ, характеризуется следующими деяниями: 1) создание экстремистского сообщества; 2) руководство экстремистским сообществом; 3) руководство частью экстремистского сообщества или входящими в такое сообщество структурными подразделениями; 4) создание объединения организаторов, руководителей или иных представителей частей или структурных подразделений экстремистского сообщества; ч. 1¹ ст. 282¹ УК РФ – склонение, вербовка или иное вовлечение лица в деятельность экстремистского общества; ч. 2 ст. 282¹ УК РФ – участие в экстремистском сообществе.

Предваряя анализ приведенных альтернативных деяний, необходимо отметить, что признаки экстремистского сообщества неоднозначно понимаются учеными и правоприменителями. Кроме того, до настоящего времени не решен вопрос о соотношении указанного института с такими формами соучастия, как организованная группа и преступное сообщество (преступная организация). Представляется интересным, содержит ли понятие «экстремистское сообщество» все те признаки, которые присущи объединению, посягающему на основы конституционного строя и безопасность государства?

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» указано, что экстремистское сообщество – это устойчивая группа лиц, заранее объединившихся для подготовки или совершения одного или нескольких преступлений экстремистской направленности, характерными признаками которой являются: наличие организатора (руководителя), стабильность состава, согласованность действий участников для реализации общих преступных намерений. Аналогичным образом данное определение сформулировано и в ч. 1 ст. 282¹ УК РФ. Однако в теории уголовного права и в правоприменительной деятельности указанное определение вызывает дискуссии.

В используемом законодателем определении отсутствуют конститутивные признаки сообщества, содержащиеся в ч. 4 ст. 35 УК РФ и ч. 1 ст. 210 УК РФ. В ст. 282¹ УК РФ понятие «сообщество» отождествляется с категорией «организованная группа». Единственным отличительным признаком является цель – подготовка или совершение преступлений экстремистской направленности. Вместе с тем использование в диспозиции формулировки «а равно руководство экстремистским сообществом, его частью или входящими в такое сообщество *структурными подразделениями*» свидетельствует о том, что анализируемому объединению присущ и такой признак, как структурированность. В п. 3 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)» указано, что преступное сообщество (преступная организация) может осуществлять преступ-

ную деятельность в форме структурированной организованной группы или в форме объединения организованных групп, действующих под единым руководством¹. В свою очередь, под структурированной организованной группой следует понимать группу, состоящую из подразделений, члены которых характеризуются стабильностью состава и согласованностью действий, объединившихся для совершения одного или нескольких тяжких либо особо тяжких преступлений. Высшая судебная инстанция поясняет, что структурированной организованной группе, кроме единого руководства, присуще взаимодействие различных ее подразделений для реализации общих преступных целей, распределения функций и других форм обеспечения деятельности преступного сообщества (преступной организации). Под структурным подразделением преступного сообщества следует понимать функционально и (или) территориально обособленную группу, состоящую из двух или более лиц (включая руководителя этой группы), которая в рамках и в соответствии с целями преступного сообщества осуществляет преступную деятельность.

Необходимо добавить, что указание Пленума Верховного Суда РФ на категории преступлений, совершаемых в составе организованной структурированной группы (тяжкие либо особо тяжкие преступления), также не коррелирует с признаками экстремистского сообщества, поскольку экстремистское сообщество создается для совершения преступлений, относящихся к различным категориям по характеру и степени их общественной опасности (от преступлений небольшой тяжести до особо тяжких преступлений).

Отличительными же признаками преступного сообщества являются: более сложная, нежели в организованной группе, внутренняя структура; заметно превосходящая организованную группу численность; направленность на совершение тяжких или особо тяжких преступлений для получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды. Вместе с тем такие признаки преступного сообщества, как стабильность состава, определение преступных целей, вербовка его членов, разделение функциональных обязанностей, согласованность действий, характерны и для экстремистского сообщества.

Вышеназванные обстоятельства указывают на несовершенство законодательной техники, приводящее к отсутствию единообразия в толковании и последующем применении рассматриваемой уголовно-правовой нормы. Решение законодателя назвать организованную группу сообществом, не включая все существенные признаки преступного сообщества, только для того, чтобы сознательно повысить его общественную опасность, представляется неверным. Возникает вопрос: «Возможно ли привлечение к уголовной ответственности по ст. 282¹ УК РФ, например, трех лиц, объединившихся с целью

---

¹ О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней): постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 июня 2010 г. № 12 // Российская газета. 2010. 17 июня.

совершения преступлений экстремистской направленности?» Полагаем, что да, поскольку анализ признаков экстремистского сообщества позволяет прийти к выводу о том, что данное объединение является самостоятельным, искусственно созданным законодателем объединением, которому присущи *свои* специфические признаки и это объединение никаким образом не связано с традиционными видами соучастия (ни с организованной группой, ни с преступным сообществом).

В этой связи стоит согласиться с мнением А. В. Павлинова, что такие «уголовно-правовые новеллы фактически приводят к развалу сложившегося в законодательстве института соучастия и вызывают большие трудности в правоприменительной деятельности»¹.

Таким образом, в качестве промежуточного итога и одновременно исходной точки дальнейших рассуждений определим тезис о том, что вместо понятия «экстремистское сообщество» целесообразно использовать категорию «экстремистское формирование», которая является нейтральной по отношению к институту соучастия и используется в действующем УК РФ. Так, в диспозиции ст. 208 УК РФ «Организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем» перечислены формы организации вооруженного формирования – объединение, отряд, дружина или иная группа. В толковом словаре С. И. Ожегова под объединением понимается воинское формирование, состоящее из нескольких соединений или из объединений меньшего состава²; отряд определяются как группа людей, организованная для совместной деятельности³; дружина – это группа (обычно военизированная), отряд⁴; группа – совокупность людей, объединенных общностью интересов, деятельности⁵. Таким образом, используя понятие «формирование», законодатель обобщает все возможные варианты объединения лиц для проведения разовых акций или длительных боевых действий (в случае экстремистского формирования – представляющих угрозу конституционному строю, территориальной целостности, правам и свободам личности).

Так, полагаем, как формирование может быть признано объединение лиц, которые по приговору Ленинского районного суда г. Кирова привлечены к ответственности по ст. 282¹ УК РФ. А именно: Д., являясь приверженцем идеологии фашизма, признавая себя участником молодежного движения «скинхеды», разделяя идеи экстремистской националистической направленности, исключительности лиц славянской национальности и неполноценности лиц неславянского происхождения – представителей народностей Кавказа и Средней Азии, невозможности проживания последних на территории РФ, руководствуясь национальной ненавистью к ним, а также ненавистью к

---

¹ Павлинов А. В. Насильственный экстремизм. М., 2004. С. 147.

² См.: Ожегов С. И. Указ. соч. С. 662.

³ Там же. С. 720.

⁴ Там же. С. 281.

⁵ Там же. С. 230.

представителям других неформальных молодежных движений, в том числе к «антифашистам» и иным лицам, не разделяющим нацистскую идеологию, решил заниматься преступной деятельностью, направленной на совершение в отношении указанной категории лиц уголовно наказуемых деяний против жизни и здоровья, а также общественной безопасности и общественного порядка. Д. путем уговоров и бесед привлек в качестве исполнителей его знакомых А., У. и П., которые разделяли те же самые взгляды. Д. определил структуру сообщества, согласно которой он являлся лидером (организатором) сообщества, а У., П. и А. – его активными участниками (исполнителями). Члены экстремистского сообщества периодически собирались, обсуждали цели и задачи сообщества: изгнание лиц неславянского происхождения; способы достижения этой цели: нападать на представителей этих народностей, а также представителей других неформальных молодежных движений, в том числе «антифашистов», избивать их; в том числе и проведение рейдов на определенной территории с целью отыскания лиц неславянской национальности, а также представителей других неформальных молодежных движений, в том числе «антифашистов», и совершения в отношении них преступлений, а также отработки приемов силовых акций, изучалась экстремистская литература на различных сайтах в сети Интернет¹.

В результате изучения подобных вышеприведенному примеров из судебной практики очередной раз возникает вопрос о целесообразности использования законодателем категории «сообщество» при формулировании уголовного-правового запрета, содержащегося в ст. 282¹ УК РФ.

Исследователи данного вопроса выделяют следующие виды экстремистских сообществ:

1) неформальные молодежные группировки, сформированные на базе националистических взглядов либо иных групповых интересов. Например, националистические молодежные формирования скинхедов, «Движение против нелегальной иммиграции», «Русское национальное единство», «Национал-социалистическое общество». Нацистскими символами являются свастика (стоящая на ребре в 45 градусов с направленными в правую сторону концами), фасция, специфические эмблемы СС, гестапо и других организаций, действующих под эгидой Третьего рейха. Так, в символике скинхедов преобладающее место занимает «кельтский крест» (крест в круге, лучи креста выданы за пределы окружности), косой «конфедератский» крест (флаг южных рабовладельческих американских штатов во времена гражданской войны). Используется как классическая (четырёхлучевая), так и трёхлучевая (символ расистов ЮАР) свастика. Реже используются символы «череп и кости» («мертвая голова»), нашивки с буквами WP («White power»), бульдога в ошейнике с шипами, бейсбольной биты, стилизованное изображение белого кулака. Достаточно распространены рунические символы (руна «отал» –

---

¹ Приговор Ленинского районного суда г. Кирова от 24 октября 2016 г. по делу № 1-671/2016.

ромб с ножками, сдвоенная руна «зиг»), использовавшиеся в нацистской Германии. Общаются между собой скинхеды, используя специфический сленг, отличительной чертой которого является использование слов и аббревиатур из немецкого языка. Престижными считаются псевдонимы Адольф, Фюрер, Ариец, более распространенными являются Кирпич, Омоновец, Рыжий, Опер, Гамлет, Фитиль, Кот и т. д. К крупным нацистским структурам относятся: «Blood & Honor» («Кровь и честь») – московское отделение международной организации скинхедов; «Объединенная бригада 88» (88 символизирует на латыни первые буквы лозунга «Хайль Гитлер!»); «Moscow Hummer Skeans» – тоже московское подразделение, но действующее отдельно от головной организации; «Фронт 14» – цифра 14 – по количеству слов в лозунге международного движения скинхедов «Мы должны сохранить существование нашей расы и будущее для белых детей». Примером может служить уголовное дело, по материалам которого при освидетельствовании обвиняемого Ш. на различных частях его тела были обнаружены следующие татуировки: изображение черепа, цифр 14 и 88, надпись «Born to hate» (с англ. «рожден ненавидеть»). Объясняя значение цифр, пояснил, что 14 у националистов означает количество слов лозунга известного американского расиста Дэвида Лейна, а 88 – от восьмой по счету буквы английского алфавита «Н», приветствие нацистов «Heil Hitler». Члены этих объединений должны изучить определенный перечень экстремистской литературы, разбираться в расовой теории, слушать программную музыку. Национал-экстремисты активно участвуют в издании экстремистских материалов, например журналов «Уличный боец», «Белое сопротивление», «Дело № 88», «Бритоголовые идут»;

2) политические течения экстремистской направленности, ставящие своей целью изменение конституционного строя в России. В частности, речь идет о деятельности политических экстремистов, которые открыто заявляют об идейном родстве с национал-социализмом и используют фашистские или схожие с ними лозунги, атрибутику и символику, глубоко оскорбляющие хранимую россиянами память о жертвах Великой Отечественной войны;

3) исламские религиозные объединения экстремистского толка;

4) псевдорелигиозные организации деструктивного толка, которые, в отличие от экстремистских организаций, в более завуалированной форме оказывают содействие распространению и укреплению экстремистских убеждений в России¹.

Первой формой деяния, предусмотренного ч. 1 ст. 282¹ УК РФ, является создание экстремистского сообщества, которое заключается в объединении лиц в одну группу; определении их ролей в составе сообщества; обеспечении благоприятных условий для совершения преступлений экстремистской на-

---

¹ См.: *Карташов И. И., Кузнецов В. А.* Основы организации и тактики борьбы с молодежным экстремизмом: учеб. пособие. Воронеж: Воронеж. ин-т МВД России, 2013. С. 34.

правленности, о чем может свидетельствовать, например, достижение договоренности о применении насилия в общественных местах в отношении лиц по признакам принадлежности к определенной расе, национальности, религии.

Уголовная ответственность за создание экстремистского сообщества наступает с момента фактического образования такого сообщества, т. е. с момента объединения нескольких лиц для подготовки или совершения преступлений, а также в целях осуществления умышленных действий, направленных на создание условий для совершения преступлений экстремистской направленности или свидетельствующих о готовности экстремистского сообщества реализовать свои преступные намерения, независимо от того, совершили ли участники такого сообщества запланированное преступление.

Следующей формой деяния, предусмотренного ч. 1 ст. 282¹ УК РФ, является руководство экстремистским сообществом, его частью или входящими в такое сообщество структурными подразделениями.

Под руководством экстремистским сообществом, как указывает Пленум Верховного Суда РФ, следует понимать осуществление управленческих функций в отношении сообщества или отдельных его участников, как при совершении конкретных преступлений экстремистской направленности, так и при обеспечении деятельности экстремистского сообщества¹. Аналогичным образом разъясняет высшая судебная инстанция и руководство преступным сообществом, исключение составляет то, что, помимо осуществления управленческих функций, суд называет еще организационные.

Руководство экстремистским сообществом может выражаться, в частности, в разработке планов его деятельности, в подготовке к совершению конкретных преступлений экстремистской направленности, в совершении иных действий, направленных на достижение целей, поставленных экстремистским сообществом или входящими в его структуру подразделениями при их создании (например, в распределении функций и обязанностей между членами экстремистского сообщества, в организации материально-технического обеспечения, в разработке способов совершения преступлений, в принятии мер безопасности в отношении членов экстремистского сообщества).

Так, Л., движимый идеями нацизма и национал-социализма, создал в г. Магнитогорске Челябинской области экстремистское сообщество, руководил им, обеспечивал его техническое оснащение, осуществляя вербовку, пропаганду и идейную подготовку лиц для последующего их вступления в указанное сообщество. Другие активные участники сообщества «Русское национальное движение» (далее – «РНД») получили следующие роли: Б. – руководитель сектора пропаганды и идейный лидер; М. – руководитель силового блока с функциями по обеспечению общей безопасности при совершении преступлений экстремистской направленности, а также обеспечении собст-

---

¹ О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 11.

венной безопасности членов экстремистского сообщества «РНД»; Д. – руководитель сектора по связям со средствами массовой информации с функциями по созданию видеороликов экстремистской направленности. В дальнейшем в целях увеличения численного состава сообщества Л. путем вербовки, агитации и пропаганды идей нацизма, национализма и расовой нетерпимости, а также возбуждения ненависти и вражды к представителям неславянских национальностей и народов вовлек в данное экстремистское сообщество около 40 человек¹.

Под структурным подразделением (частью) экстремистского сообщества понимается функционально и (или) территориально обособленная группа, состоящая из двух или более лиц (включая руководителя этой группы), которая осуществляет преступную деятельность в рамках и в соответствии с целями экстремистского сообщества². Структурные подразделения (части) могут не только совершать отдельные преступления экстремистской направленности, но и выполнять иные задачи по обеспечению функционирования экстремистского сообщества (например, обеспечение сообщества оружием, иными предметами, используемыми в качестве оружия, производство листовок, литературы экстремистского содержания и др.).

О стабильности состава структурных подразделений экстремистского сообщества и сплоченности его членов может свидетельствовать наличие устава, символики, строгой иерархии и соподчинения, общей «кассы» и ее формирование путем «членских» сборов участниками такого сообщества.

Преступление в данной форме является оконченным с того момента, когда виновный реально начал осуществлять свои руководящие функции. Так, например, по материалам приговора Ворошиловского района г. Ростова-на-Дону, Г., разделяя экстремистские идеи, а именно идею о превосходстве славянских национальностей над всеми иными, в нарушение принципа равенства граждан Российской Федерации, закрепленного в ст. 19 Конституции РФ, которая гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств, по мотивам ненависти и вражды к лицам неславянской национальности, создал в Ростове-на-Дону экстремистское сообщество, то есть сплоченную устойчивую организованную группу лиц, под названием Национально-патриотическое движение совместно с лицами, разделяющими его идеи, отличающуюся стабильностью состава и согласованностью действий ее участников, для подготовки и совершения по мотивам ненависти и вражды в

---

¹ Приговор Правобережного районного суда г. Магнитогорска Челябинской области от 12 октября 2011 г. по делу № 1-517/2011. URL: <https://rospravosudie.com>.

² О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 11. С. 3–8.

отношении лиц неславянской национальности преступлений экстремистской направленности с целью проведения силовых акций – «белых патрулей», направленных на нападение и избиение лиц кавказской национальности. Г. привлек в созданное им национально-патриотическое движение К., Б. и М. Роли в сообществе были распределены следующим образом: Г. являлся лидером – создателем движения, им осуществлялось руководство, четкое распределение обязанностей между членами экстремистского сообщества, координирование действий путем общего сбора членов организации в условленном месте и в назначенное время, сбор денежных средств на поддержание и развитие движения, а именно: на приобретение принтера для последующего выпуска листовок экстремистского содержания, организация и планирование преступлений при непосредственном личном участии в совершении преступлений совместно с другими членами экстремистского сообщества, то есть участие в «белых патрулях», направленных на избиение лиц кавказской национальности, подбор участников, из лиц, разделяющих идеи экстремистской направленности по отношению к лицам неславянской национальности, организация спортивных занятий для членов сообщества с целью развития их физической подготовки, налаживание контактов с лицами из числа представителей иных националистических движений, разделяющих их взгляды и идеи. К. являлся заместителем Г., и в его обязанности входил подбор новых участников, участие в силовых акциях, разработка идеи по развитию сообщества. Б. являлся активным членом движения, в его обязанности входило продвижение сообщества в социальных сетях и привлечение новых членов в ряды сообщества, участие в силовых акциях, так называемых «белых патрулях», осуществление мониторинга новостей, как локального, так и глобального уровня, с целью осведомления членов о происходящих в мире событиях и происшествиях. М. являлся активным членом движения, и в его обязанности входила организация и участие в силовых акциях, так называемых «белых патрулях», а также привлечение новых членов партии из лиц, разделяющих идеи экстремистской направленности по отношению к лицам неславянской национальности¹.

Следующее деяние, запрещенное ч. 1 ст. 282¹ УК РФ, – создание объединения организаторов, руководителей или иных представителей частей или структурных подразделений экстремистского сообщества, созданное в целях разработки планов и (или) условий для совершения преступлений экстремистской направленности.

В юридической литературе определение «объединение организаторов, руководителей или иных представителей частей или структурных подразделений экстремистского сообщества» подвергается острой критике. Самая распространенная точка зрения заключается в том, что указанное понятие наду-

---

¹ Приговор Ворошиловского района г. Ростова-на-Дону от 7 апреля 2017 г. по делу № 1-26/2017. URL: // <https://sudakt.ru>.

манное и в реальной действительности не существующее¹ в связи с тем, что все части и структурные подразделения экстремистского сообщества находятся в безусловном подчинении единому центру, строго руководствуются его идеологией и действуют точно в рамках единого плана экстремистской деятельности, беспрекословно повинаясь любым приказам и инструкциям руководства². Наиболее убедителен подход А. Г. Хлебушкина, который считает, что руководители и иные представители структурных подразделений экстремистского сообщества уже действуют в рамках одного сообщества, поскольку представляют его часть или подразделение, вследствие чего нельзя создать объединение, которое уже существует³.

Анализ статистических отчетов, судебной практики за 2009–2019 гг. показал, что ни одного факта создания объединения организаторов, руководителей или иных представителей частей или структурных подразделений экстремистского сообщества, созданного в целях разработки планов и (или) условий для совершения преступлений экстремистской направленности, не выявлено. В результате проведенного анкетирования и опроса выяснилось, что 84 % сотрудников правоохранительных органов и 79 % экспертов согласны, что анализируемое деяние излишне в диспозиции ч. 1 ст. 282¹ УК РФ. В связи с изложенным, нужно сказать, что в предлагаемой нами редакции анализируемой статьи отсутствует данная формулировка.

Федеральным законом от 5 мая 2014 г. № 130-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁴ ст. 282¹ УК РФ дополнена ч. 1¹ следующего содержания: «склонение, вербовка или иное вовлечение лица в деятельность экстремистского сообщества». Необходимо отметить, что данное дополнение не нашло своего отражения в наименовании статьи. Согласно положениям постановления Пленума Верховного Суда РФ от 3 ноября 2016 г. № 41 «О внесении изменений в постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2012 г. № 1 "О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности" и от 28 июня 2011 г. № 11 "О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности"»⁵ под склонением, вербовкой или иным вовлечением лица в деятельность экстремистского сообщества следует понимать умышленные действия, направленные на вовлечение определенного лица (группы лиц) в такую деятельность, например, путем уговоров, подкупа, угрозы, убеждения, просьб,

---

¹ См.: Российское уголовное право: в 2 т. Т. 2: Особенная часть / под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай, В. С. Комиссарова, А. И. Рапова. М., 2010. С. 513.

² См.: *Лиджаков А. Ю.* Борьба с политическим экстремизмом и терроризмом: международно- и национально-правовые проблемы: монография. СПб., 2004. С. 132.

³ См.: *Хлебушкин А. Г.* Преступный экстремизм: понятие, виды, проблемы криминализации и пенализации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2007. С. 9.

⁴ Российская газета. 2014. 7 мая.

⁵ Российская газета. 2016. 16 нояб.

предложений (в том числе совершенные посредством размещения материалов на различных носителях и распространения через информационно-телекоммуникационные сети), применения физического воздействия или посредством поиска лиц и вовлечения их в деятельность экстремистского сообщества.

Принимая во внимание разъяснение высшей судебной инстанции, полагаем, что под склонением применительно к ч. 1¹ ст. 282¹ УК РФ необходимо понимать активные действия, направленные на возбуждение у склоняемого лица желания, решимости, побуждения участвовать в деятельности экстремистского сообщества. Способ склонения может быть любым, в частности, уговоры, призывы к религиозному единству, к национальной сплоченности и солидарности, к чувству патриотизма, подкуп, обман, угроза, принуждение, психическое воздействие и т. д.

Под вербовкой понимаются действия, носящие систематический характер, направленные на поиск новых членов экстремистского сообщества.

Иное вовлечение лица в деятельность экстремистского сообщества следует трактовать как действия, носящие более широкий диапазон, нежели склонение и вербовка, например идеологическая обработка.

Представляется, что деяния, предусмотренные ч. 1¹ ст. 282¹ УК РФ, должны найти свое отражение в наименовании этой статьи. Склонение, вербовка и иное вовлечение – это своего рода помощь, деятельное участие в деятельности экстремистского сообщества, поэтому перечисленные деяния можно объединить дефиницией «содействие».

Состав преступления, предусмотренный ч. 2 ст. 282¹ УК РФ, устанавливает уголовную ответственность за участие в экстремистском сообществе. Однако название комментируемой статьи в действующей редакции, как уже отмечалось, охватывает лишь деяние, предусмотренное ч. 1 данной статьи, а следовательно, является уже по содержанию. В целях устранения такого недостатка предлагается наименование статьи изложить следующим образом: *«Организация экстремистского формирования, содействие его деятельности или участие в нем»*.

В соответствии с п. 16 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11 под участием в экстремистском сообществе необходимо понимать вхождение в состав такого сообщества с намерением участвовать в подготовке или совершении одного или нескольких преступлений экстремистской направленности, участие в подготовке к совершению указанных преступлений экстремистской направленности и (или) непосредственное совершение таких преступлений, а также выполнение лицом функциональных обязанностей по обеспечению деятельности сообщества (снабжение информацией, ведение документации и т. п.), т. е. участие в экстремистском сообществе – это совокупность совместных, согласованных действий членов такого сообщества, каждый из которых достигает единой преступной цели.

При совершении участниками экстремистского сообщества конкретного преступления, например убийства или умышленного причинения вреда здоровью, действия должны квалифицироваться по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 282¹ УК РФ и соответствующей частью статьи УК РФ, в приведенных случаях – по п. «ж», «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ или по п. «а» ч. 3 ст. 111 УК РФ. Пленум Верховного Суда РФ «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» поясняет, что если состав совершенного лицом преступления не предусматривает в качестве квалифицирующего признака совершение его организованной группой, то действия лица подлежат квалификации по ч. 2 ст. 282 УК РФ и соответствующей части статьи УК РФ, предусматривающей квалифицирующий признак «группой лиц по предварительному сговору», а при его отсутствии – по признаку «группой лиц». При этом совершение участниками экстремистского сообщества конкретного преступления в составе организованной группы, в соответствии с п. «в» ч. 1 ст. 63 УК РФ, признается в качестве обстоятельства, отягчающего наказание.

Преступление в форме участия в экстремистском сообществе является оконченным с момента вхождения в состав такого сообщества с намерением участвовать в подготовке или совершении одного или нескольких преступлений экстремистской направленности.

Хотелось бы обратить внимание на неточность действующей редакции диспозиции ч. 1 ст. 282¹ УК РФ, в которой формулировка «разработки планов и (или) условий» представляется не вполне корректной. Основываясь на правилах лексической стилистики¹, более удачной представляется формулировка «разработки планов и (или) *создания* условий». Аналогичный подход уже нашел отражение в постановлении Пленума Верховного Суда от 10 июня 2010 г. № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)», в постановлении Пленума Верховного Суда от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» и ч. 1 ст. 210 УК РФ.

Уже упоминавшийся Федеральный закон от 5 мая 2014 г. № 130-ФЗ, которым введена ч. 1¹ ст. 282¹ УК РФ, в ст. 282¹ УК РФ не предусмотрел возможности освобождения от уголовной ответственности лиц, совершивших деяния, перечисленные в данной части. Деятельность вовлекающих лиц вряд ли можно признать более опасной, чем деятельность лиц участвующих. Кроме того, наличие поощрительной нормы будет способствовать более эффективному противодействию преступлениям экстремистской направленности.

---

¹ Лексическая стилистика изучает соотносительные лексические средства языка, давая оценку использованию слова в конкретной речевой ситуации и выработывая рекомендации нормативного словоупотребления в различных функциональных стилях (Голуб И. Б. Стилистика русского языка: учеб. пособие. М., 1997. С. 4).

В связи с изложенным и с учетом результатов исследования примечание к ст. 282¹ УК РФ целесообразно изложить в следующей редакции: «Лицо, впервые совершившее преступление, предусмотренное настоящей статьей, освобождается от уголовной ответственности, если оно добровольно прекратило участие в деятельности экстремистского формирования, а равно если оно своевременным сообщением органам власти или иным образом способствовало предотвращению либо пресечению преступления, совершению которого содействовало, если в его действиях не содержится иного состава преступления».

Таким образом, исследовав признаки объективной стороны состава преступления, предусматривающего ответственность за организацию экстремистского сообщества, можно сделать следующие выводы. Действующая редакция диспозиции ст. 282¹ УК РФ порождает определенные сложности в правоприменительной практике. Прежде всего, используемое законодателем понятие сообщества в буквальном смысле воспринимается как вид соучастия, признаки которого закреплены в ч. 4 ст. 35 и ст. 210 УК РФ. Однако при описании объективной стороны термин «сообщество» раскрывается через признаки организованной группы, не коррелируя при этом ни с Общей частью УК РФ, ни с постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 10 июня 2010 г. № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)». В целях обеспечения лексической чистоты закона и последовательности при построении уголовно-правовых норм необходимо отказаться от использования термина «сообщество» в ст. 282¹ УК РФ и заменить его на категорию «экстремистское формирование», под которым следует понимать объединение, отряд, дружину или иную группу, созданную в целях подготовки или совершения преступлений экстремистской направленности.

Наличие в диспозиции ст. 282¹ УК РФ указания на деяние в виде объединения организаторов, руководителей или иных представителей частей или структурных подразделений экстремистского сообщества представляется нецелесообразным, поскольку перечисленные структурные единицы действуют в рамках одного, уже существующего сообщества.

Формулировка «разработка планов и (или) условий», содержащаяся в диспозиции ч. 1 ст. 282¹ УК РФ, является не вполне корректной. Стилистически верным представляется использование словосочетания «*создание условий*». Аналогичную позицию разделяет и высшая судебная инстанция (в п. 12 постановления Пленума Верховного Суда от 10 июня 2010 г. № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)», в п. 12 постановления Пленума Верховного Суда от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» и ч. 1 ст. 210 УК РФ содержится формулировка «разработка планов и (или) создание условий».

Основываясь на принципе определенности и единства терминологии, предлагается изложить ст. 282¹ УК РФ в следующей редакции:

«Статья 282¹. Создание экстремистского формирования, содействие его деятельности или участие в нем.

1. Создание экстремистского формирования, а равно руководство таким формированием – наказываются...

1.1. Склонение, вербовка или иное вовлечение лица в деятельность экстремистского формирования – наказываются...

2. Участие в экстремистском формировании – наказывается...

3. Деяния, предусмотренные частями первой, первой¹ или второй настоящей статьи, совершенные лицом с использованием своего служебного положения, – наказываются...

Примечание. 1. Под преступлениями экстремистской направленности в настоящем Кодексе понимаются преступления, совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной, религиозной ненависти или вражды.

2. Под экстремистским формированием следует понимать объединение, отряд, дружину или иную группу, созданную в целях подготовки или совершения преступлений экстремистской направленности.

3. Лицо, впервые совершившее преступление, предусмотренное настоящей статьей, освобождается от уголовной ответственности, если оно добровольно прекратило участие в деятельности экстремистского формирования, а равно если оно своевременным сообщением органам власти или иным образом способствовало предотвращению либо пресечению преступления, совершению которого содействовало, если в его действиях не содержится иного состава преступления».

Появление ст. 282² УК РФ «Организация деятельности экстремистской организации», так же как и вышерассмотренный состав преступления, вызвало определенные сложности в теории уголовного права и правоприменительной деятельности. Такая ситуация в первую очередь обусловлена тем, что понятия «преступное сообщество» и «преступная организация» в ч. 4 ст. 35 УК РФ и в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 10 июня 2010 г. № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)» рассматриваются как идентичные.

Однако в ст. 282² УК РФ под экстремистской организацией понимается не та преступная организация, о которой речь идет в ч. 4 ст. 35 УК РФ, а организация, определение которой содержится в ст. 1 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельно-

сти». В ст. 282² УК РФ имеется в виду общественное или религиозное объединение либо иная организация, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности.

Необходимо указать, что после появления в УК РФ анализируемой нормы (2002 г.) и до ноября 2013 г. при квалификации содеянного по ст. 282² УК РФ учитывался перечень экстремистских организаций (приложение 1) и перечень террористических организаций (приложение 2), т. е. лица, организовавшие деятельность организаций, признанных террористическими, также несли ответственность по ст. 282² УК РФ.

Так, приговором Южно-Сахалинского гарнизонного военного суда от 30 июля 2013 г. Г. был осужден по ч. 1 ст. 282² УК РФ за организацию деятельности экстремистской организации. Суд установил, что в период с сентября 2012 г. по 27 марта 2013 г. Г., принимая активное участие в реализации первого этапа «построения Халифата на территории России», заключающегося в скрытом увеличении численности международной террористической организации «Партия исламского освобождения "Хизб ут-Тахрир аль-Ислами)"» и пропаганде ее экстремистских принципов и идей, создал в г. Южно-Сахалинске конспиративную ячейку данной организации, деятельность которой на территории Российской Федерации запрещена решением Верховного Суда РФ от 14 февраля 2003 г. № ГКПИ 03-116 в связи с ее экстремистским характером.

При этом Г., используя хорошее знание Корана и литературы, относящейся к источникам международной террористической организации «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» и содержащей призывы, направленные на изменение конституционного строя и нарушение территориальной целостности Российской Федерации, возбуждение религиозной розни, а также на пропаганду исключительности и превосходства членов вышеназванной организации и неполноценности лиц, не придерживающихся ее идей, за указанный период вовлек в ее деятельность ряд граждан, не обладающих глубокими познаниями в исламе. С этой целью Г. неоднократно организовывал и проводил в различных местах г. Южно-Сахалинска тайные собрания членов созданной им ячейки, которым также разъяснял методы вербовки новых членов организации и способы ее конспирации¹. Однако в ноябре 2013 г. УК РФ был дополнен ст. 205⁵ УК РФ, устанавливающей ответственность за организацию деятельности террористической организации и участие в деятельности такой организации, с одновременным дополнением ст. 282² УК РФ формулировкой «за исключением организаций, которые признаны террористическими»². Не-

---

¹ Приговор Южно-Сахалинского гарнизонного военного суда от 30 июля 2013 г. URL: <https://rospravosudie.com>.

² О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 2 ноября 2013 г. № 302 // Российская газета. 2013. 6 нояб.

смотря на участвовавшее в последнее время стихийное введение новых составов преступлений в УК РФ, данное законодательное решение можно оценить положительно, поскольку до внесения этих дополнений одна и та же организация в одних и тех же приговорах признавалась и экстремистской, и террористической, а виновные осуждались по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 282² и 205¹ УК РФ (в ред. 2002 г.). Хотя и на тот период террористические и экстремистские организации были юридически разграничены, однако указание в ст. 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» на то, что террористическая деятельность является формой экстремистской деятельности, позволяло квалифицировать содеянное по ст. 282² УК РФ.

Таким образом, после введения в УК РФ ст. 205⁵ «Организация деятельности террористической организации и участие в деятельности такой организации» к экстремистским организациям, ответственность за организацию и участие в которых установлена в ст. 282² УК РФ, террористические организации не относятся.

Диспозиция рассматриваемой статьи носит бланкетный характер, и для правильного уяснения содержащихся в ней понятий необходимо обратиться к следующим федеральным законам: от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ «Об общественных объединениях»¹, от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях»², от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности».

Под общественным объединением, в соответствии со ст. 5 Федерального закона «Об общественных объединениях», понимается добровольное, самоуправляемое, некоммерческое формирование, созданное по инициативе граждан, объединившихся на основе общности интересов для реализации общих целей, указанных в уставе общественного объединения. Право граждан на создание общественных объединений реализуется как непосредственно путем объединения физических лиц, так и через юридические лица – общественные объединения³.

В силу предписаний ст. 6 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» религиозным объединением считается добровольное объединение граждан РФ, иных лиц, постоянно и на законных основаниях проживающих на территории РФ, образованное в целях совместного исповедания и распространения веры и обладающее соответствующими этой цели признаками (вероисповедание; совершение богослужений, других религиоз-

---

¹ Об общественных объединениях: Федеральный закон от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ // Российская газета. 1995. 25 мая.

² О свободе совести и о религиозных объединениях: Федеральный закон от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ // Российская газета. 1997. 1 окт.

³ Об общественных объединениях: Федеральный закон от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ.

ных обрядов и церемоний; обучение религии и религиозное воспитание своих последователей).

Религиозной организацией признается добровольное объединение граждан Российской Федерации, иных лиц, постоянно и на законных основаниях проживающих на территории РФ, образованное в целях совместного исповедания и распространения веры, зарегистрированное в установленном законом порядке в качестве юридического лица¹.

Под иными организациями следует понимать коммерческие и некоммерческие организации. Коммерческие организации могут создаваться в форме хозяйственных товариществ, хозяйственных партнерств, производственных кооперативов, государственных и муниципальных унитарных предприятий. Некоммерческие организации могут создаваться в форме потребительских кооперативов, общественных или религиозных организаций (объединений), учреждений, благотворительных и иных фондов, а также в других формах, предусмотренных законом². Перечень некоммерческих организаций, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности по основаниям, предусмотренным Федеральным законом от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», размещен на официальном сайте Министерства юстиции Российской Федерации (приложение 1). В качестве примера можно привести следующие из них: Международное религиозное объединение «Ат-Такфир Валь-Хиджра» (решение Верховного Суда Российской Федерации от 15 сентября 2010 г.), Местная организация города Краснодара – «Пит Буль» («Pit Bull») (решение Октябрьского районного суда г. Краснодара от 24 августа 2010 г.), Межрегиональное общественное объединение «Формат-18» (решение Московского городского суда от 20 декабря 2010 г.), Межрегиональная общественная организация «Движение против нелегальной иммиграции» (решение Московского городского суда от 18 апреля 2011 г. и определение Верховного Суда Российской Федерации от 9 августа 2011 г.); Украинская организация «Правый сектор» (решение Верховного Суда Российской Федерации от 17 ноября 2014 г.) (дата размещения сведений: 26 января 2015 г.); Военно-патриотический клуб «Белый Крест» (решение Мурманского областного суда от 29 июня 2015 г.) (дата размещения сведений: 16 сентября 2015 г.); Межрегиональное общественное объединение «Этнополитическое объединение «Русские» (решение Московского городского суда от 28 октября 2015 г. и апелляционное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 11 мая 2016 г.) (дата размещения сведений: 26 августа 2016 г.); Организация футбольных

---

¹ О свободе совести и о религиозных объединениях: Федеральный закон от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ.

² Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Российская газета. 1994. 8 дек.

болельщиков «ТОЙС» (иные наименования «Т.О.Y.S», «The Opposition Young Supporters») (решение Советского районного суда г. Самары от 11 апреля 2017 г.) (дата размещения сведений: 17 июля 2017 г.); Общественное объединение футбольных болельщиков «Сектор 16» Бугульминского муниципального района Республики Татарстан (иные наименования: «С-16», «BugulmaUltras») (решение Бугульминского городского суда Республики Татарстан от 28 мая 2018 г.) (дата размещения сведений: 8 августа 2018 г.).

Объективная сторона преступления, предусмотренного ч.1 ст. 282² УК РФ, заключается в организации деятельности общественного или религиозного объединения либо иной организации, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности, за исключением организаций, которые в соответствии с законодательством Российской Федерации, признаны террористическими.

Согласно п. 20 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. под организацией деятельности общественного или религиозного объединения либо иной организации, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности, следует понимать действия организационного характера, направленные на продолжение или возобновление противоправной деятельности запрещенной организации (например, созыв собраний, организация шествий, использование банковских счетов, если это не связано с процедурой ликвидации).

Ликвидация общественного или религиозного объединения либо иной организации означает прекращение их существования как юридических лиц, включая прекращение осуществления ими какой-либо деятельности, за исключением связанной с процедурой ликвидации, регулируемой гражданским законодательством. Запрет деятельности общественного или религиозного объединения, не являющегося юридическим лицом, означает прекращение осуществления ими любой разрешенной для них в соответствии с законодательством деятельности.

Так, по материалам приговора Ленинского районного суда г. Махачкалы Д., К. и К. организовали деятельность религиозного объединения, в отношении которого судом принято вступившее в законную силу решение о запрете деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности, при следующих обстоятельствах. Верховным Судом Российской Федерации 10 апреля 2008 г. принято вступившее в законную силу решение о признании международного религиозного объединения «Нурджулар», основной целью которого является создание всемирного исламского государства (халифата), экстремистским и запрете его деятельности на территории Российской Федерации. Деятельность экстремистского объединения «Нурджулар» на территории Российской Федерации сопряжена с посягательством на причинение вреда

личности, на права и свободы человека и гражданина; направлена на формирование групп гражданского населения с позитивным восприятием смерти, сочетающимся с готовностью к самопожертвованию во имя интересов учения; направлена на образование мусульманской молодежи в духе вероучения данного объединения для достижения поставленной цели по исламизации государства и получения тотального контроля над регионом распространения данного религиозного движения. Основными формами деятельности данного религиозного объединения являются: издание, перевод и распространение произведений автора Саида Нурси, создание групп по изучению его книг из сборника сочинений «Рисале-и Нур», являющихся идеологическими источниками международного религиозного объединения «Нурджулар», которые признаны решениями судов Российской Федерации экстремистскими материалами. Приговором Мирового суда судебного участка № 12 Ленинского района г. Махачкала от 18 мая 2011 г., вступившим в силу 15 ноября 2011 г., Д. признан виновным и осужден к 3 годам лишения свободы условно с испытательным сроком 2 года, за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 282² УК РФ, то есть за организацию в период с апреля 2008 г. по декабрь 2009 г. на территории г. Махачкала Республики Дагестан деятельности экстремистского объединения «Нурджулар». Д., будучи осужденным указанным выше решением мирового суда по ч. 1 ст. 282² УК РФ, в период отбывания наказания, не сделав должных выводов для себя, не встав на путь исправления, осознавая преступный характер и общественную опасность своих действий, совместно с К. и К. организовал в период с 15 ноября 2011 г. по 13 марта 2016 г. на территории Республики Дагестан и г. Астрахани деятельность экстремистского объединения «Нурджулар», заключающуюся в создании религиозных ячеек данного объединения – «домашних медресе», предназначенных для проведения занятий – «дарсов» («сохбетов» – уроков-наставлений) по изучению деятельности и сборников сочинений автора Саида Нурси под названием «Рисале-и Нур». В ходе указанных занятий Д., совместно с К. и К. производилась идеологическая обработка присутствующих лиц, вследствие чего последние приобретали специальные познания, изучая печатную продукцию под названием «Рисале-и Нур». Целью проводимых занятий являлся подбор и изучение кандидатов на вступление в указанное запрещенное объединение из числа граждан, исповедующих ислам, путем их идеологической обработки в ходе специальных занятий, а также распространение печатной продукции экстремистского объединения «Нурджулар»¹.

Федеральным законом от 5 мая 2014 г. № 130-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» ст. 282² УК РФ дополнена ч. 1¹ следующего содержания: «склонение, вербовка или иное вовлечение лица в деятельность экстремистской организации». Содержание

---

¹ Приговор Ленинского районного суда г. Махачкалы от 7 ноября 2017 г. по делу № 1-162/2017. URL: <https://sudakt.ru>.

перечисленных деяний аналогично уже рассмотренным при анализе предыдущего состава преступления.

Следующим уголовно наказуемым деянием, предусмотренным вышеназванной нормой, является участие в деятельности общественного или религиозного объединения либо иной организации, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности, за исключением организаций, которые в соответствии с законодательством Российской Федерации признаны террористическими.

Под участием в деятельности экстремистской организации понимается совершение лицом умышленных действий, направленных на осуществление целей экстремистской организации (проведение бесед в целях пропаганды деятельности запрещенной организации, непосредственное участие в проводимых мероприятиях и т. п.).

При совершении участниками экстремистской организации действий, содержащих признаки самостоятельных составов преступлений, квалификация должна осуществляться по совокупности со ст. 282² УК РФ.

Надо сказать, что диспозиция анализируемой уголовно-правовой нормы содержит три самостоятельных состава преступления: 1) организация деятельности общественного или религиозного объединения либо иной организации, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности, за исключением организаций, которые в соответствии с законодательством Российской Федерации признаны террористическими; 2) склонение, вербовка или иное вовлечение лица в деятельность экстремистской организации; 3) участие в деятельности общественного или религиозного объединения либо иной организации, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности. Однако данный факт не нашел своего отражения в ее названии. Наименование ст. 282² УК РФ в действующей редакции охватывает лишь деяние, предусмотренное ч. 1 данной статьи, следовательно, является более узким по содержанию. Стоит отметить, что в более ранних нормах законодатель такого недочета не допускает, как например, при формулировании диспозиции ст. 208 УК РФ «Организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем», ст. 210 УК РФ «Организация преступного сообщества (преступной организации) или участие в нем (ней)».

Более того, интересным представляется тот факт, что при формулировании ч. 1¹ ст. 282² УК РФ законодатель ушел от громоздкого наименования «общественное или религиозное объединение либо иная организация, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности в связи с осуществлением экстремист-

ской деятельности», заменив его словосочетанием «экстремистская организация», что является нарушением принципа лексической чистоты закона при построении уголовно-правовых норм и порождает сложности в правоприменительной деятельности.

Нужно сказать, неоднократное использование дефиниции «организация» в диспозиции ст. 282² УК РФ порождает ее неопределенность, поскольку необходимо проанализировать указанное понятие и как форму объединения граждан, и как действие. Для устранения данного замечания представляется целесообразным ст. 282² УК РФ изложить в следующей редакции:

«Статья 282². Продолжение или возобновление деятельности экстремистской организации, содействие ее деятельности или участие в ней.

1. Продолжение или возобновление деятельности экстремистской организации –

наказываются...

1.1. Склонение, вербовка или иное вовлечение лица в деятельность экстремистской организации –

наказываются...

2. Участие в деятельности экстремистской организации –

наказывается...

Примечание: 1. Под экстремистской организацией понимается общественное или религиозное объединение либо иная организация, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности, за исключением организаций, которые в соответствии с законодательством Российской Федерации признаны террористическими.

2. Лицо, совершившее преступление, предусмотренное настоящей статьей, освобождается от уголовной ответственности, если оно добровольно прекратило участие в деятельности экстремистской организации, а равно если оно своевременным сообщением органам власти или иным образом способствовало предотвращению либо пресечению преступления, совершению которого содействовало, если в его действиях не содержится иного состава преступления».

Федеральным законом от 28 июня 2014 г. № 179-ФЗ в УК РФ введена ст. 282³, предусматривающая ответственность за финансирование экстремистской деятельности, а именно за действия, состоящие в предоставлении или сборе средств либо оказании финансовых услуг для финансирования организации, подготовки и совершения хотя бы одного из преступлений экстремистской направленности либо для обеспечения деятельности экстремистского сообщества или экстремистской организации.

Финансированием экстремистской деятельности следует признавать, наряду с оказанием финансовых услуг, предоставление или сбор не только де-

нежных средств (в наличной или безналичной форме), но и материальных средств (например, предметов обмундирования, экипировки, средств связи) с осознанием того, что они предназначены для финансирования организации, подготовки или совершения хотя бы одного из преступлений экстремистской направленности, либо для финансирования или иного материального обеспечения лица в целях совершения им хотя бы одного из этих преступлений, либо для обеспечения деятельности экстремистского сообщества или экстремистской организации (например, систематические отчисления или разовый взнос в общую кассу, приобретение недвижимости или оплата стоимости ее аренды, предоставление денежных средств, предназначенных для подкупа должностных лиц).

Под средствами применительно к ст. 282³ УК РФ необходимо понимать активы любого рода, осязаемые или неосязаемые, движимые или недвижимые, независимо от способа их приобретения, а также юридические документы или акты в любой форме, в том числе в электронной или цифровой, удостоверяющие право на такие активы или участие в них, включая банковские кредиты, дорожные чеки, банковские чеки, почтовые переводы, акции, ценные бумаги, облигации, векселя, аккредитивы, но не ограничиваясь ими¹.

Предоставление средств – это их передача в распоряжение лицу, организовывающему или подготавливающему преступление экстремистской направленности, а равно экстремистскому сообществу или экстремистской организации.

Сбор средств – это их приискание, получение, сохранение для финансирования подготовки или совершения преступлений экстремистской направленности либо для обеспечения деятельности экстремистского сообщества или экстремистской организации.

Сбор средств может осуществляться как законными (например, сбор пожертвований), так и незаконными способами. В последнем случае содеянное при наличии к тому оснований должно квалифицироваться по совокупности преступлений (ст. 282³ УК РФ и соответствующая статья Особенной части УК РФ, предусматривающая ответственность за преступления, совершенные при получении средств).

Под финансовой услугой, согласно п. 3 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей», следует понимать услугу, оказываемую физическому лицу в связи с предоставлением, привлечением и (или) размещением денежных средств и их эквивалентов, выступающих в качестве самостоятельных объектов гражданских прав (предоставление кредитов (займов), открытие и ведение текущих и иных банковских счетов, привлечение банковских вкла-

---

¹ Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма от 9 декабря 1999 г. // СЗ РФ. 2003. № 12. Ст. 1059. С. 2699.

дов (депозитов), обслуживание банковских карт, ломбардные операции и т. п.)¹.

Финансирование экстремистской деятельности в виде оказания финансовых услуг окончено с момента оказания хотя бы одной такой услуги. Соответственно, правоприменитель при квалификации должен учитывать правила конкуренции уголовно-правовых составов преступлений.

Преступление окончено с момента совершения любого из указанных действий, относящихся к финансированию преступления экстремистской направленности, обеспечению деятельности экстремистского сообщества или экстремистской организации.

В случаях когда наряду с финансированием преступлений экстремистской направленности виновное лицо оказывает иное содействие их совершению, например, помогает советами, указаниями, предоставлением информации и т. п., его действия образуют совокупность преступлений, предусмотренных ст. 282³ и соответствующей статьей Особенной части УК РФ со ссылкой на ч. 5 ст. 33 УК РФ.

§ 4. Особенности субъективных признаков преступлений экстремистской направленности, посягающих на основы конституционного строя и безопасность государства

Несмотря на то, что в диспозициях анализируемых статей не содержится указания на мотив, из определения, данного в примечании 2 к ст. 282¹ УК РФ, следует, что мотив политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо мотив ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы является обязательным для преступлений экстремистской направленности.

По данным проведенного исследования, 89 % опрошенных сотрудников центров (групп) по противодействию экстремизму отметили, что именно мотив выступает системообразующим признаком состава каждого преступления рассматриваемой группы и главным критерием выделения такого рода преступлений среди остальных. Специалисты убеждены, от того, насколько успешно удастся преодолеть проблемы с доказыванием экстремистского мотива, зависит перспектива рассмотрения указанных уголовных дел в суде.

Проблемам изучения мотивов преступного поведения посвящено значительное количество научных работ отечественных специалистов. Однако мотив преступлений экстремистской направленности сравнительно недавно привлек внимание исследователей. Каждый из вышеперечисленных мотивов обладает самостоятельными характерными признаками и порождающими его

---

¹ О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2012 г. № 17 // Российская газета. 2012. 12 июля.

причинами. Поэтому, для правильной уголовно-правовой оценки деяний экстремистской направленности большое значение имеет детальный анализ каждого из них.

В связи с тем что на законодательном уровне содержание и признаки названных мотивов не определены (что порождает определенные трудности при квалификации деяния), необходимо проанализировать научные предложения по их разъяснению.

Самым проблематичным в части разъяснения, на мой взгляд, является мотив идеологической ненависти и вражды. В большинстве энциклопедических словарей идеология представляется как «система политических, правовых, нравственных, религиозных, эстетических и философских взглядов и идей, в которых осознаются и оцениваются отношения людей к действительности»¹. Идеология представляет собой духовную власть над человеческим обществом. Она регулирует, мотивирует и направляет деятельность индивида во всех сферах общества². Это определяется и преданностью человека определенным идеям, которые имеют особую ценность в его глазах и в представлении его группы. Идеологический мотив основан на совпадении собственных ценностей человека, его идейных позиций с идеологическими ценностями *этнической, религиозной или политической группы*, организации или иной идейно-политической силы. Он возникает как результат вступления человека в *некоторую близкую по духу общность*. В таких случаях экстремизм становится не просто средством реализации некоторой идеи, а еще и своего рода «миссией» от имени данной общности³. В этой связи возникает вопрос о необходимости включения законодателем еще иных признаков (ненависть и вражда: политическая, расовая, религиозная, особенно в отношении определенной социальной группы), если все они объединены «своей идеологией»⁴. Такое перечисление альтернативных признаков порождает сложности в квалификации исследуемых преступлений. Поскольку каждый признак является самостоятельным и доказывание мотива является первостепенной задачей правоприменителя, то необходимо установить конкретную составляющую

---

¹ Толковый словарь юридических терминов / сост. А. Н. Головистикова, Л. Ю. Грудцына. М., 2007. С. 128.

² См.: Большая юридическая энциклопедия. М., 2005. С. 221.

³ См.: *Касперович Ю. Г.* Мотивация экстремизма и факторы его формирования // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2012. № 2 (49). С. 81.

⁴ Иначе, например, не установить и не различить мотив деятельности радикальных исламских объединений, возникших в начале 90-х гг. XX века в республиках Северного Кавказа, представители которых проникли в регион на фоне политического и социально-экономического хаоса с требованиями возвращения к «чистоте ислама» и «праведным временам халифата», «созданию общеисламского государства», основанного на положениях Корана и шариата. Ваххабизм стал серьезной угрозой, спровоцировавшей рост сепаратистских настроений, направленных на выход из состава России Северного Кавказа. Таким образом, конфликт, начавшийся как религиозный, перешел в политический (уже не скрывались политические цели силового захвата власти в Чеченской республике и республике Дагестан).

мотива, а для этого, можно сказать, отсутствуют «инструменты». Речь идет об отсутствии целостной правовой системы противодействия преступлениям экстремистской направленности; несогласованности ряда норм антиэкстремистского законодательства; отсутствии эффективных правовых механизмов реализации законодательства по противодействию экстремизму; наличии разночтений в законодательно закрепленных терминах и понятиях; отсутствии научных исследований по методике раскрытия и расследования анализируемых преступлений; низкой квалификации следователей, не позволяющей им грамотно формулировать обвинение; неполноценности экспертизы (в частности из-за поручения производства экспертизы недостаточно компетентным лицам и неразработанности методики экспертного исследования по указанным категориям дел)¹. Более того, следует отметить, что изучение более 200 приговоров позволяет сделать вывод о том, что и суд в резолютивной части перечисляет все альтернативные составляющие экстремистского мотива без конкретизации применительно к определенной ситуации. Это абсолютно не верно. Ведь оформляя решение о виновности лица, например, в хранении оружия, суд не указывает в приговоре, что лицо признается виновным в хранении, *ношении* оружия, *боеприпасов и основных частей*.

Следующей составляющей экстремистского мотива является политическая ненависть или вражда, которая заключается в стойкой неприязни к потерпевшему, вызванной его участием в деятельности органов государственной власти и управления, в их выборах и формировании, в деятельности политических партий и общественных объединений либо неприятием виновным определенных политических взглядов².

В качестве побуждений лица, совершившего преступление экстремистской направленности, мотивированного политической ненавистью или враждой, могут выступать: самоутверждение; причинение вреда, в том числе репутационного, политическому противнику; устранение политического противника или носителя иных политических взглядов; лишение политического противника ресурсов для ведения политической борьбы в интересах принятия необходимого решения на референдуме, выдвижения и включения определенной кандидатуры в избирательные списки политической партии, победа на выборах определенной кандидатуры или политической партии и др.³ Крайне негативной тенденцией в последнее время являются возрастающая законспирированность и организованность преступной деятельности экстре-

---

¹ Представляется, что последние три причины будут утрачивать свое значение по мере накопления и теоретического обобщения практики противодействия преступлениям экстремистской направленности.

² См.: *Кунашев А. А.* Мотивы ненависти или вражды в уголовном праве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. С. 10.

³ См.: *Кабанов П. А.* Политическая ненависть или вражда как один из мотивов преступлений экстремистской направленности // *Следователь*. 2008. № 2. С. 57.

мистских объединений, которая осуществляется под эгидой политических лозунгов и носит ярко выраженный антигосударственный характер, а именно направлена против существующей власти и конечной целью имеет свержение, захват этой власти и создание «своей» власти. Основным «рычагом» воздействия на людей является «прокачка» недовольства социальной жизнью, действительностью, например, лозунги о том, что государственная власть не выполняет свои конституционные обязанности, злоупотребляет полномочиями, не соблюдает требования действующего законодательства, ограничивается развитие культуры нации, ущемляются права и свободы верующих, растёт безработица, бесперспективность в реализации своих экономических желаний, падение уровня жизни подавляющей части населения, при этом наблюдается рост благосостояния представителей криминальной экономики. Перечисленные проблемы были знакомы гражданам нашего государства и в другие исторические периоды нашего развития, но стоит отметить, что опасной является их радикализация. Как только они радикализировались посредством действий экстремистских объединений, возникает реальная угроза мятежей, восстаний, внутренних вооружённых конфликтов и революций. Соответственно, главная задача государства и его правоохранительной системы – противодействовать экстремистам, которые стремятся показать «неспособность» существующей власти обеспечить порядок, безопасность, стабильность жизнедеятельности общества. Такое противодействие правоохранительных органов необходимо в виду того, что на территории нашей страны имеются очаги социально-политической напряжённости; существуют межэтнические и территориальные противоречия¹; имеются трудноразрешимые социально-экономические и региональные проблемы (безработица, вытеснение русскоязычного населения из ряда субъектов Российской Федерации, этнические различия определяют возможность получения социальных и материальных благ, престижные виды деятельности закрепляются за лицами коренной национальности); активизируется исламский фундаментализм среди народов России, традиционно исповедующих ислам, и др.

Мотив расовой ненависти и вражды выражается в стремлении виновного показать свое превосходство и неполноценность потерпевшего по причине его принадлежности к конкретной (иной) расе и вследствие этого выразить свое ненавистное к нему отношение. Раса – исторически сложившаяся группа людей, объединённых общностью происхождения и некоторых наследственных физических особенностей: строения черепа, тела, пигментации кожи и т. п.² Представления об изначальном неравенстве различных рас появи-

---

¹ Особенно это свойственно для Северного Кавказа и Поволжья (кабардинцы – балкарцы, дагестанцы – чеченцы, черкесы – карачаевцы, ингуши – осетины, татары – русские, татары – башкиры).

² См.: Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 2000. С. 1086.

лись достаточно давно. В настоящее время они сформировались в совокупность воззрений, в основе которых лежат положения о физической и умственной неравноценности человеческих рас и о решающем влиянии расовых различий на историю и культуру, именуемые расизмом. В свою очередь, расовая ненависть и вражда выражаются во враждебной установке, которая разобщает какие-либо этнические группы и обосновывает политику дискриминации. Так, центральный районный суд г. Тюмени приговорил Ц. к 8 месяцам исправительных работ за размещение расистских видеозаписей в социальной сети «ВКонтакте». Являясь активным сторонником расистских взглядов, Ц. разместил на созданной им странице в социальной сети «ВКонтакте» видеозапись, направленную на унижение достоинства представителей негроидной расы.

Изучение мотива национальной ненависти или вражды следует начать с раскрытия понятий «национальность» и «нация». Словарь иностранных слов поясняет, что вышеуказанные определения являются синонимами. Нация – историческая общность людей, складывающаяся в процессе формирования их территории, экономических связей, языка, этнических особенностей культуры и характера¹. Лица, выражающие ненависть или вражду по отношению к представителям другой национальности, именуются нацистами. Нацисты руководствуются преступной идеологией, основанной на репрессивных мерах одной нации по отношению к другой и на том, что нет возможности выйти из группы угнетаемых людей, принадлежность к которой определяется по рождению.

Примером проявления мотива национальной ненависти и вражды может служить дело, рассмотренное Московским городским судом. В соответствии с обстоятельствами, изложенными в приговоре, 8 мая 2010 г. около 21.30 ч. М. и Г., увидев ранее не знакомого им М-а, киргиза по национальности, полагая, что последний является человеком неславянского происхождения, испытывая в связи с этим ненависть и враждебные чувства к нему, клинками имевшихся при себе ножей в быстрой последовательности друг за другом с достаточной силой нанесли М-у удары, чем причинили потерпевшему тяжкий вред здоровью².

Мотив религиозной ненависти или вражды³ проявляется в нетерпимости ко всем инаковерующим или неверующим. Стоит подчеркнуть, что для нашего многоконфессионального государства обеспечение стабильных отношений между гражданами, исповедующими различные религии, в том числе

---

¹ См.: Толковый словарь юридических терминов / сост. А. Н. Головистикова, Л. Ю. Грудцына. С. 204.

² Приговор Московского городского суда по делу № 2-0051/2012. URL: <http://www.mos-gorsud.ru>.

³ Для описания мотива религиозной ненависти или вражды широко используют такие понятия, как «исламский экстремизм», «ваххабизм», «исламизм».

и в рамках формирования и поддержания устойчивого сотрудничества России с другими государствами, является одним из приоритетных направлений. В последнее десятилетие в Российской Федерации увеличилось количество акций протеста, несанкционированных митингов, шествий и пикетирований, расширилась география вовлеченности в псевдорелигиозные объединения, пропагандирующие экстремистские взгляды. Крайние религиозные воззрения, доведенные до степени фанатизма «выливаются» в наиболее опасную форму религиозного экстремизма – терроризм¹ (взрывы в Волгограде, Санкт-Петербурге, Грозном и др.). Вместе с тем современная внешнеполитическая ситуация также способствует распространению религиозного экстремизма (боевые действия в Сирии, теракты в Ираке, Афганистане и др.). Причинами, с которыми необходимо бороться в целях недопущения посягательств на религиозные основы нашего государства, являются: наличие в обществе противоречий в социально-экономической сфере; религиозная малограмотность значительной части населения²; недостаточный уровень межконфессионального диалога; деструктивное влияние массовой культуры, отдельных средств массовой информации, способствующих разжиганию экстремистских воззрений на этноконфессиональной почве³; не всегда своевременная реакция⁴, а в ряде случаев – некомпетентность правоохранительных органов и иных должностных лиц⁵.

---

¹ Религиозный фактор становится основой для идеологической и организационной пропаганды, а также способом давления.

² В XX веке в России преследовались любые религиозные проявления. В результате четыре поколения не получили должного религиозного образования. У многих накопилась потребность в религиозной жизни, но после снятия запретов традиционные религии не располагали подготовленными миссионерами и необходимым количеством религиозной литературы, что позволило большому количеству тоталитарных (псевдорелигиозных) объединений повлиять на процесс возрождения духовности народа. Опасность таких деструктивных конфессиональных образований заключается в том, что их деятельность целенаправленно подрывает традиции народов Российской Федерации, «бросает вызов» традиционным религиям, веками существовавшим в нашей стране.

³ В последнее время усугубилась популяризация в СМИ информационных сообщений с включением визуально-графических средств, где в большинстве своем используются символы и образы мусульман (распространение видеозаписей с казнью взятых в заложники журналистов, военных и мирных жителей).

⁴ Пассивность работников правоприменительных органов, не желающих возбуждать уголовные дела по преступлениям экстремистской направленности, по мнению У. Н. Ахмедова, обусловлена следующими обстоятельствами: при наличии экстремистского мотива дело, как правило, вызывает повышенный общественный резонанс, а следовательно, повышенный контроль и ответственность за неточности и недостатки в расследовании таких преступлений; недооценка сотрудниками правоохранительных органов реальной опасности националистических, расистских проявлений и религиозной нетерпимости; распространение ксенофобии среди определенной части работников судебных и правоохранительных органов.

⁵ Речь идет о квалифицированной подготовке:

– сотрудников полиции, которые должны уметь работать в коллективе, толерантно воспринимая социальные, культурные и иные различия. Работа с гражданами также должна основываться

По мотиву религиозной ненависти следует квалифицировать также деяния, обусловленные отрицанием любой религии. Примером может служить уголовное дело, рассмотренное окружным военным судом, согласно материалам которого М., Ж. и Р., являясь атеистами и не приемля никакой религии, из чувства ненависти к любой религии с целью демонстрации пренебрежения к верующим бросили по бутылке с зажигательной смесью каждый в окно прихода православного храма св. Александра Невского¹.

По мнению А. А. Кунашева, мотив религиозной ненависти или вражды – это разновидность религиозного мотива, поэтому необходимо отграничивать преступления, совершенные по мотиву религиозной ненависти или вражды, от посягательств, обусловленных иной религиозной мотивацией. Например, совершенные на религиозной почве ритуальные убийства не будут представлять собой проявление религиозной ненависти или вражды, поскольку данные действия связаны с желанием виновного исполнить религиозный обряд, ритуал и подлежат квалификации по ч. 1 ст. 105 УК РФ².

Не лучшим образом обстоит дело с пониманием сущности ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, что порождает проблемы толкования в правоприменительной деятельности. Необходимо отметить, что, к сожалению, анализ действующего российского законодательства не позволяет сформулировать однозначное определение социальной группы.

Обобщив имеющиеся данные, постараемся определить критерии указанной дефиниции. В социологических словарях под социальной группой понимается относительно устойчивая совокупность людей, имеющих общие интересы, ценности и нормы поведения, складывающаяся в рамках исторически определенного общества. В каждой социальной группе воплощаются некоторые специфические взаимосвязи индивидов между собой и обществом в целом. Различному характеру этих связей соответствует многообразие социальных групп³.

В уголовно-правовой литературе высказано предложение под социальной группой в преступлениях экстремистской направленности понимать сово-

---

ваться на принципах равенства в обращении, обязательности веротерпимости, толерантности к приверженцам разных конфессий. Для того чтобы сохранить непредвзятость, полицейским не рекомендуется демонстрировать символы веры, находясь в форменном обмундировании;

– сотрудников федеральной службы исполнения наказаний, которые, работая с лицами, осужденными за преступления экстремистской направленности, должны уметь четко и доходчиво объяснить сущность традиционных религий в целях дерадикализации осужденных;

– командиров воинских частей Вооруженных Сил РФ (командование части оказывает содействие военнослужащим любых вероисповеданий в реализации их конституционного права на свободу вероисповедания, вместе с тем должно консультировать по вопросам религиозного содержания, а если это необходимо, – противодействовать псевдорелигиозным течениям.

¹ Уголовное дело № 23709 от 28 июня 2012 г.

² См.: *Кунашев А. А.* Указ. соч. С. 13.

³ См.: *Словарь социолингвистических терминов / отв. ред. В. Ю. Михальченко. М., 2006. С. 209.*

купность людей, которые, в силу профессиональной деятельности, совершения систематических совместных действий, а равно открыто выражаемых личных, *политических, религиозных и иных идеологических убеждений, предпочтений*, имеют общие интересы или формы самовыражения, самоидентификации, не противоречащие закону¹.

С указанным предложением позволим себе не согласиться, поскольку считаем, что нет необходимости выделять еще иные социальные группы, кроме уже существующих по политическим, идеологическим, расовым, национальным, религиозным признакам, для целей анализируемых статей.

А. А. Кунашев считает, что представители социальной группы имеют общие существенные социально значимые признаки, к которым относит имущественное положение («богатые» и «бедные»²), место жительства (городские, сельские жители, мигранты), принадлежность к определенной профессии (врачи, учителя, сотрудники правоохранительных органов), социальный слой (интеллигенция, служащие), возрастную группу (пенсионеры)³. Это значит, что данный перечень можно продолжать бесконечно. По мнению С. В. Борисова, напротив, в законодательном определении необходимо привести исчерпывающий перечень отличительных признаков социальных групп и их представителей, вызывающих ненависть либо вражду виновных⁴. Представляется, что это невыполнимо, поскольку невозможно предусмотреть все частные случаи проявления ненависти либо вражды в отношении определенных групп лиц.

В связи с тем что высшая судебная инстанция не дает четкого определения социальной группы, отсутствует и единый подход к признанию определенной общности людей таковой. Так, С., испытывая ненависть и вражду по отношению к лицам, придерживающимся антифашистских взглядов, как к социальной группе, полагая, что Я. к таковой относится, совершил нападение на него. Действия С. были квалифицированы как хулиганство, совершенное по мотивам ненависти и вражды в отношении какой-либо социальной группы⁵. Однако Нижегородским областным судом покушение на убийство и причинение вреда здоровью, совершенные из-за принадлежности потерпевших к неформальному молодежному движению «антифашисты», были ква-

---

¹ См.: *Леньшин Д. И.* Преступления экстремистской направленности по уголовному праву Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 6.

² Тогда получается, что любую кражу, которую лицо совершает ввиду более высокого уровня доходов потерпевшего, следует признавать преступлением экстремистской направленности, но ведь это не так. Сущность анализируемых преступлений, как уже отмечалось, заключается в посятельстве на основы конституционного строя и безопасности государства.

³ См.: *Кунашев А. А.* Указ. соч. С. 15.

⁴ См.: *Борисов С. В.* Проблемы уголовно-правового понятия преступлений экстремистской направленности // Закон и право. 2009. № 3. С. 73.

⁵ Приговор Санкт-Петербургского городского суда по делу № 2-37/09. URL: <http://www.rospravosudie.ru>.

лифицированы как совершенные по мотивам идеологической ненависти, а не по мотиву ненависти и вражды в отношении какой-либо социальной группы¹.

Полагая, что социальная группа и формируется на основании общих политических, идеологических, религиозных и иных убеждений, представляется справедливым объяснение А. Г. Хлебушкина: если доминирующим мотивом виновного в совершении преступления экстремистской направленности в отношении конкретных лиц, хоть и являющихся представителями определенной социальной группы, была ненависть к их политическим, идеологическим или религиозным взглядам, то содеянное необходимо квалифицировать как совершенное по мотивам политической, идеологической, расовой ненависти или вражды, а не по мотиву ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы².

Признаки, лежащие в основе экстремистского мотива, должны характеризовать неотъемлемые свойства человека или его мировоззрение, которые могут повлиять на основы конституционного строя. Включение признака «социальная группа» в содержание экстремистского мотива представляется излишним, так как он не отвечает названным условиям и полностью поглощается иными признаками, включенными в характеристику. Считаем целесообразным при определении мотива преступлений экстремистской направленности, указание на который имеется в п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ, в соответствующих статьях Особенной части УК РФ, а также в определении преступлений экстремистской направленности в ч. 2 примечания к ст. 282¹ УК РФ исключить указание на социальную группу, так как посяательства, обусловленные признаками социальной группы, не влияют на неизбежность основ конституционного строя и безопасности государства.

С учетом анализа изложенного, представляется справедливым замечание, касающееся сложности и неоднозначности понимания мотива политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы в том содержании, в котором он закреплен в УК РФ³, в связи с тем, что альтернативно перечисленные прилагательные в определенных случаях имеют однородное смысловое значение и соотносятся между собой как часть и целое (например, политический и идеологический). Однако правоприменитель обязан в каждом конкретном случае выявлять доминирующий мотив на

---

¹ Приговор Нижегородского областного суда по делу № 2-14/10. URL: <http://www.gospravosudie.ru>.

² См.: Хлебушкин А. Г. Установление признаков социальной группы при квалификации преступлений экстремистской направленности: теория и судебная практика // Уголовное право. 2013. № 6. С. 80.

³ См.: Соловьева С. В. Проблемы определения мотива политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы в статьях Особенной части УК РФ // Науч. журнал КубГАУ. 2012. № 82 (08). С. 4.

основе вышеуказанных разъяснений. В качестве варианта решения такой проблемы применения норм, содержащих указание на экстремистский мотив, считаем, что нет необходимости выделять еще иные социальные группы, кроме уже существующих по политическим, идеологическим, расовым, национальным, религиозным признакам, для целей анализируемых статей. Следовательно, п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ необходимо сформулировать без указания на мотив ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы. Вместе с тем следует отметить, что анализируемая составляющая экстремистского мотива в настоящее время вызывает большие трудности, чем все остальные, поскольку основным недостатком социологической экспертизы является то, что в рамках различных уголовных дел могут быть получены абсолютно различные заключения экспертов по содержанию самого понятия «социальная группа»¹, следовательно, выносятся противоречивые судебные решения, а в ряде случаев действия виновных остаются безнаказанными.

По поводу существующей в настоящее время редакции п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ в юридической литературе также встречаются различные точки зрения. А. С. Скудин полагает, что экстремистский мотив необходимо сформулировать как политические, идеологические, расовые, национальные или религиозные предубеждения или предубеждения по отношению к какой-либо социальной группе². Использование данным автором дефиниции «предубеждение» представляется не совсем удачным, поскольку в толковом словаре русского языка Д. Н. Ушакова «предубеждение» означает ложное, предвзятое, заранее сложившееся отрицательное мнение о чем-либо, предрассудок³. Формулировка «ненависть или вражда» является более удачной, так как наиболее четко отражает отношение человека при совершении преступления экстремистской направленности, а именно «ненависть представляет собой чувство вражды одного человека или группы лиц к другому человеку или к другой группе лиц, вызванное односторонней или взаимной неприязнью»⁴.

Следующая позиция, встречающаяся в научной литературе, сводится к тому, что существующая редакция п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ не в полной мере отражает сущность такого сложного явления, как экстремизм, и поэтому его редакцию необходимо представить следующим образом: «совершение преступления по экстремистским мотивам и (или) в экстремистских целях». Под экстремистскими мотивами и целями Р. М. Узденов предлагает понимать: 1) мотивы и цели, связанные с незаконным присвоением, захватом, удержа-

---

¹ В судебно-следственной практике имеются примеры, когда по содержанию подобных уголовных дел в одном сотрудники полиции были признаны социальной группой, а в другом – нет.

² См.: Скудин А. С. Правовые меры противодействия экстремизму: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 107.

³ См.: Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. М., 2006. С. 714.

⁴ Козаченко И. Я. Указ. соч. С. 180.

нием или изменением власти, а также воздействием на принятие решений органами власти в интересах экстремистов; 2) мотивы и цели, связанные с ненавистью или враждой к гражданам в зависимости от принадлежности их к определенному полу, расе, национальности, языку, религии, политическим убеждениям, происхождению, должностному или социальному положению, принадлежности к какой-либо иной социальной группе¹. Позиция данного автора нам импонирует, однако вряд ли с ним можно согласиться полностью.

Действительно, размещая исследуемые преступления в главе 29 УК РФ «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства», законодатель стремился установить ответственность за совершение действий, мотивы и цели которых направлены на незаконное присвоение, захват, удержание или изменение власти. Но, учитывая тот факт, что разобщение общества по признаку расовой, национальной или религиозной принадлежности является следствием разрушения демократического правового государства как одной из составляющих основ конституционного строя, представляется целесообразным в законодательной формулировке мотива указать на политическую, идеологическую, расовую, национальную или религиозную ненависть или вражду.

Приведенная Р. М. Узденовым формулировка экстремистских мотивов и целей, является широкой, в частности в первой разновидности мотива словосочетание «воздействие на принятие решений органами власти в интересах экстремистов» представляется неуместным. Ввиду того что указанное действие подпадает под признаки состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 205 УК РФ, мы, несмотря на то, что террористическая деятельность, согласно ст. 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности», является одной из форм экстремистской деятельности, разделяем эти два самостоятельных феномена.

Во второй разновидности мотива использование словосочетания «должностное или социальное положение» характеризует частные случаи, перечисление которых в УК РФ вряд ли целесообразно². Таким образом, полагаем, что содержание экстремистского мотива в действующей редакции является наиболее оптимальным, но нуждается в корректировке с учетом уже высказанных замечаний.

Пленум Верховного Суда РФ, говоря о преступлениях, которые по прямому указанию законодателя содержат экстремистский мотив в качестве конститутивного либо квалифицирующего признака, в постановлении от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» разъяснил, что квалификация по

---

¹ См.: Узденов Р. М. Экстремизм: криминологические и уголовно-правовые проблемы противодействия: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 193.

² См.: Борбат А. В., Муσειбов А. Г. Образ жизни как криминологическая категория // Российский следователь. 2015. № 22. С. 30.

мотивам ненависти исключает возможность одновременной квалификации содеянного по другим пунктам соответствующих статей УК РФ, предусматривающим иной мотив или цель преступления, например из хулиганских побуждений.

Необходимо понимать, что доминирующий мотив выявить непросто. Следует учитывать, в частности, длительность межличностных отношений подсудимого с потерпевшим, информацию, полученную из показаний соучастников, потерпевшего, свидетелей, заключений экспертиз, иных данных, характеризующих действия виновного (материалы фотосъемки, аудио- и видеозаписи совершения преступления; комментарии, записи, высказывания виновного в информационно-телекоммуникационных сетях, содержание его электронных сообщений, наличие у лица различных материальных носителей, характеризующих его приверженность экстремистским взглядам (листовки, татуировки и т. п.)). Помимо вышеуказанных данных необходимо выяснить наличие между субъектом и потерпевшим конфликтов, не связанных с национальными, религиозными, идеологическими, политическими установками, принадлежностью к той или иной расе.

Однако на практике существуют противоположные примеры. В качестве такового профессор П. С. Яни приводит уголовное дело в отношении Ш., П. и В., которые, решив завладеть машиной и имуществом именно нерусского человека, останавливали машины, выбирая ту, где водителем окажется лицо неславянской внешности. В результате они совершили убийство азербайджанца, впоследствии завладев принадлежащим потерпевшему имуществом. Верховный Суд РФ согласился с квалификацией содеянного одновременно и по п. «з», и по п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ¹.

Согласно разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ в подобной ситуации необходимо было выбрать основной мотив. Так, в районный суд г. Владимира по апелляционной жалобе на приговор мирового судьи в отношении С., осужденной по ч. 1 ст. 115 УК РФ, обратился адвокат потерпевшей И. с просьбой переqualифицировать действия С. на п. «б» ч. 2 ст. 115 УК РФ, поскольку свидетели обвинения, заключение специалиста-филолога подтвердили, что С., имея в отношении потерпевшей национальную ненависть, оскорбляла словами, унижающими ее достоинство как уроженки Дагестана. Подсудимая пояснила, что действовала не из-за национальной ненависти, а из-за возникших неприязненных отношений, которые и ранее возникали из-за собаки, а также из-за мест общего пользования в общежитии. Выслушав мнение лиц, участвующих в деле, исследовав материалы дела, суд не нашел основания для изменения или отмены приговора мирового судьи и указал следующее. В обоснование вывода о признании подсудимой С. виновной в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 115 УК РФ, судом правильно произведена оценка доказательств по делу. Конфликт возник на бы-

---

¹ См.: Яни П. С. Квалификация преступлений экстремистской направленности // Российская юстиция. 2011. № 10. С. 12.

товой почве из-за ранее возникших неприязненных отношений. Доказательств, подтверждающих, что у С. был умысел, направленный на причинение легкого вреда здоровью потерпевшей по мотивам национальной или расовой ненависти, стороной обвинения не предоставлено. Между проживающими в общежитии постоянно возникали конфликты на бытовой почве, в ходе которых С. допускала нецензурные выражения, однако указанное обстоятельство не может свидетельствовать о том, что она действовала с умыслом национальной или расовой ненависти¹.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод, что специфика преступлений экстремистской направленности состоит именно в наличии внутреннего побуждения, вызывающего у лица решимость совершить то или иное действие, а именно мотив политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды.

Однако стоит отметить, что анализ следственной практики свидетельствует об ошибках, допускаемых при привлечении к уголовной ответственности за анализируемые преступления, в частности допускаются факты уголовного преследования при отсутствии доказательств наличия у фигурантов умысла на возбуждение ненависти или вражды. Так, следственным отделом по городу Домодедово ГСУ СК России по Московской области по ч. 1 ст. 282 УК РФ возбуждено уголовное дело по факту размещения П. на своей странице в социальной сети «ВКонтакте» информации, содержащей признаки возбуждения ненависти и вражды, а также унижения достоинства группы лиц по признаку отношения к религии. В ходе допроса П. пояснил, что сохранил у себя на странице указанные записи для ознакомления в дальнейшем, умысла на возбуждение вражды и ненависти не имел, прочитать текст не успел. Впоследствии уголовное дело прекращено в связи с отсутствием в его действиях состава преступления.

Постановлением следователя Островского межрайонного следственного отдела СУ СК России по Псковской области прекращено уголовное дело в отношении К. в связи с отсутствием в его действиях состава преступления. Уголовное дело возбуждено по ч. 1 ст. 282 УК РФ по факту размещения на персональной странице К. в социальной сети «ВКонтакте» аудиозаписи, внесенной в федеральный список экстремистских материалов. В ходе предварительного следствия К. пояснил, что разместил на своей странице аудиозапись в числе других песен, чтобы прослушать их в дальнейшем. О том, что песня является экстремистской, не знал, цель возбуждения ненависти и вражды не преследовал.

Приведенные примеры следственной практики разных регионов нашей страны еще раз подчеркивают необходимость детального изучения мотивов и целей преступлений экстремистской направленности, поскольку, как уже

---

¹ Постановление об оставлении приговора мирового судьи без изменения по делу № 10-50/2011. URL: <https://rospravosudie.com/court-oktyabrskij-rajonnyj-sud-g-vladimira-vladimirskaya-oblast-s/act-100872684>.

отмечалось, отсутствие мотива в анализируемых преступлениях исключает привлечение к уголовной ответственности. Сам факт размещения в сети Интернет (как в указанных примерах) изображения, аудио- или видеофайла противоправного характера при отсутствии иных признаков состава преступления не является основанием для привлечения к уголовной ответственности. Необходимо принимать во внимание характер электронного ресурса, с которого была скопирована информация, а также контекст ее использования, вместе с тем рассмотреть вопрос о возможности размещения информации на персональной странице посредством случайного нажатия на кнопки «лайк» и «репост» без намерения ознакомления с ними неограниченного круга лиц.

Следует отметить, что об умысле на возбуждение ненависти или вражды, побуждение к осуществлению экстремистской деятельности при размещении в сети Интернет могут свидетельствовать следующие обстоятельства:

- создание виновным в социальных сетях групп экстремистской направленности и их администрирование;
- личное изготовление видео-, аудиофайла либо изображения;
- неоднократное размещение в свободном доступе комментариев, текстов экстремистского характера;
- сведения о принадлежности к экстремистским сообществам или организациям.

Важно также учитывать возможность ознакомления с размещенной на персональной странице информацией других лиц, а именно наличие подписчиков или друзей, использование сервиса ограниченного доступа к размещаемой информации либо функции запрета просмотра сохраненных материалов в настройках приватности.

Субъект преступления – это один из обязательных элементов состава преступления, содержание которого составляют характеристики, относящиеся к лицу, совершившему общественно опасное деяние и способному в соответствии с уголовным законодательством нести ответственность.

Диспозиция ст. 282 УК РФ в качестве квалифицирующего признака содержит указание на совершение деяния специальным субъектом.

К лицам, использующим свое служебное положение, относятся, в частности:

- лица, постоянно, временно или по специальному полномочию осуществляющие функции представителя власти либо выполняющие организационно-распорядительные, административно-хозяйственные функции в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях, государственных корпорациях, государственных компаниях, государственных и муниципальных унитарных предприятиях, акционерных обществах, контрольный пакет акций которых принадлежит РФ, субъектам РФ или муниципальным образованиям, а также в Вооруженных Силах РФ, других войсках и воинских формированиях РФ;
- государственные или муниципальные служащие, не являющиеся должностными лицами;

– лица, выполняющие управленческие функции в коммерческой или иной организации, а также в некоммерческой организации, не являющейся государственным органом, органом местного самоуправления, государственным или муниципальным учреждением (лицо, выполняющее функции единоличного исполнительного органа, члена совета директоров или иного коллегиального исполнительного органа, а также лицо, постоянно, временно либо по специальному полномочию выполняющее организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в этих организациях).

Использование служебного положения выражается не только в умышленном использовании своих служебных полномочий, но и в оказании влияния, исходя из значимости и авторитета занимаемой должности, на других лиц в целях совершения ими действий, направленных, в частности, на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе¹.

Примером использования лицом своего служебного положения является следующий случай из судебной практики. Б., занимая должность главного редактора издательской группы ООО «И.», зарегистрированной Министерством РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций в качестве средства массовой информации, придерживаясь личных мировоззренческих антисемитских взглядов, основанных на идеологии национальной нетерпимости и вражды к лицам еврейской национальности, а также к представителям, исповедующим религию иудаизма, как проживающим на территории Российской Федерации, так и за ее пределами, с целью вовлечения неограниченного количества лиц в круг своих единомышленников издал и распространил среди розничных торговцев печатной продукцией брошюру, содержание которой соответствует его незаконным агрессивным антисемитским националистическим убеждениям².

При разрешении вопроса о вменении виновному лицу соответствующего признака, в первую очередь подлежит выяснению следующее обстоятельство: использует ли лицо свое служебное положение непосредственно в преступных целях, так как, имея статус служащего, виновный не обязательно совершает преступление с использованием служебного положения. Отсутствие связи между использованием юридических или фактических возможностей по службе и совершением преступления исключает квалификацию с вменением данного квалифицирующего признака. Научный интерес представляет мнение А. В. Рясова, который в качестве объективных критериев, необходимых для признания преступления совершенным с использованием служебного положения, предлагает следующие: служебное положение долж-

---

¹ О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 11.

² Приговор Люблинского районного суда г. Москвы от 8 октября 2012 г. URL: <https://rospravosudie.com>.

но создавать реальную возможность и являться необходимым условием для совершения такого преступления¹.

Как уже отмечалось в 2018 г. (Федеральный закон от 27 декабря 2018 г. № 519-ФЗ), норма, предусмотренная ст. 282 УК РФ, подверглась изменениям. Часть 1 ст. 282 УК РФ была сконструирована по правилам административной преюдиции. На этом факте следует остановиться подробнее, поскольку именно данные изменения (не только в ст. 282 УК РФ) в последнее время вызывают определенные сложности в правоприменительной деятельности.

Так, в нормах с административной преюдицией можно встретить следующие законодательные формулировки при описании субъекта противоправной деятельности:

- «лицо, подвергнутое административному наказанию» (например, ст. 116¹, 151¹, 157, 158¹, 171⁴, 215³, 215⁴, 264¹, 315 УК РФ);
- «если лицо ранее привлекалось к административной ответственности» (например, ст. 212¹, 284¹, 314¹ УК РФ);
- «лицом, после его привлечения к административной ответственности» (например, ст. 282 УК РФ).

Кроме того, уголовный закон предусматривает ответственность лица за совершение преступления с уголовной преюдицией, то есть уже имеющего судимость за совершение конкретного деяния, закрепленного в статье УК РФ (ст. 264¹ УК РФ), а также ответственность лица за совершение преступления со «скрытой преюдицией», то есть за совершение деяния неоднократно, без предварительного привлечения к ответственности (ст. 154 и ст. 180 УК РФ).

Наибольшее распространение все же получила формулировка «лицо, подвергнутое административному наказанию» и «лицо, привлеченное к административной ответственности».

Представляется, что различные законодательные формулировки при описании субъекта противоправных действий в нормах, включающих преюдиционный элемент, осложняют правоприменительную практику в связи с тем, что на правоприменителя ложится обязанность по выяснению признаков специального субъекта.

Так, для уяснения сущности специального субъекта «лицо, подвергнутое административному наказанию» необходимо обратиться к ст. 4.6 КоАП РФ, согласно которой лицо считается подвергнутым административному наказанию со дня вступления в законную силу постановления о назначении административного наказания до истечения одного года со дня окончания исполнения данного постановления.

В связи с этим, решая вопрос о наличии признаков состава преступления, правоприменителю следует выяснить, исполнено ли постановление о назначении лицу административного наказания и дату окончания исполнения ука-

---

¹ См.: *Рясов А. В.* Признак «использование служебного положения» и его уголовно-правовая оценка по уголовному законодательству России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2009. С. 19.

занного постановления, не прекращалось ли его исполнение, не истек ли годичный срок, в течение которого лицо считается подвергнутым административному наказанию, не пересматривались ли постановление о назначении лицу административного наказания и последующие постановления, связанные с его исполнением, в порядке, предусмотренном гл. 30 КоАП РФ.

Таким образом, для того, чтобы повторное административное правонарушение считалось преступлением, оно должно быть совершено не ранее дня вступления в законную силу постановления о назначении административного наказания и не позднее года со дня окончания исполнения данного постановления. Согласно ст. 31.1 КоАП РФ постановление по делу об административном правонарушении вступает в законную силу:

1) после истечения срока, установленного для обжалования постановления по делу об административном правонарушении, если указанное постановление не было обжаловано или опротестовано;

2) после истечения срока, установленного для обжалования решения по жалобе, протесту, если указанное решение не было обжаловано или опротестовано, за исключением случаев если решением отменяется вынесенное постановление;

3) немедленно после вынесения не подлежащего обжалованию решения по жалобе, протесту, за исключением случаев если решением отменяется вынесенное постановление.

Нельзя не учитывать, вступило ли в силу постановление о назначении административного наказания, с чем связывается начало течения срока, в течение которого факт привлечения к административной ответственности сохраняет преюдициальное значение. При этом следует отметить, что начало течения данного срока не должно ставиться в зависимость от обжалования или принесения протеста, но окончательное решение вопроса о виновности лица приостанавливается до рассмотрения жалобы или протеста. В случае отмены постановления признак административной преюдиции, характеризующий субъект преступления, теряет свое значение, что является основанием для прекращения уголовного преследования.

Кроме того, отсутствие законодательно закрепленного определения «лицо, привлеченное к административной ответственности» породило неоднозначность и огромное количество мнений по поводу его толкования. Если толковать буквально, то, как было указано ранее, один год подверженности административному наказанию лица начинает течь в момент, когда лицо прекратило правоотношения, связанные с административным наказанием, тогда как относительно норм, где субъектом выступает лицо после его привлечения к административной ответственности, этот момент должен быть перенесен на более раннюю стадию, то есть стадию привлечения к ответственности, а не назначения наказания.

Исходя из этого, лицо, в отношении которого возбуждено дело об административном правонарушении, является лицом, привлеченным к админист-

ративной ответственности. Соответственно, лицо должно осознавать факт привлеченности к административной ответственности с момента получения постановления о привлечении к такой ответственности. Кроме того, следует учитывать сроки давности привлечения к административной ответственности (ст. 4.5 КоАП РФ).

Надо сказать, что этот вопрос в юридической литературе, а также в правоприменительной практике, не нашел однозначного решения.

Так, по мнению Э. Л. Сидоренко, решение этого вопроса напрямую связано с оценкой охранительных административных отношений. Согласно положению КоАП РФ правонарушитель приобретает статус лица, привлекаемого к административной ответственности, с момента составления протокола об административном правонарушении. Но юридическим основанием для его привлечения к административной ответственности является не протокол, а постановление по делу об административном правонарушении. Вынесение соответствующего постановления является первоначальным этапом реализации административного наказания¹. А заключительным этапом рассмотрения дела об административном правонарушении является, как правило, назначение административного наказания. Что говорит о том, что начальные и конечные сроки в рассматриваемых законодательных формулировках при определении сущности специального субъекта в нормах с административной преюдицией совпадают.

Соответственно, представляется целесообразным в каждой статье с административной преюдицией единообразно формулировать признак специального субъекта и обозначать его как лицо, подвергнутое административному наказанию.

Данная формулировка позволит правоприменителям избежать путаницы, поскольку настоящее время в приговорах судов субъект преступления определяется различным образом. Так, суды при рассмотрении дела по существу, учитывая ранее совершенное лицом административное правонарушение, в приговорах указывают: «...будучи привлеченным к административной ответственности...»², «...будучи подвергнутым административному наказанию за совершение правонарушения...»³.

Указанные обстоятельства свидетельствуют о том, что лицо до привлечения к уголовной ответственности за совершение преступления должно иметь определенный статус, и при совершении аналогичного (тождественного) деяния повторно оно будет подлежать уголовной ответственности.

---

¹ См.: Сидоренко Э. Л. Особенности квалификации преступлений преюдиционального характера // Общество и право. 2016. № 1 (55). С. 61.

² Приговор Керченского городского суда от 23 октября 2017 г. по уголовному делу № 1-454/2017. URL: <https://sudrf.ru>.

³ Приговор Волжского городского суда Волгоградской области от 7 июня 2019 г. по уголовному делу № 1-716/2019. URL: <https://sudrf.ru>.

Кроме того, в науке уголовного права относительно формулировок субъекта преступлений с административной преюдицией также существуют различные точки зрения.

Однако законодателю следует устранить непоследовательность в нормативном определении субъекта преступлений с административной преюдицией и единообразно использовать в качестве субъекта преступления лицо, подвергнутое административному наказанию.

Установление уголовной ответственности за неоднократное общественно вредное поведение обоснованно и справедливо, так как несколько вредных для общества деяний могут перерасти в общественно опасное деяние, преследуемое в установленном уголовным законом порядке. В связи с чем уголовная ответственность, которую законодатель предусмотрел для лица, неоднократно нарушающего отношения, охраняемые государством, представляется адекватной мерой.

Проанализировав особенности субъективных признаков составов преступлений, предусмотренных ст. 280¹, 282–282³ УК РФ, можно сделать следующие выводы.

Специфика преступлений экстремистской направленности состоит именно в наличии внутреннего побуждения, вызывающего у лица решимость совершить то или иное действие, а именно мотив политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды.

Признаки, лежащие в основе экстремистского мотива, должны характеризовать неотъемлемые свойства человека или его мировоззрение, которые могут повлиять на основы конституционного строя. Включение признака «социальная группа» в содержание экстремистского мотива представляется излишним, так как он не отвечает названным условиям и полностью поглощается иными признаками, включенными в характеристику. Кроме того, отсутствие единообразного толкования и применения приводит к ошибкам при квалификации общественно опасных деяний.

Таким образом, нами предлагается при определении мотива преступлений экстремистской направленности, указание на который имеется в п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ, в соответствующих статьях Особенной части УК РФ, а также в определении преступлений экстремистской направленности в ч. 2 примечания к ст. 282¹ УК РФ исключить указание на социальную группу, так как посягательства, обусловленные признаками социальной группы, не влияют на неизбывность основ конституционного строя и безопасности государства.

ГЛАВА 3. ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ И НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ, ПОСЯГАЮЩИЕ НА ОСНОВЫ КОНСТИТУЦИОННОГО СТРОЯ И БЕЗОПАСНОСТЬ ГОСУДАРСТВА

Преступное поведение, характеризующееся определенными объективными и субъективными признаками, зачастую сопровождается возникновением обстоятельств, которые по-разному влияют на уголовно-правовую оценку содеянного. В связи с этим считаем целесообразным рассмотрение вопросов применения норм, предусматривающих уголовную ответственность за совершение преступлений экстремистской направленности, в сочетании с составами других преступлений, совершением которых они могут сопровождаться.

Процесс квалификации преступления предполагает обязательный вывод – указание на статью УК РФ, которая точно соответствует признакам совершенного деяния, и закрепление ее в процессуальном акте. Правильная квалификация уголовно-правовых деяний обеспечивает соблюдение принципов законности, вины, справедливости и гуманизма.

Верная квалификация преступлений, в том числе экстремистской направленности, имеет важное юридическое значение, поскольку она:

- позволяет отграничить уголовно наказуемое деяние от иных правонарушений;
- является важной предпосылкой назначения законного и справедливого наказания, так как неправильная квалификация может повлечь назначение наказания по статье УК РФ с более строгой или менее строгой санкцией;
- служит основанием дифференциации условий отбывания наказания в виде лишения свободы в зависимости от категории совершенного преступления;
- влияет на вопросы, связанные с условно-досрочным освобождением от отбывания наказания, заменой наказания более мягким, истечением сроков давности, возможностью освобождения от уголовной ответственности, применением или неприменением амнистии;
- является предпосылкой правильного применения многих уголовно-процессуальных положений (о подсудности, подсудности, процессуальных сроках, видах мер пресечения и т. д.)¹.

Выяснение вопросов, связанных с квалификацией исследуемых видов преступных деяний по совокупности с другими составами преступлений, а также с их разграничением со смежными составами преступлений, является необходимым условием для правильной уголовно-правовой оценки совершаемых общественно опасных деяний.

---

¹ См.: *Рарог А. И.* Настольная книга судьи по квалификации преступлений. М., 2006. С. 12–13.

Следует напомнить, что, согласно примечанию 2 к ст. 282¹ УК РФ, к преступлениям экстремистской направленности относятся преступления, совершенные по мотиву политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, предусмотренные соответствующими статьями Особенной части УК РФ и п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ. Однако в рамках данного исследования речь идет, прежде всего, о составах преступлений, закрепленных в главе 29 УК РФ и предусмотренных ст. 280 УК РФ «Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности»; ст. 280¹ УК РФ «Публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации»; ст. 282 УК РФ «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства»; ст. 282¹ УК РФ «Организация экстремистского сообщества»; ст. 282² УК РФ «Организация деятельности экстремистской организации»; ст. 282³ УК РФ «Финансирование экстремистской деятельности».

Разграничение преступлений можно определить как выбор одного из нескольких составов преступлений в процессе квалификации. В правоприменительной деятельности нередко приходится решать вопрос о разграничении публичных призывов к осуществлению экстремистской деятельности от иных составов преступлений, устанавливающих ответственность за публичные призывы, в частности от ст. 205² УК РФ «Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма» и ст. 354 УК РФ «Публичные призывы к развязыванию агрессивной войны».

Объективная сторона состава преступления, предусмотренного ст. 280 УК РФ, характеризуется совершением публичных призывов к осуществлению экстремистской деятельности, которая, как уже отмечалось, в ст. 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности»¹ понимается как насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации; *публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность*; возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни; пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека, а также нарушение его прав, свобод и законных интересов в зависимости от его национальной, социальной, расовой, языковой или религиозной принадлежности; воспрепятствование осуществлению гражданами их избирательных прав и права на участие в референдуме или нарушение тайны голосования, а также воспрепятствование законной деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, общественных, религиозных объединений и иных организаций, соединенные с насилием либо угрозой его применения; совер-

---

¹ О противодействии экстремистской деятельности: Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ.

шение преступлений по мотивам, указанным в п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ; пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходных с таковой до степени смешения, либо публичное демонстрирование атрибутики или символики экстремистских организаций, публичные призывы к осуществлению указанных деяний либо массовое распространение заведомо экстремистских материалов, а равно их изготовление или хранение в этих целях; публичное заведомо ложное обвинение лица, замещающего государственную должность РФ или государственную должность субъекта РФ, в совершении им в период исполнения своих должностных обязанностей деяний, указанных в настоящей статье и являющихся преступлением; организация и подготовка указанных деяний, а также подстрекательство к их осуществлению; финансирование либо иное содействие в их организации, подготовке и осуществлении.

Как уже отмечалось, размытые формулировки форм проявлений экстремистской деятельности приводят к дублированию объективной стороны различных самостоятельных уголовно наказуемых деяний. В частности, одним из способов совершения публичных призывов к осуществлению экстремистской деятельности являются публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность, ответственность за призывы к которой предусмотрена ст. 205² УК РФ. В данном случае возникает конкуренция общей и специальной нормы. Общая норма (ст. 280 УК РФ) представляет понятие обобщающего характера, включающее в себя множество случаев. А специальная норма (ст. 205² УК РФ) представляет собой всего лишь один из таких случаев. Согласно ч. 3 ст. 17 УК РФ, если преступление предусмотрено общей и специальной нормой, совокупность преступлений отсутствует и уголовная ответственность наступает по специальной норме. В целях разрешения проблем квалификации верным законодательным решением представляется исключение из ст. 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» формулировки «публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность» ввиду того, что экстремизм и терроризм являются самостоятельными негативными социальными феноменами.

Еще один состав преступления, который предусматривает уголовную ответственность за публичные призывы, – это состав преступления, предусмотренный ст. 354 УК РФ «Публичные призывы к развязыванию агрессивной войны». Комментируемый состав преступления не вызывает сложностей при квалификации, так как, согласно ст. 1 вышеупомянутого Закона, призывы к агрессивной войне не являются одной из форм экстремистской деятельности. Следовательно, такие призывы просто не могут охватываться объективной стороной преступления, предусмотренного ст. 280 УК РФ. Таким образом, при разграничении преступлений, предусмотренных ст. 280 и 354 УК РФ, следует руководствоваться фактическим содержанием призывов.

Еще одной проблемой, которую приходится решать следственным и судебным органам, является отграничение подстрекательства, в частности к

убийству или к преступлениям против здоровья по экстремистскому мотиву, от преступления, предусмотренного ст. 280 УК РФ.

Разграничивая данный состав преступления от подстрекательства к насильственному преступлению экстремистской направленности, нужно иметь в виду следующее. Согласно ч. 4 ст. 33 УК РФ подстрекателем признается лицо, склонившее другое лицо к совершению преступления путем уговора, подкупа, угрозы или другим способом. Подстрекатель всегда обращается к определенному лицу. Иными словами, склонение к совершению преступления является «адресным» действием. Следовательно, главное отличие призывов от подстрекательства заключается в том, что они носят общий характер, в них нет конкретного содержания о месте, времени и способе совершения преступления¹, они обращены к неопределенному кругу лиц, не связаны с воздействием на определенное лицо с целью склонения его к совершению каких-либо подготовительных действий. Поэтому, если под воздействием таких призывов и была осуществлена экстремистская деятельность, то ответственность несет лицо, непосредственно ее совершившее. Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности носят обобщенный, абстрактный характер. Они проявляются в выражении общих идей, взглядов, установок о необходимости и полезности осуществления такой деятельности в общем, в плане создания идейной атмосферы по ее оправданию. Подстрекательство же как форма соучастия заключается в склонении к конкретному преступлению.

Таким образом, если виновный уговаривает определенное лицо совершить, например, убийство конкретного потерпевшего, вызывая у него чувство ненависти по причине национальной принадлежности последнего, и тот, руководствуясь этим мотивом, совершает указанное преступление, то содеянное квалифицируется только по ч. 4 ст. 33, п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

При появлении в УК РФ ст. 280¹ «Публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации» еще более усложнился процесс правоприменения в связи с необходимостью разрешения конкуренции вновь введенной статьи и уже действующих.

В Особенной части УК РФ уже были статьи, обеспечивающие охрану территориальной целостности России. Так, ответственность за приобретение территории путем угрозы силой или путем ее применения установлена в ст. 353 УК РФ «Планирование, подготовка и развязывание агрессивной войны» и в ст. 354 УК РФ «Публичные призывы к развязыванию агрессивной войны». Ответственность за нарушение неприкосновенности государственной границы определена в ст. 323 УК РФ «Противоправное изменение Государственной границы Российской Федерации». Ответственность за сепара-

---

¹ См.: Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / отв. ред. А. И. Рапог. М., 2014. С. 359.

тизм, инспирирование и поддержку сепаратистских движений предусмотрена в ст. 279 УК РФ «Вооруженный мятеж». Статья 280 УК РФ предусматривает ответственность за публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности. Необходимо напомнить, что, исходя из положений ст. 1 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», деятельность, направленная на нарушение целостности территории РФ, признается одной из форм экстремизма. Ввиду этого деяние, за которое установлена ответственность в ст. 280¹ УК РФ, охватывалось ст. 280 УК РФ в действующей редакции. Более того, предусмотренное ч. 1 ст. 280 УК РФ максимальное наказание в виде штрафа (до трехсот тысяч рублей), а также в виде лишения свободы (до четырех лет) соответствует размерам и срокам наказания, указанным в санкции ст. 280¹ УК РФ.

На основании изложенного можно сделать вывод относительно необходимости формулирования в уголовном законе специального состава преступления, посягающего на отношения в сфере территориальной целостности Российской Федерации. Введение специальных уголовно-правовых норм, содержащих составы преступлений, полностью охватываемые общими нормами, и санкции, аналогичные тем, что имеет общая норма, видится нецелесообразным. Фактически такие изменения перегружают уголовный закон, делая его содержание более казуистическим. Кроме того, усложняется и процесс правоприменения необходимостью решения дополнительной задачи по разрешению конкуренции уголовно-правовых норм.

Публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации, содержащиеся в ст. 280¹ УК РФ, следует отличать от действий, направленных на насильственное изменение конституционного строя (ст. 278 УК РФ) и от вооруженного мятежа (ст. 279 УК РФ). В качестве одной из целей вооруженного мятежа в диспозиции соответствующей нормы названо нарушение территориальной целостности Российской Федерации. При публичных призывах лицо ограничивается лишь фактом инициативного обращения к другим лицам в целях возбудить у них желание совершить действия, направленные на нарушение территориальной целостности РФ, но иных деяний, фактически направленных на ее нарушение, оно не совершает.

Если в ходе совершения преступлений, ответственность за которые предусмотрена ст. 278 и 279 УК РФ, лицо призывает к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации, то имеет место конкуренция норм, а именно части и целого. Согласно общему правилу квалификации, которым руководствуются при данном виде конкуренции, применяется та норма, которая с наибольшей полнотой охватывает все фактические признаки совершенного деяния, т. е. содеянное в таких случаях квалифицируется только по ст. 278 или ст. 279 УК РФ без совокупности со ст. 280¹ УК РФ.

Возможен и другой вид конкуренции – общей и специальной норм: согласно ст. 1 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» деятельность, направленная на нарушение целостности территории Российской Федерации, отнесена к экстремизму. Поэтому лицо, призывающее к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации, тем самым призывает к осуществлению экстремистской деятельности. Ответственность за последнее деяние закреплена в ст. 280 УК РФ. В данной ситуации применяется правило, установленное в ч. 3 ст. 17 УК РФ, и содеянное квалифицируется только по ст. 280¹ УК РФ.

В случае если публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации, сопряжены с фактическим изъятием, перемещением или уничтожением пограничных знаков в целях противоправного изменения Государственной границы Российской Федерации, то содеянное дополнительно квалифицируется по совокупности преступлений по ст. 323 УК РФ.

На практике зачастую представляет сложность разграничение преступлений, предусмотренных ст. 136 УК РФ «Нарушение равенства прав и свобод человека и гражданина» и ст. 282 УК РФ «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства». Ввиду того, что унижение человеческого достоинства происходит в результате ущемленности прав и законных интересов потерпевшего, дискриминация порождает ситуацию, при которой потерпевший не может на практике реализовать свои законные права и возможности.

Во-первых, необходимо определить содержание действий, закрепленных в диспозиции статей. Так, возбуждение ненависти или вражды – это осуществляемые публично попытки создать атмосферу нетерпимости между различными группами людей, столкнуть их, заставить негативно относиться друг к другу, а как унижение расцениваются действия, которые могут вызвать чувство сильного душевного волнения, ущемленности прав и законных интересов потерпевшего, грубое и осознанное нарушение его внутренних духовных устоев. Дискриминация же выражается в действиях, направленных на создание условий, при которых потерпевший не может на практике реализовать свои законные права и возможности, гарантированные законом¹.

Различие анализируемых составов преступлений заключается в том, что закон не конкретизирует действия, характеризующие объективную сторону состава преступления, предусмотренного ст. 282 УК РФ, а указывает лишь на их направленность на возбуждение ненависти либо вражды или на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности

---

¹ См., напр.: *Леньшин Д. И.* Преступления экстремистской направленности по уголовному праву Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 128.

к какой-либо социальной группе. Объективную сторону состава преступления, предусмотренного ст. 136 УК РФ, составляют действия (бездействие), выраженные в дискриминации прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям или каким-либо социальным группам. Формы нарушений могут быть, так же как и в предыдущей статье, разнообразны, однако, в отличие от возбуждения ненависти или вражды, эти формы всегда связаны с воспрепятствованием реализации имеющегося у человека законного права.

Следующим составом преступления, от которого необходимо отграничивать «возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства», является террористический акт (ст. 205 УК РФ). Во-первых, данные составы преступлений необходимо разграничить по объекту. Основным непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 282 УК РФ, выступает совокупность общественных отношений, обеспечивающих стабильность основ конституционного строя и безопасность государства, ст. 205 УК РФ – общественные отношения, обеспечивающие общественную безопасность. К основным объектам безопасности относятся: личность – ее права и свободы; общество – его материальные и духовные ценности; *государство – его конституционный строй, суверенитет и территориальная целостность*. Дополнительным объектом являются жизнь человека, отношения собственности, отношения, обеспечивающие нормальное функционирование органов власти государственных, общественных учреждений, иных социальных институтов¹. Вопросы соотношения преступлений против основ конституционного строя и против общественной безопасности подробно были рассмотрены ранее.

Во-вторых, анализируемые составы преступлений различаются по цели. Преступление, предусмотренное ст. 282 УК РФ, совершается с целью возбуждения политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной вражды либо унижения человеческого достоинства, целью террористического акта служит дестабилизация деятельности органов власти или международных организаций либо воздействие на принятие ими решений, а также угроза совершения указанных действий в тех же целях. В случае, когда перечисленные в ст. 282 УК РФ цели достигаются путем совершения акта терроризма, содеянное следует квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 205 и ст. 282 УК РФ.

Также деяния, предусмотренные ст. 282 УК РФ, необходимо различать с деяниями, запрещенными ст. 128¹ УК РФ «Клевета». Под действиями, направленными на унижение человеческого достоинства, помимо высказыва-

---

¹ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В. М. Лебедев. М., 2012. С. 710.

ний, обосновывающих необходимость геноцида, массовых репрессий, депортаций, следует понимать и распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию. Но в этом случае направленность действий на унижение достоинства представителя определенной социальной общности определяется именно принадлежностью к данной группе, а не личностью потерпевшего. Содержащаяся в комментируемой статье норма направлена на охрану общественных отношений, гарантирующих признание и уважение достоинства личности независимо от каких-либо физических или социальных признаков, и устанавливает уголовную ответственность не за любые действия, а только за те, которые совершаются с умыслом, направленным на возбуждение ненависти или вражды. Клевета в отношении представителя определенной расы, религии и национальности, унижающая его национальное достоинство, в отличие от преступления, предусмотренного ст. 282 УК РФ, не преследует цель возбуждения национальной, расовой или религиозной вражды. Объектом состава преступления, предусмотренного ст. 128¹ УК РФ, являются права человека и гражданина, а именно честь и достоинство. Объектом преступления, предусмотренного ст. 282 УК РФ, выступают общественные отношения, обеспечивающие реализацию основ конституционного строя и безопасность государства. Отличие преступления, предусмотренного в ст. 282 УК РФ, от клеветы состоит также в том, что унижение достоинства человека совершается всегда публично или с использованием средств массовой информации не по личным мотивам, а по мотивам национальной, расовой, религиозной и т. п. неприязни, не предполагает обязательной неприличной формы.

Определенные трудности в судебной практике возникают при юридической оценке экстремистского убийства. В теоретических источниках, посвященных исследованию п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ, в большинстве своем широко толкуют указанную уголовно-правовую норму.

Так, коллектив авторов монографии «Убийство: уголовно-правовая и криминологическая характеристика» считает, что для квалификации по п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ «установление факта возбуждения политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды, а также ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы при убийстве является обязательным»¹. Т. В. Кондрашова к данному уголовно наказуемому деянию причисляет следующие разновидности убийства: 1) убийство с целью спровоцировать вражду; 2) убийство из ненависти к лицам, принадлежащим к другой расе, нации, конфессии; 3) убийство по мотиву мести за вероотступничество или нежелание примкнуть к какой-либо конфессии².

---

¹ Убийство: уголовно-правовая и криминологическая характеристика: монография / М. В. Архипова и др. Иркутск, 2008. С. 90.

² См.: Кондрашова Т. В. Проблемы уголовной ответственности за преступления против жизни, здоровья, половой свободы и половой неприкосновенности. Екатеринбург, 2000. С. 127.

Представляется, что убийство с целью возбуждения указанной в законе ненависти или вражды находится за рамками данного состава преступления. Пункт «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ характеризуется наличием мотива ненависти или вражды, но не одноименной целью.

Безусловно, экстремистски мотивированное лишение жизни лица, имеющего расовые, национальные и иные социально значимые признаки, может преследовать цель спровоцировать межгрупповой конфликт, разжечь в других чувство ненависти и рознь, однако в этом случае следует говорить не о разновидности убийства, ответственность за которое установлена в п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ, а о совокупности этого преступления с деянием, предусмотренным ст. 282 УК РФ «Возбуждение ненависти или вражды, а равно унижение человеческого достоинства». Указанные авторы смешивают в данном случае мотивы и цель, а это не одно и то же. Стоит согласиться с С. В. Борисовым, заметившим, что мотивами преступлений экстремистской направленности выступает соответствующая ненависть или вражда, однако данные побуждения вовсе не означают, что в психике виновного одновременно наличествует цель возбуждения этой ненависти либо вражды в других людях¹. Цель – это самостоятельный признак субъективной стороны преступления, и его оценка не может быть произведена в рамках данного вида убийства.

В этом смысле в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности»² совершенно справедливо указано на то, что, в отличие от предусмотренных главой 16 УК РФ насильственных преступлений против жизни и здоровья, совершаемых по мотивам ненависти или вражды, насилие, применяемое при совершении преступления, предусмотренного ст. 282 УК РФ, не только является выражением ненависти в отношении конкретного потерпевшего, но и направлено на достижение специальной цели – возбуждение ненависти или вражды в других людях.

С учетом изложенного ошибочным представляется мнение тех исследователей, которые применительно к рассматриваемой ситуации говорят о конкуренции норм, содержащихся в п. «л» ч. 2 ст. 105 и ст. 282 УК РФ, и предлагают в случае совершения единичного преступления все содеянное квалифицировать по п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Здесь речь идет о разных преступлениях, посягающих на различные основные объекты, соответственно, и квалификация содеянного должна производиться по двум указанным статьям УК РФ.

При квалификации убийства, совершенного по мотиву религиозной ненависти (п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ), возникает необходимость в отграничении

---

¹ См.: *Борисов С. В.* Уголовная ответственность за преступления экстремистской направленности. М., 2009. С. 135.

² О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 11.

его от убийства, обусловленного другим религиозным мотивом. В юридической литературе можно встретить утверждение о том, что так называемые ритуальные убийства подпадают под признаки п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ¹. Мы не можем согласиться с таким подходом по следующим основаниям.

Несомненно, мотив религиозной ненависти – это разновидность религиозного мотива. Вместе с тем этот факт не свидетельствует о тождестве указанных понятий. Ритуальное убийство – это преступление на религиозной почве. Однако в его основе лежит не религиозная ненависть, т. е. стойкая неприязнь к лицам, принадлежащим к другой религиозной конфессии, другим религиозным течениям или атеистам, а стремление исполнить религиозный обряд, ритуал. Подобные общественно опасные посягательства представляют собой проявления религиозного фанатизма, но не имеют отношения к преступлениям экстремистской направленности. Их следует квалифицировать по ч. 1 ст. 105 УК РФ (при отсутствииотячающих обстоятельств).

В правоприменительной практике достаточно часто приходится решать вопрос об отграничении преступления, предусмотренного ст. 282¹ УК РФ «Организация экстремистского сообщества», от преступления, указанного в ст. 210 УК РФ «Организация преступного сообщества (преступной организации)». Однако, как уже ранее отмечалось, экстремистское сообщество отличается от преступного, поскольку представляет собой искусственно созданный законодателем вид соучастия (объединение лиц, созданное для подготовки или совершения преступлений экстремистской направленности). Несмотря на использование законодателем термина «сообщество», следует помнить, что в предложенном определении отсутствуют основные признаки, содержащиеся в ч. 4 ст. 35 УК РФ и ч. 1 ст. 210 УК РФ. Преступное сообщество отличают от организованной группы более сложная внутренняя структура; превосходящая организованную группу численность, а также направленность на совершение тяжких или особо тяжких преступлений для получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды. Экстремистское же сообщество создается для совершения преступлений, относящихся к различным категориям по характеру и степени их общественной опасности (от преступлений небольшой тяжести до особо тяжких преступлений). Однако, согласно санкции, степень общественной опасности экстремистского сообщества гораздо ниже преступного. В свою очередь, при квалификации таких резонансных преступлений необходимо отражение направленности действий виновных против основ конституционного строя, поскольку они нарушают конституционные запреты на осуществление экстремистской деятельности.

Необходимо отметить, что присутствие среди жертв преступного сообщества людей другой национальности, вероисповедания, языка, политических

---

¹ См.: Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / под ред. А. И. Рапога. М., 2008. С. 295.

взглядов еще не может свидетельствовать о том, что оно создано для совершения преступлений экстремистской направленности. Для квалификации по ст. 282¹ УК РФ, как представляется, нужно обратить внимание на такие признаки, как наличие внутренней экстремистской идеологии среди членов общества, способы совершения преступления (например, произнесение экстремистских лозунгов), наличие объединяющей символики, униформы и т. п.¹

Интересным и значимым для правоприменительной практики является вопрос отграничения ст. 282¹ и ст. 208 УК РФ. Статья 208 УК РФ предусматривает ответственность за организацию незаконного вооруженного формирования или участие в нем. Под незаконным вооруженным формированием понимается объединение, отряд, дружина, иная группа, не предусмотренные федеральным законодательством.

В Российской Федерации разрешены только такие объединения вооруженных людей, которые созданы на основании и в целях реализации положений федерального законодательства, а именно федеральными законами «Об обороне»², «О федеральной службе безопасности»³, «О полиции»⁴, «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации»⁵ и т. д. Согласно ст. 9 ФЗ «Об обороне» создание и существование формирований, имеющих военную организацию или вооружение и военную технику либо в которых предусматривается прохождение военной службы, не предусмотренных федеральными законами, запрещаются и преследуются по закону. В свою очередь, ст. 208 УК РФ изначально и создана для того, чтобы указанные объединения запретить. Однако изучение сложившейся судебной практики позволяет заключить, что в большей части случаев по ст. 208 УК РФ привлекаются представители различных террористических или экстремистских обществ (хотя должны привлекаться по ст. 205.4, 282¹ УК РФ).

Статья 208 УК РФ запрещает любое объединение, близкое по своим параметрам к вооруженной организации, которое готово и способно в любой момент выполнить тактическую и боевую операцию. Примером верной квалификации может служить приговор Верховного суда республики Дагестан, по материалам которого К. участвовал на территории иностранного государства в вооруженном формировании, не предусмотренном законодательством данного государства, в целях, противоречащих интересам Российской Федерации, при следующих обстоятельствах. К., являясь гражданином Российской Федерации и сторонником радикальных исламистских взглядов, имея пре-

---

¹ См.: *Леньшин Д. И.* Проблемы отграничения преступлений экстремистской направленности от смежных уголовно-правовых составов // *Полицейская деятельность.* 2011. № 3. С. 31.

² Об обороне: Федеральный закон от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ.

³ О федеральной службе безопасности: Федеральный закон от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ.

⁴ О полиции: Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ.

⁵ О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации: закон РФ от 11 марта 1992 г. № 2487-1.

ступный умысел на участие на территории Сирийской Арабской Республики (САР) в боевых действиях против правительственных сил в составе вооруженного формирования, не предусмотренного законодательством данного государства, используя заведомо подложный документ, незаконно пересек государственную границу Российской Федерации и убыл в Турецкую Республику. В конце ноября – начале декабря 2013 года К. пересек турецко-сирийскую границу, после чего прибыл в населенный пункт провинции Алеппо Сирийской Арабской Республики, где по собственной инициативе вступил в незаконное вооруженное формирование под названием «Джамаат Абу Ханифа». Указанное вооруженное формирование имело военную организацию, а на вооружении своих участников – различные виды огнестрельного и иного оружия, боеприпасы, средства связи, маскировки и транспорта, и вместе с тем было образовано в нарушение законодательства Сирийской Арабской Республики, а именно ст. 1–15 Закона САР от 28 июня 2012 г. № 19 и ст. 301–306 Всеобщего закона САР об уголовных наказаниях, предусматривающих уголовную ответственность за организацию любого объединения либо участие в таком объединении, созданном с целью изменения экономических или социальных устоев государства, общественных норм посредством террористических актов, в связи с чем деятельность указанного НВФ противоречит интересам Российской Федерации в политико-дипломатическом урегулировании региональных конфликтов на основе коллективных действий международного сообщества. При этом К. был осведомлен о наличии у участников данного НВФ огнестрельного оружия и боеприпасов, допускал возможность их применения против подразделений правительственных сил САР, поддерживал цели создания и деятельности данного вооруженного формирования в конфликте на территории САР, которые заключаются в создании в этой стране плацдарма международного терроризма, что повлечет негативные долгосрочные последствия для национальных интересов Российской Федерации. В тот же период времени К., находясь в провинции Алеппо САР в составе НВФ «Джамаат Абу Ханифа» и имея на вооружении огнестрельное оружие и боеприпасы, совместно с иными неустановленными лицами из числа граждан Российской Федерации и иностранных государств исполнял функциональные обязанности по обеспечению деятельности данного подразделения, совершенствовал свою боевую и физическую подготовку, а также принимал непосредственное участие в охране территории, подконтрольной участникам НВФ. Действия К. были квалифицированы по ч. 2 ст. 208 УК РФ¹. В приведенном примере действия виновного лица оценены абсолютно правильно. Однако, как уже отмечалось, такая юридическая оценка – скорее исключение из правил в современной судебной практике.

---

¹ Приговор Верховного суда республики Дагестан от 17 апреля 2018 г. по делу № 2-19/2018. URL: <https://sudakt.ru>.

Возникает вопрос: почему правоприменитель неверно трактует содержание названной статьи?

Исторически ст. 208 УК РФ берет свое начало еще в УК РСФСР, в который в 1995 году была внесена норма, предусматривающая ответственность за создание, руководство, участие в незаконном вооруженном формировании (это было связано с ситуацией чеченской компании). В советское уголовное законодательство данную норму включили, поскольку не могли доказать устойчивость, структурированность и цель у тех преступных объединений, которые осуществляли свою деятельность на территории Северокавказского федерального округа.

В УК РФ статья осталась, запрещались незаконные вооруженные формирования, которые преследуют различные цели, *кроме преступных*, то есть запрещались частная охрана физических лиц, охрана общественного порядка и т. д. На том этапе правоприменителю было понятно, для чего создана статья и какие объединения запрещает. Но Верховный Суд РФ изменил эту позицию, чем создал сложности для правоприменителя, указав в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 9 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности», что незаконное вооруженное формирование создается для определенных целей (например, для совершения террористических актов, насильственного изменения основ конституционного строя или нарушения целостности). Действительно, в рамках, например, чеченской кампании для осуществления этих целей создавались незаконные вооруженные формирования. Но ведь сейчас есть ст. 205⁴, 205⁵, 282¹, 282² УК РФ, которые предусматривают различные объединения, целями которых является осуществление террористической или экстремистской деятельности. И ст. 208 УК РФ должна была остаться самобытной, без какой-либо террористической или экстремистской «окраски». Искусственность отнесения в рамках уголовного права преступления, предусмотренного ст. 208 УК РФ, к террористической либо экстремистской деятельности порождает проблемы квалификации. В целях устранения выявленных недостатков предлагается исключить из постановления Пленума Верховного Суда РФ указание на цель создания незаконного вооруженного формирования. Поскольку, как уже отмечалось, по смыслу ст. 208 УК РФ для незаконного вооруженного формирования не характерна цель, предполагающая совершение преступлений (тем более преступлений террористического характера или экстремистской направленности). Кроме того, стоит отметить, что о незаконном вооруженном формировании можно говорить, когда речь идет о прохождении специальной военной подготовки в военных лагерях, дежурствах по охране лагеря, на время которого незаконно выдаются оружие и боеприпасы к нему, однако, если данные действия осуществляются в рамках прохождения обучения осуществлению террористической деятельности, ответственность будет наступать по ст. 205³

УК РФ «Прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности».

Как уже отмечалось, ст. 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» помимо уголовно наказуемых форм включает и действия, содержащие признаки административного правонарушения (ст. 20.3 КоАП РФ «Пропаганда либо публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, экстремистских организаций, либо иных атрибутики или символики, пропаганда или публичное демонстрирование которых запрещены», ст. 20.29 КоАП РФ «Производство и распространение экстремистских материалов»¹).

В связи с этим в правоприменительной деятельности возникают ситуации, для решения которых необходимо разграничить преступление, предусмотренное ст. 282 УК РФ «Организация деятельности экстремистской организации», и административное правонарушение, предусмотренное ст. 20.28 КоАП РФ «Организация деятельности общественного или религиозного объединения, в отношении которого принято решение о приостановлении его деятельности». Необходимо учитывать, что организация деятельности и участие в деятельности общественного или религиозного объединения, в отношении которого действует имеющее законную силу решение о приостановлении его деятельности, влекут административную ответственность, а совершение указанных действий при наличии вступившего в законную силу решения о ликвидации или запрете деятельности экстремистской организации влечет уголовную ответственность².

После введения в УК РФ ст. 282³ «Финансирование экстремистской деятельности» в правоприменительной практике возникают сложности квалификации, если имеет место самофинансирование деятельности экстремистского сообщества или экстремистской организации.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» разъясняет, что участие в экстремистском сообществе может выражаться и в его финансировании, т. е. члены экстремистского сообщества или экстремистской организации могут сами принимать меры по финансированию своей деятельности (экстремистской). Так, в 2013 г. были задержаны участники международной экстремистской организации «Ат Такфир Валь Хиджра», деятельность которой запрещена решением Верховного Суда РФ. Ее участники занимались вербовкой лиц в радикальный ислам на территории г. Москвы. Один из задержанных участников Н. обучался исламу в арабских странах в течение продолжительного времени. Прибыв в Москву совместно с

---

¹ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ.

² О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 11.

группой лиц, Н. создал сообщество из 15 человек. Участники данного сообщества были причастны к ряду краж, грабежей, разбоев и других общеуголовных преступлений, в том числе распространению наркотических средств, «доход» от которых шел на финансирование деятельности экстремистской организации¹. В этом случае, с учетом приведенных разъяснений Пленума Верховного Суда РФ, финансирование экстремистской деятельности экстремистского сообщества или экстремистской организации охватывается деяниями, запрещенными ст. 282¹, 282² УК РФ. Такое разъяснение Пленума Верховного Суда РФ было до введения ст. 282³ УК РФ. В связи с появлением в УК РФ самостоятельного состава преступления, предусматривающего финансирование экстремистской деятельности, логично предположить, что подобная ситуация требует квалификации по совокупности.

Преступное поведение, характеризующееся определенными объективными и субъективными признаками, зачастую сопровождается возникновением обстоятельств, которые по-разному влияют на уголовно-правовую оценку содеянного. Вследствие чего, полагаем целесообразным рассмотрение вопросов применения норм, содержащихся в ст. 280, 282–282³ УК РФ, в сочетании с составами других преступлений, совершением которых могут сопровождаться обозначенные общественно опасные деяния. Речь пойдет о такой форме множественности, как совокупность преступлений, положения которой закреплены в ст. 17 УК РФ.

Из всех случаев возможной совокупности интересующих деяний с иными преступлениями наиболее значимыми являются такие варианты сочетания различных общественно опасных действий, предусмотренных Особенной частью уголовного закона, которые в некоторой степени служат предпосылкой совершения комментируемых преступлений или сопровождают выполнение объективной стороны соответствующего преступления.

Таким образом, интересны вопросы реальной совокупности, под которой понимают случаи, когда виновный одновременно в результате различных самостоятельных деяний совершает два или более преступления, предусмотренных различными статьями УК РФ. Существенным признаком совокупности является то, что ни одно из входящих в нее преступление еще не было предметом судебного разбирательства, и все они вменяются в вину лицу одновременно². Так, К., создавая экстремистское сообщество, т. е. организованную группу лиц для подготовки и совершения преступлений экстремистской направленности, имел умысел, направленный на осуществление публичных призывов неопределенного круга лиц к экстремистской деятельности, пуб-

---

¹ Официальный сайт МВД России. URL: <http://mvd.ru/news>.

² См., напр.: *Дурманов Н. Д.* Ответственность при совокупности преступлений по советскому уголовному законодательству // Социалистическая законность. 1937. № 8. С. 32; *Малков В. П.* Совокупность преступлений (Вопросы квалификации и назначения наказания). Казань, 1974. С. 194.

личное возбуждение у неограниченного круга ненависти и вражды к представителям негроидной и монголоидной рас, еврейской национальности, коренных народов Кавказа и Закавказья. Указанные цели К. реализовывал в результате убийств и избиения представителей вышеназванных народов, нанесения на стены зданий надписей и рисунков националистического толка, националистической символики в виде свастики (например, «Русь для русских», «Русские, вооружайтесь» с изображением свастики и с указанием в виде стрелки на оружейный магазин, расположенный в данном здании; «14/88», «Русский, хватит бухать» с изображением свастики; «Русские живы» с изображением свастики), а также распространения листовок и литературы экстремистского содержания («Русская воля», «Корпус», «Радикальный голос», «Свободная Россия»)¹.

А. М. Яковлев различает два вида реальной совокупности. Первый: реальная совокупность, когда преступления связаны между собой только фактом совершения их одним и тем же лицом. Такая совокупность преступлений не нуждается в подробном анализе, поскольку не содержит каких-либо специфических особенностей и представляет собой своеобразную сумму преступлений, совершенных одним лицом. Примером тому может служить приговор Челябинского гарнизонного военного суда от 15 июля 2011 г. В соответствии с обстоятельствами дела рядовой Г., являясь военнослужащим, проходящим военную службу по призыву, с целью показать свое мнимое превосходство над сослуживцами В., И. и О., унижая их честь и достоинство, применил насилие в отношении каждого потерпевшего и потребовал от каждого исполнить национальный танец народов Кавказа «лезгинку» на виду у 50 военнослужащих, высказываясь при этом нецензурно, что русские солдаты будут делать все, что им скажут дагестанцы. Суд квалифицировал действия Г. по п. «б» ч. 2 ст. 335, п. «а» ч. 2 ст. 282 УК РФ². Подобные случаи не вызывают затруднений в правоприменительной деятельности.

Второй: реальная совокупность преступлений, связанных определенным образом одно с другим³. Связь между преступными деяниями, входящими в подобного рода совокупность, состоит в том, что одно из них выступает в качестве условия, средства, способа совершения другого преступления, либо одно из них является средством или способом сокрытия другого преступления, либо они совершены по одним и тем же мотивам. Примером того, когда преступные деяния одновременно совершены по одним и тем же мотивам, может служить приговор Центрального районного суда г. Омска от 3 февраля

---

¹ Приговор Воркутинского городского суда Республики Коми от 26 января 2011 г. URL: <https://rospravosudie.com>.

² Приговор Челябинского гарнизонного военного суда от 15 июля 2011 г. URL: <https://rospravosudie.com>.

³ См.: Яковлев А. М. Совокупность преступлений по советскому уголовному праву. М., 1960. С. 82.

2011 г., в соответствии с обстоятельствами которого, Ю., являясь членом общественной организаций «Левый фронт», совершил хулиганские действия по мотивам политической, идеологической ненависти или вражды, а также надругательство над флагом Российской Федерации при следующих обстоятельствах: 23 октября 2009 г. во время проведения общественной организацией «Молодая Гвардия Единой России» санкционированного пикета подошел к А., принимающему участие в пикете, из рук которого, применяя физическую силу, стал вырывать Государственный флаг Российской Федерации, выкрикивая лозунги «Долой Единую Россию» и призывы к смене руководства милиции, выражаясь при этом нецензурно. Вырвав из рук А. флаг Российской Федерации, Ю. оторвал полотнище от древка, а затем повредил полотнище путем разрыва.

22 июля 2009 г. Ю. распространил агитационные листовки в общественных местах Ленинского и Центрального административных округов г. Омска, ознакомление с содержанием которых оказывает воздействие на людей для формирования у них неприязненного отношения к указанным социальным группам.

Согласно заключению лингвистической экспертизы от 7 декабря 2009 г. в тексте листовки, распространенной Ю., с заголовком «Милицейский произвол» содержалась резко выраженная негативная квалификация милицейского произвола как части режима, сложившегося в России. Кроме того, в тексте листовки содержалась информация о неполноценности граждан по признаку их отношения к социальной принадлежности – по принадлежности к структурам власти, судебным, милицейским структурам. Текст листовки с заголовком «Ты избрал – тебе судить!» был признан решением Адлерского районного суда Краснодарского края от 26 февраля 2008 г. экстремистским материалом, направленным на возбуждение социальной вражды, так как содержит резкую критику Российской власти, предложения об изменении Конституции РФ и введении Закона «О суде народа России над Президентом и Федеральным Собранием». Текст листовки содержал призывы к избирателям, избравшим Президента страны и Федеральное Собрание, осуществлять народный суд по результатам деятельности последних. Суд признал Ю. виновным в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 282, ст. 329, п. «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ¹.

Необходимо отметить, что в настоящее время квалифицирующий признак, закрепленный в п. «в» ч. 2 ст. 282 УК РФ «Возбуждение ненависти или вражды, а равно унижение человеческого достоинства, совершенные организованной группой», предполагает наличие совокупности со ст. 282¹ УК РФ «Организация экстремистского сообщества» в ныне действующей редакции.

---

¹ Приговор Центрального районного суда г. Омска от 3 февраля 2011 г. URL: <https://rospravosudie.com>.

В связи с этим необходимо повторить, что неясные и двусмысленные законодательные формулировки служат основанием для неверной квалификации деяний.

Федеральным законом от 23 мая 2015 г. № 129-ФЗ¹ в УК РФ введена ст. 284¹ «Осуществление деятельности на территории Российской Федерации иностранной или международной неправительственной организации, в отношении которой принято решение о признании нежелательной на территории Российской Федерации ее деятельности».

Резолюция Экономического и Социального Совета ООН от 23 мая 1968 г. № 1296 содержит определение *международной неправительственной организации*, под которой понимается любая международная организация, не имеющая основной целью своей деятельности получение прибыли, не учрежденная на основании межправительственного соглашения, признанная либо одним государством, либо получившая консультативный статус при международной правительственной организации, осуществляющая деятельность в двух или более государствах. Международные неправительственные организации – это постоянные объединения национальных союзов, ассоциаций, обществ неправительственного характера для достижения единых целей в области здравоохранения, культуры, образования, науки и техники, благотворительности и т. п.

Международная неправительственная организация должна соответствовать следующим требованиям:

- 1) цель организации – некоммерческая деятельность международного значения;
- 2) учреждение организации осуществляется в соответствии с внутренним законодательством государства, а не на основе международного соглашения;
- 3) результативная деятельность организации осуществляется как минимум в двух государствах.

Анализ нормативных актов позволяет сделать вывод, что понятие «иностранная неправительственная организация» в том виде, в котором оно указано в диспозиции ст. 284¹ УК РФ, в российском законодательстве отсутствует.

Часть 2 ст. 11 Налогового кодекса РФ² определяет, что *иностранная организация* – это иностранные юридические лица, компании и другие корпоративные образования, обладающие гражданской правоспособностью, созданные в соответствии с законодательством иностранных государств, международные организации, филиалы и представительства указанных иностранных лиц и международных организаций, созданные на территории Российской Федерации. «Неправительственная», в свою очередь, означает, что учредителями (участниками) такой организации не являются государственные органы.

---

¹ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 23 мая 2015 г. № 129-ФЗ // Российская газета. 2015. 25 мая.

² Налоговый кодекс Российской Федерации (Часть первая) от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ // Российская газета. 1998. 6 авг.

Согласно ч. 4 ст. 2 Федерального закона «О некоммерческих организациях»¹ под *иностранной некоммерческой неправительственной организацией* понимается некоммерческая организация, созданная за пределами территории РФ в соответствии с законодательством иностранного государства, учредителями (участниками) которой не являются государственные органы.

Некоммерческие организации могут создаваться только для достижения социальных, благотворительных, культурных, образовательных, научных и управленческих целей: охраны здоровья граждан, развития физической культуры и спорта, удовлетворения духовных и иных нематериальных потребностей граждан, защиты прав, законных интересов граждан и организаций, разрешения споров и конфликтов, оказания юридической помощи, а также в иных целях, направленных на достижение общественных благ².

В соответствии с ч. 2 ст. 23¹ Федерального закона «О некоммерческих организациях» отделению иностранной неправительственной организации может быть отказано в государственной регистрации по нескольким основаниям, например, если цели и задачи создания структурного подразделения противоречат Конституции РФ или создают угрозу суверенитету, политической независимости, территориальной неприкосновенности и национальным интересам РФ.

Отделение иностранной неправительственной организации на территории РФ ликвидируется, если его деятельность не соответствует целям, предусмотренным учредительными документами, а также представленным в уполномоченный орган сведениям об объеме получаемых денежных средств и иного имущества, о целях их расходования или использования, о предполагаемых для осуществления на территории Российской Федерации программах.

Под «нежелательной» деятельностью понимается деятельность иностранной неправительственной организации или международной неправительственной организации, которая представляет собой *угрозу основам конституционного строя РФ*, обороноспособности страны или безопасности государства.

В качестве причин нежелательной деятельности иностранных или международных неправительственных организаций называлось выполнение заданий спецслужб иностранных государств по идеологическим соображениям или из-за личной неприязни к России. Под некоммерческой организацией, выполняющей функции иностранного агента, в Федеральном законе «О некоммерческих организациях» понимается российская некоммерческая организация, которая получает денежные средства и иное имущество от иностранных государств, их государственных органов, международных и иностранных организаций, иностранных граждан, лиц без гражданства либо

---

¹ О некоммерческих организациях: Федеральный закон от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ (с изм. от 9 марта 2016 г. № 67-ФЗ) // Российская газета. 1996. 24 янв.; 2016. 11 марта.

² Там же.

уполномоченных ими лиц и (или) от российских юридических лиц, получающих денежные средства и иное имущество от указанных источников (за исключением открытых акционерных обществ с государственным участием и их дочерних обществ), и которая участвует, в том числе в интересах иностранных источников, в политической деятельности, осуществляемой на территории Российской Федерации.

Некоммерческая организация, за исключением политической партии, признается участвующей в политической деятельности, осуществляемой на территории РФ, если независимо от целей и задач, указанных в ее учредительных документах, она участвует (в том числе путем финансирования) в организации и проведении политических акций в целях воздействия на принятие государственными органами решений, направленных на изменение проводимой ими государственной политики, а также в формировании общественного мнения в указанных целях.

Деятельность в области социального обслуживания, социальной поддержки и защиты граждан, науки, культуры, искусства, здравоохранения, профилактики и охраны здоровья граждан, защиты материнства и детства, социальной поддержки инвалидов, пропаганды здорового образа жизни, физической культуры и спорта, защиты растительного и животного мира, благотворительная деятельность к политической деятельности не относится.

Понятие «иностранный агент» не распространяется на:

- 1) государственные корпорации и компании, а также на некоммерческие организации, созданные ими;
- 2) зарегистрированные религиозные организации;
- 3) иностранных граждан, работающих в составе Российского союза промышленников и предпринимателей, Торгово-промышленной палаты и других бизнес-объединений.

Некоммерческие организации, выполняющие функции иностранного агента, должны регистрироваться как таковые в Министерстве юстиции Российской Федерации и указывать свой статус во всех публикациях в СМИ и в Интернете.

Понятие «политическая деятельность» в тексте Федерального закона «О некоммерческих организациях» активно критикуется представителями российской и зарубежной общественности, которые утверждают, что закон определяет любую общественную активность как политическую, и требует, чтобы независимые неправительственные организации, получающие деньги из-за границы, были заклеены как «иностранные агенты».

Еще на стадии проекта с критикой закона выступили три специальных докладчика ООН, сообщая, что крайне широкое определение «политической деятельности» позволит подвести под него любую пропагандистскую деятельность некоммерческих организаций, что нарушит «право правозащитников поднимать в обществе вопросы прав человека».

Обеспокоенность российским Законом «О некоммерческих организациях» и его возможным негативным влиянием на деятельность правозащитников выражали также различные органы ООН, в том числе Комитет против пыток, Комитет по правам ребенка и Комитет по ликвидации расовой дискриминации. Из них первый призвал внести изменения в законодательство, требующее от получающих финансирование из-за рубежа правозащитных организаций регистрироваться в качестве «иностранных агентов», а второй призвал Россию отменить закон.

Комиссар Совета Европы по правам человека не раз выражал российским властям озабоченность законом, «который содержит очень широкое и неясное определение политической деятельности». Европарламент призвал власти России прекратить регистрацию некоммерческих организаций как «иностранных агентов».

Российские организации также считают, что самым спорным положением Федерального закона «О некоммерческих организациях» является понятие «политическая деятельность». В частности, «Комитет гражданских инициатив» 10 февраля 2016 г. на заседании президентского Совета по правам человека предложил ограничить возможности Министерства юстиции Российской Федерации и органов прокуратуры в толковании Закона «О некоммерческих организациях», поскольку политической деятельностью, по мнению экспертов Комитета гражданских инициатив, можно считать выдвижение кандидатов на выборах, участие в предвыборной агитации, организацию сбора средств в избирательные фонды или содействие в этом, а также продвижение в общественном мнении положительного или негативного образа кандидатов, списков кандидатов на выборах и политических партий и информационное, консультационное и организационное сопровождение кандидатов на выборах.

Представляется, что следует законодательно прописать, какая деятельность иностранных неправительственных организаций не может рассматриваться как политическая, для того чтобы те организации, которые занимаются проведением общественных дискуссий (конференций, форумов, круглых столов) для обсуждения экономических, социальных, политических, культурных и других вопросов, не относящихся к государственной или коммерческой тайне, не признавались иностранными агентами. На таких представительских мероприятиях могут обсуждаться проводимая государством политика, международные отношения, и участие в таких дискуссиях не должно считаться политической деятельностью.

С июня 2014 г. Министерство юстиции Российской Федерации получило право принудительно включать некоммерческие организации в реестр иностранных агентов. В этот список по состоянию на 6 апреля 2016 г. включены 125 организаций, среди которых правозащитная ассоциация АГОРА, Информационно-просветительский центр «Мемориал», ассоциация «Голос», Сахаровский центр.

Признание нежелательной на территории Российской Федерации деятельности иностранной или международной неправительственной организации влечет за собой:

1) запрет на создание (открытие) на территории РФ структурных подразделений иностранной или международной неправительственной организации и прекращение деятельности ранее созданных (открытых) структурных подразделений;

2) отказ кредитных организаций и некредитных финансовых организаций в проведении операций с денежными средствами и (или) иным имуществом, одной из сторон которой является иностранная или международная неправительственная организация, включенная в перечень иностранных и международных неправительственных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации;

3) запрет на распространение информационных материалов, издаваемых иностранной или международной неправительственной организацией и (или) распространяемых ею, в том числе через средства массовой информации и (или) с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет, а также производство или хранение таких материалов в целях распространения;

4) запрет на осуществление на территории Российской Федерации программ (проектов) для иностранной или международной неправительственной организации, деятельность которой признана нежелательной на территории Российской Федерации¹.

Решение о признании нежелательной на территории Российской Федерации деятельности иностранной или международной неправительственной организации принимается Генеральным прокурором Российской Федерации или его заместителями по согласованию с Министерством юстиции Российской Федерации. В частности, 28 июля 2015 г. заместитель Генерального прокурора РФ В. Малиновский в рамках реализации полномочий, предусмотренных ч. 1 ст. 3¹ Федерального закона от 28 декабря 2012 г. № 272-ФЗ «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации», подписал решение о признании нежелательной на территории РФ деятельности иностранной неправительственной организации «Национальный фонд в поддержку демократии» (National Endowment for Democracy). Принятое решение было основано на анализе деятельности Фонда. А именно, используя возможности подконтрольных российских коммерческих и некоммерческих организаций, Национальный фонд в поддержку демократии участвовал в ра-

---

¹ О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации: Федеральный закон от 28 декабря 2012 г. № 272-ФЗ (с изм. от 23 мая 2015 г. № 129-ФЗ) // Российская газета. 2012. 29 дек.; 2015. 26 мая.

боте по признанию нелегитимными итогов выборных кампаний, организации политических акций в целях влияния на принимаемые органами власти решения, дискредитации службы в Вооруженных Силах России. Для этого в 2013–2014 гг. Фонд предоставил российским коммерческим и некоммерческим структурам финансовую помощь на сумму около 5,2 млн долларов США.

С учетом общей направленности деятельности Фонда прокуратурой сделан вывод о том, что она представляет угрозу основам конституционного строя РФ, обороноспособности и безопасности государства.

В соответствии с требованиями закона данное решение направлено в Министерство юстиции РФ для включения организации в Перечень иностранных и международных неправительственных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации (Приложение 3), который размещается в информационно-телекоммуникационной сети Интернет на официальном сайте Министерства юстиции РФ, и опубликования его в общероссийском периодическом издании, определенном Правительством РФ.

Необходимо отметить, что одной из форм некоммерческих организаций выступают *общественные и религиозные объединения*. И как уже отмечалось, под «нежелательной» деятельностью понимается деятельность иностранной неправительственной организации или международной неправительственной организации, которая представляет собой *угрозу основам конституционного строя России*, обороноспособности страны или безопасности государства. И состав преступления, предусмотренный ч. 1 ст. 282² УК РФ, запрещает организацию деятельности общественного или религиозного объединения либо иной организации, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности, в связи с осуществлением экстремистской деятельности, за исключением организаций, которые в соответствии с законодательством РФ признаны террористическими, как раз в связи с тем, что их деятельность посягает на основы конституционного строя России.

Статья 17 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» устанавливает, что на территории России не допускается деятельность иностранных некоммерческих организаций и их структурных подразделений, деятельность которых признана экстремистской в соответствии с федеральным законодательством. Можно резюмировать, что только приведенный в Приложении 3 перечень иностранных и международных неправительственных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации, позволит правоприменителям определить необходимость квалификации деяния именно по ст. 284¹ УК РФ.

С учетом изложенного, можно сделать следующие выводы. В целях решения проблем квалификации верным законодательным решением представляется исключение из ст. 1 Федерального закона «О противодействии экс-

тремистской деятельности» формулировки «публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность» ввиду того, что экстремизм и терроризм являются самостоятельными негативными социальными феноменами.

Неясные и двусмысленные законодательные формулировки определения «экстремистское сообщество» также порождают проблемы квалификации, в частности при разграничении с преступлением, предусмотренным ст. 210 УК РФ. Действующая редакция ст. 282¹ и 282² УК РФ, предусматривающих ответственность за организованные формы совершения преступлений экстремистской направленности, порождает проблемы квалификации ввиду того, что используемые законодателем определения не коррелируют с Общей частью УК РФ и приводят к тому, что комментируемые составы преступлений фактически оказываются «неработающими». Более того, Конституционный Суд РФ неоднократно указывал на то, что неточность, неясность и неопределенность закона порождает возможность неоднозначного истолкования, следовательно, произвольного применения его норм.

Таким образом, разрешение вопросов квалификации преступлений, предусмотренных ст. 280, 280¹, 282–282³ УК РФ, преследует цель устранения проблем применения норм Особенной части уголовного законодательства, поскольку правильная квалификация преступлений является необходимой предпосылкой индивидуализации уголовной ответственности и назначения справедливого наказания.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В монографии на основании современного российского законодательства рассмотрены понятия «экстремизм», «преступления экстремистской направленности», «экстремистская деятельность». Определения данных категорий подвергаются активной критике со стороны ученых и правоприменителей ввиду отсутствия четких признаков, размытости определений, что негативно сказывается на следственно-судебной практике.

Комплексное теоретико-правовое исследование мотива преступлений экстремистской направленности позволило определить сущность данных преступлений и обосновать определение экстремистского мотива.

Изучение следственной и судебной практики позволило выявить часто допускаемые ошибки и трудности юридической оценки правонарушений (в широком смысле) экстремистской направленности.

Исследование заявленной темы необходимо и своевременно, поскольку преследуется цель защиты единства нашего общества, целостности российского государства и сохранения межнационального мира.

ГЛОССАРИЙ

1. **Антисемитизм** – одно из проявлений национальной и этнической нетерпимости, выражающееся во враждебном отношении к евреям: от пренебрежительного отношения в быту и правовой дискриминации до геноцида, еврейских погромов и т. д.; часто выступает как составная часть праворадикальных и националистических идеологии и движений.

2. **Джихад** – в исламской теологической традиции – борьба за веру. Предполагается ее ведение в следующих основных формах:

«джихад сердца» («Великий джихад») – борьба с собственными дурными наклонностями;

«джихад языка» – повеление достойного одобрения и запрещение достойного порицания;

«джихад руки» – принятие соответствующих мер наказания в отношении преступников и нарушителей норм нравственности;

«джихад меча» – вооруженная борьба с «неверными», если они нападают на земли мусульман.

Радикальные исламисты совершенно произвольно толкуют ислам исключительно как войну с «неверными», причем наступательную войну.

3. **Идеология** – система политических, правовых, нравственных, религиозных, эстетических и философских взглядов и идей, в которых осознается и оценивается отношение людей к действительности. Выражает интересы и формулирует цели определенных социальных групп.

4. **Исламизм** – религиозно-политическая идеология и практическая деятельность, направленная на создание условий, при которых любые противоречия внутри общества и государства, где есть мусульманское население, а также межгосударственные отношения с их участием будут решаться на основе норм шариата.

5. **Ксенофобия** – неприязнь к кому-либо или чему-либо чужому; восприятие чужого как неприятного. Если возведена в ранг мировоззрения, может стать причиной вражды по принципу национального или религиозного деления людей.

6. **Неонацизм** – идеология общественных или политических движений, возникших после Второй мировой войны, исповедующих национал-социалистические или близкие к ним взгляды либо объявляющих себя последователями Национал-социалистической немецкой рабочей партии. Неонацизм заимствует элементы нацистской доктрины, в том числе шовинизм, фашизм, расизм, ксенофобию и антисемитизм.

7. **Неофашизм** – понятие, объединяющее современные правые, наиболее реакционные движения, которые являются в политическом и идейном отношении приемниками распущенных после Второй мировой войны фашистских организаций.

8. **Политика** – деятельность государственной власти, партии или общественной группы в области внутригосударственных или внешних отношений, определяемая интересами этой власти, партии, группы.

9. **Радикализм** – полное неприятие существующей системы отношений, признание необходимости кардинального разрыва с прошлым и максимально масштабных и коренных преобразований.

10. **Раса** – исторически сложившаяся группа человечества (европеоидная, негроидная, монголоидная), объединенная общностью происхождения и некоторых наследственных физических особенностей: строения черепа, тела, формы волос, пигментации кожи и т. п.

11. **Расизм** – концепция, являющаяся одним из элементов идеологии фашизма, основу которой составляет положение о физической и психической неравноценности человеческих рас, об исконном разделении людей на высшие и низшие расы, о решающем влиянии расовых различий на историю и культуру общества.

12. **Религия** – форма общественного сознания и практики, особым образом систематизированное мировоззрение и характерное упорядоченное мироощущение, а также соответствующее поведение и специфические действия (таинства, культ), основывающиеся на вере в «священное», то есть в какую-либо разновидность сверхъестественного, связь с ним.

13. **Сепаратизм** – одна из опаснейших для любого государства тенденций в общественно-политической жизни страны. Суть состоит в стремлении расчленить единое государство на ряд нежизнеспособных псевдогосударственных образований (расчленение единого государства является обычной целью практически всех войн, ведущихся против данного государства враждебными державами). В результате терпят ущерб народы, ослабляются государства. В выигрыше оказываются лишь представители национальных элит (несколько десятков тысяч человек, как правило, в значительной степени коррумпированных), для которых реализация принципа этнократии (т. е. главенства коллективных интересов национальности над правами и интересами личности) – средство обеспечения личной власти и личного благополучия.

14. **Субкультура** – система ценностей, моделей поведения, жизненного стиля какой-либо социальной группы, представляющая собой самостоятельное целостное образование в рамках доминирующей культуры.

15. **Терроризм** – идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий.

16. **Толерантность** – терпимость к чужому образу жизни, мнению, поведению. Одно из важнейших гражданских и профессиональных качеств.

17. **Традиции** – исторически сложившиеся, устойчивые нормы поведения социальных групп, связанные с местом проживания, объективно сложившимся образом жизни и культурными отличиями от других социальных групп.

18. **Фашизм** – идеология воинствующего расизма, антисемитизма и шовинизма, опирающиеся на нее политические течения, а также открытая террористическая диктатура одной господствующей партии, созданный ею репрессивный режим, направленный на подавление прогрессивных общественных движений, на уничтожение демократии и развязывание войны.

19. **Шовинизм** – крайний, наиболее реакционный национализм, проповедующий расовую исключительность и разжигающий национальную вражду и ненависть.

БИБЛИОГРАФИЯ

Нормативные правовые акты и иные официальные документы

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). – 2014. – № 31. – Ст. 4398. – С. 11747–11778.
2. Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 г. // Российская газета. – 1998. – 10 дек.
3. Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 15 июня 2001 г. // СЗ РФ. – 2003. – № 41. – Ст. 3947. – С. 9749–9757.
4. Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма от 9 декабря 1999 г. // СЗ РФ. – 2003. – № 12. – Ст. 1059. – С. 2699–2711.
5. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Российская газета. – 1994. – 8 дек.
6. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Российская газета. – 2001. – 31 дек.
7. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Российская газета. – 2001. – 22 дек.
8. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. Федерального закона от 6 июля 2016 г. № 375-ФЗ) // Российская газета. – 1996. – 18–20, 25 июня; 2016. – 11 июля.
9. Федеральный закон от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ «Об общественных объединениях» // Российская газета. – 1995. – 25 мая.
10. Федеральный закон от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» // Российская газета. – 1997. – 1 окт.
11. Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» // Российская газета. – 2001. – 5 июня.
12. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» // Российская газета. – 2002. – 30 июля.
13. Федеральный закон от 10 января 2003 г. № 3-ФЗ «О ратификации Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом» // Российская газета. – 2003. – 14 янв.
14. Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» // Российская газета. – 2006. – 10 марта.
15. Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» // Российская газета. – 2010. – 29 дек.

16. Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» // Российская газета. – 2011. – 10 февр.
17. Федеральный закон от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. – 2011. – 9 дек.
18. Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 431-ФЗ «О внесении изменения в статью 8 Федерального закона "О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации"» // Российская газета. – 2013. – 30 дек.
19. Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 433-ФЗ «О внесении изменения в Уголовный кодекс Российской Федерации» // Российская газета. – 2013. – 30 дек.
20. Федеральный закон от 3 февраля 2014 г. № 5-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Российская газета. – 2014. – 5 февр.
21. Федеральный закон от 5 мая 2014 г. № 130-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. – 2014. – 7 мая.
22. Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 179-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. – 2014. – 3 июля.
23. Федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 274-ФЗ «О внесении изменений в статью 280¹ Уголовного кодекса Российской Федерации» // Российская газета. – 2014. – 25 июля.
24. Федеральный закон от 23 мая 2015 г. № 129-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. – 2015. – 25 мая.
25. Федеральный закон от 6 июля 2016 г. № 375-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» // Российская газета. – 2016. – 11 июля.
26. Федеральный закон от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне» // Российская газета. – 1996. – 5 июня.
27. Федеральный закон от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ «О федеральной службе безопасности» // Российская газета. – 1995. – 12 апр.
28. Закон Российской Федерации от 11 марта 1992 г. № 2487-1 «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» // Российская газета. – 1992. – 30 апр.
29. Закон Российской Федерации от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации» // Российская газета. – 1992. – 8 февр.

30. Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» // СЗ РФ. – 2016. – № 1. – Ч. 2. – Ст. 212. – С. 497–518.

31. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 18 апреля 2002 г. // Российская газета. – 2002. – 19 апр.

32. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 12 ноября 2009 г. // Российская газета. – 2009. – 13 нояб.

33. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 12 декабря 2012 г. // Российская газета. – 2012. – 13 дек.

34. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 4 декабря 2014 г. // Российская газета. – 2014. – 5 дек.

Научная и учебная литература

1. *Авакьян С. А.* Конституционное право России. Учебный курс: учеб. пособие: в 2 т. / С. А. Авакьян. – 4-е изд., перераб. и доп. – Москва: Норма; ИНФРА-М, 2011. – 320 с.

2. *Агапов П. В.* Организация экстремистского сообщества проблемы квалификации и доказывания: учеб. пособие / П. В. Агапов; под ред. В. В. Меркурьева. – Москва: Проспект, 2015. – 224 с.

3. *Ахмедов У. Н.* Теоретические и правовые основы доказывания экстремистской деятельности: учебное пособие / У. Н. Ахмедов, С. Р. Микаутадзе. – Москва: ДГСК МВД России, 2014. – 120 с.

4. *Брайнин Я. М.* Уголовная ответственность и ее основания в советском уголовном праве / Я. М. Браинин. – Москва: Юрид. лит., 1963. – 275 с.

5. *Велиев С. А.* Индивидуализация уголовного наказания / С. А. Велиев, А. В. Савенков. – Москва: Красанд, 2010. – 216 с.

6. *Винокуров В. Н.* Объект преступления: систематизация и квалификация: монография / В. Н. Винокуров. – Красноярск: СибЮИ МВД России, 2011. – 260 с.

7. *Вишнякова Н. В.* Объект и предмет преступлений против собственности: монография / Н. В. Вишнякова. – Омск: ОМА МВД России, 2008. – 248 с.

8. *Власов В. И.* Экстремизм: сущность, виды, профилактика: учеб.-метод. пособие / В. И. Власов; под ред. Р. Г. Абдулатипова. – Москва: РАГС, 2003. – 112 с.

9. *Демидов Ю. А.* Социальная ценность и оценка в уголовном праве / Ю. А. Демидов. – Москва: Юрид. лит., 1975. – 182 с.

10. *Дурманов Н. Д.* Понятие преступления / Н. Д. Дурманов. – Москва; Ленинград: АН СССР, 1948. – 315 с.

11. *Дьяков С. В.* Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства / С. В. Дьяков. – Москва: Юрид. центр «Пресс», 2012. – 267 с.
12. *Карпец И. И.* Наказание. Социальные, правовые и криминологические проблемы / И. И. Карпец. – Москва: Юрид. лит., 1973. – 287 с.
13. *Кардашова И. Б.* Основы теории национальной безопасности: учеб. для вузов / И. Б. Кардашова. – Москва: Юрайт, 2018. – 303 с.
14. *Келина С. Г.* Принципы советского уголовного права / С. Г. Келина, В. Н. Кудрявцев. – Москва: Наука, 1988. – 175 с.
15. *Ковалев М. И.* Понятие преступления в советском уголовном праве / М. И. Ковалев. – Свердловск: УрГУ, 1987. – 208 с.
16. *Козлов А. А.* Феномен экстремизма / А. А. Козлов. – Санкт-Петербург: СПбГУ, 2000. – 136 с.
17. Комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. В. Д. Зорькина, Л. В. Лазарева. – Москва: Эксмо, 2014. – 706 с.
18. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (научно-практический, постатейный) / под ред. д-ра юрид. наук, проф. С. В. Дьякова, д-ра юрид. наук, проф. Н. Г. Кадникова. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва: Юриспруденция, 2015. – 1036 с.
19. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Г. Н. Борзенков, А. В. Бриллиантов, А. В. Галахова и др.; отв. ред. В. М. Лебедев. – 12-е изд., перераб. и доп. – Москва: Юрайт, 2012. – 1359 с.
20. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Г. Н. Борзенков, А. В. Бриллиантов, А. В. Галахова, В. М. Лебедев; отв. ред. В. М. Лебедев. – 14-е изд., перераб. и доп. – Москва: Юрайт, 2014. – 1359 с.
21. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Ю. В. Грачева, Л. Д. Ермакова, Г. А. Есаков и др.; под ред. А. И. Рарога. – 9-е изд., перераб. и доп. – Москва: Проспект, 2015. – 888 с.
22. *Коржанский Н. И.* Объект преступления и предмет уголовно-правовой охраны проблемы / Н. И. Коржанский. – Москва, 1980. – 248 с.
23. *Коршунова О. Н.* Преступления экстремистского характера: теория и практика противодействия / О. Н. Коршунова. – Санкт-Петербург: Юрид. центр «Пресс», 2006. – 325 с.
24. *Кругликов Л. Л.* Дифференциация ответственности в уголовном праве / Л. Л. Кругликов, А. В. Василевский. – Санкт-Петербург: Юрид. центр «Пресс», 2002. – 300 с.
25. *Кудрявцев В. Н.* Объективная сторона преступления / В. Н. Кудрявцев. – Москва: Госюриздат, 1960. – 244 с.
26. *Кудрявцев В. Н.* Научные основы квалификации преступлений / В. Н. Кудрявцев. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Юристъ, 2004. – 304 с.
27. *Кузнецова Н. Ф.* Преступление и преступность / Н. Ф. Кузнецова. – Москва: МГУ, 1969. – 232 с.

28. *Кузнецова Н. Ф.* Избранные труды / Н. Ф. Кузнецова. – Санкт-Петербург: Юрид. центр «Пресс», 2003. – 834 с.
29. *Лопашенко Н. А.* Основы уголовно-правового воздействия: уголовное право, уголовный закон, уголовно-правовая политика / Н. А. Лопашенко. – Санкт-Петербург: Юрид. центр «Пресс», 2004. – 339 с.
30. *Малков В. П.* Совокупность преступлений (Вопросы квалификации и назначения наказания) / В. П. Малков. – Казань: КазГУ, 1974. – 307 с.
31. *Марцев А. И.* Диалектика и вопросы теории уголовного права / А. И. Марцев. – Красноярск: КГУ, 1990. – 128 с.
32. *Марцев А. И.* Общие вопросы учения о преступлении / А. И. Марцев. – Омск: ОмЮИ МВД России, 2000. – 136 с.
33. *Марцев А. И.* Избранные труды / А. И. Марцев. – Омск: ОМА МВД России, 2005. – 272 с.
34. *Наумов А. В.* Российское уголовное право: курс лекций: в 2 т. Т. 2: Особенная часть / А. В. Наумов. – Москва: Юрид. лит., 2004. – 496 с.
35. *Никифоров А. С.* Совокупность преступлений / А. С. Никифоров. – Москва: Юрид. лит., 1965. – 133 с.
36. *Осипов П. П.* Теоретические основы построения и применения уголовно-правовых санкций. Аксиологические аспекты / П. П. Осипов. – Ленинград: ЛГУ, 1976. – 135 с.
37. Основы теории национальной безопасности: учебник / под ред. Е. А. Матвиенко. – Волгоград: ВА МВД России, 2015. – 408 с.
38. *Павлинов А. В.* Насильственный экстремизм / А. В. Павлинов. – Москва: Ин-т правовых и сравнительных исследований при Ассоциации работников правоохранительных органов Российской Федерации, 2004. – 352 с.
39. *Панько К. К.* Методология и теория законодательной техники уголовного права России / К. К. Панько. – Воронеж: ВГУ, 2004. – 272 с.
40. *Пиджаков А. Ю.* Борьба с политическим экстремизмом и терроризмом: международно- и национально-правовые проблемы: монография / А. Ю. Пиджаков. – Санкт-Петербург: СПбГУ, 2004. – 292 с.
41. *Пионтковский А. А.* Учение о преступлении по советскому уголовному праву. Курс советского уголовного права. Общая часть / А. А. Пионтковский. – Москва: Госюриздат, 1961. – 666 с.
42. *Рарог А. И.* Настольная книга судьи по квалификации преступлений / А. И. Рарог. – Москва: ТК Телби; Проспект, 2006. – 224 с.
43. Религиозная ситуация в российских регионах: тезисы докладов и сообщений Шестой Всерос. науч.-практ. конференции (Омск, 28–29 сентября 2018 г.) / отв. за вып. д-р филос. наук, проф. Л. В. Денисова, канд. ист. наук А. А. Морозов. – Омск: ОМА МВД России, 2018. – 108 с.
44. Российское уголовное право: в 2 т.: учебник. Т. 2: Особенная часть / под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай, В. С. Комиссарова, А. И. Рарога. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва: Проспект, 2010. – 688 с.

45. *Сабанин С. Н.* Теоретические основы квалификации преступлений: учебное пособие / С. Н. Сабанин, М. Б. Фаткуллина. – Екатеринбург: УрЮИ МВД России, 2005. – 171 с.
46. *Сабитов Р. А.* Теория и практика квалификации уголовно-правовых деяний / Р. А. Сабитов. – Москва: МГУ, 2003. – 144 с.
47. *Сергун Е. П.* Экстремизм в российском уголовном праве (теоретико-дедуктивный подход) / Е. П. Сергун. – Москва; Саратов: РПА Минюста России, 2009. – 224 с.
48. *Трайнин А. Н.* Общее учение о составе преступления проблемы / А. Н. Трайнин. – Москва: Госюриздат, 1957. – 364 с.
49. Уголовное право России. Части Общая и Особенная / М. П. Журавлев, А. В. Наумов, С. И. Никулин, А. И. Рарог; под ред. А. И. Рарога. – 8-е изд., перераб. и доп. – Москва: Проспект, 2016. – 784 с.
50. Уголовное право России. Часть Особенная: учебник / отв. ред. Л. Л. Кругликов. – Москва: Проспект, 2013. – 816 с.
51. *Хлебушкин А. Г.* Преступления экстремистской направленности в системе посягательств на основы конституционного строя Российской Федерации. Вопросы квалификации и судебная практика: монография / А. Г. Хлебушкин; под ред. Н. А. Лопашенко. – Москва: Проспект, 2016. – 192 с.
52. *Яковлев А. М.* Совокупность преступлений по советскому уголовному праву / А. М. Яковлев. – Москва: Госюриздат, 1960. – 119 с.

Научные статьи и публикации

1. *Абдулганеев Р. Р.* Религиозный экстремизм как один из дестабилизирующих факторов современного общества / Р. Р. Абдулганеев // Закон и право. – 2011. – № 1. – С. 74–76.
2. *Агапов П. В.* Нужна ли в Уголовном кодексе РФ ответственность за создание организованной преступной группы? / П. В. Агапов // Российская юстиция. – 2006. – № 3. – С. 14–17.
3. *Агапов П. В.* Проблемы пенализации организованной преступной деятельности / П. В. Агапов, М. В. Арзамасцев, А. Г. Хлебушкин // Вестн. СПбУ МВД России. – 2011. – № 1 (49). – С. 64–70.
4. *Алехин Е. В.* Совершенствование законодательства как направление противодействия деятельности экстремистских сообществ / Е. В. Алехин // Российский следователь. – 2011. – № 3. – С. 25–28.
5. *Антонова Е. Ю.* Преступления террористического характера и экстремистской направленности: вопросы криминализации и пенализации / Е. Ю. Антонова // Российский следователь. – 2016. – № 13. – С. 21–25.
6. *Балеев С. А.* Ответственность за организацию и участие в экстремистском сообществе и экстремистской организации по УК РФ / С. А. Балеев // Вестн. КЮИ МВД России. – 2010. – № 1. – С. 36–39.

7. *Батюкова В. Е.* Некоторые проблемы определения содержания хулиганского и экстремистского мотива / В. Е. Батюкова // Вестн. МосУ МВД России. – 2016. – № 3. – С. 106–110.
8. *Беспалько В. Г.* Духовная безопасность как объект уголовно-правовой охраны / В. Г. Беспалько // Право и безопасность. – 2006. – № 3–4. – С. 155–166.
9. *Бешукова З. М.* К вопросу о понятии преступлений экстремистской направленности / З. М. Бешукова // Общество и право. – 2011. – № 1. – С. 28–31.
10. *Бешукова З. М.* Участие в экстремистском сообществе: некоторые вопросы законодательного регулирования и правоприменения / З. М. Бешукова // Полицейская деятельность. – 2016. – № 5 (33). – С. 492–502.
11. *Бикеев И. И.* Общественная безопасность как объект преступления по российскому уголовному праву / И. И. Бикеев // Следователь. – 2007. – № 7. – С. 2–7.
12. *Бикеев И. И.* Уголовно-правовой анализ законодательства о противодействии экстремистской деятельности и некоторые вопросы его совершенствования / И. И. Бикеев, А. Г. Никитин // Следователь. – 2007. – № 4. – С. 2–7.
13. *Боголюбов С. А.* Нужен ли закон о противодействии политическому экстремизму? / С. А. Боголюбов // Адвокат. – 2001. – № 11. – С. 96–98.
14. *Борисов С. В.* Проблемы уголовно-правового понятия преступлений экстремистской направленности / С. В. Борисов // Закон и право. – 2009. – № 3. – С. 73–74.
15. *Борбат А. В.* Образ жизни как криминологическая категория / А. В. Борбат, А. Г. Мусеибов // Российский следователь. – 2015. – № 22. – С. 28–33.
16. *Борбат А. В.* Положение национальных меньшинств в системе уголовного правосудия / А. В. Борбат, А. Г. Мусеибов // Российский следователь. – 2016. – № 11. – С. 20–25.
17. *Борисов С. В.* Экстремистское сообщество как вид организованной группы / С. В. Борисов // Закон и право. – 2010. – № 1. – С. 105–106.
18. *Борисов С. В.* Новеллы уголовного законодательства в сфере противодействия экстремизму: критический анализ / С. В. Борисов, А. А. Чугунов // Современное право. – 2015. – № 4. – С. 101–105.
19. *Боровиков В. Б.* Преступления против общественной безопасности: вопросы ответственности и совершенствования законодательства / В. Б. Боровиков // Уголовное право. – 2006. – № 4. – С. 9–12.
20. *Бринев К. И.* Методологические проблемы лингвистической экспертизы: определение сущности экстремизма: определение понятия «социальная группа» / К. И. Бринев // Вестн. КемГУ. – 2012. – № 2 (50). – С. 117–123.
21. *Бурковская В. А.* Европа и Россия: основные тенденции развития законодательства в сфере борьбы с нацизмом, расизмом, ксенофобией и иными проявлениями экстремизма / В. А. Бурковская // «Черные дыры» в российском законодательстве. – 2007. – № 3. – С. 282–283.

22. *Вайле С. П.* К вопросу о современном состоянии экстремизма в России / С. П. Вайле, Н. Н. Дьяченко // Вестн. МосУ МВД России. – 2015. – № 5. – С. 105–110.
23. *Васильев Ф. П.* Природа современного экстремизма / Ф. П. Васильев // Тр. Академии управления МВД России. – 2009. – № 1 (9). – С. 25–30.
24. *Галкин А. Ю.* Экстремизм, терроризм, террористическая деятельность и террористический акт: соотношение понятий / А. Ю. Галкин // Философия права. – 2010. – № 4. – С. 46–49.
25. *Дагель П. С.* Условия установления уголовной наказуемости / П. С. Дагель // Правоведение. – 1975. – № 4. – С. 67–74.
26. *Демидова Е. В.* Экстремизм: понятие и сущность / Е. В. Демидова // Вестник КЮИ МВД России. – 2010. – № 2. – С. 66–69.
27. *Демянчук Е. В.* Борьба с преступлениями экстремистской направленности, совершаемыми с использованием сети «Интернет» / Е. В. Демянчук // Науч. портал МВД России. – 2009. – № 1. – С. 99–106.
28. *Денисов Ю.* Противодействие экстремизму в сети Интернет / Ю. Денисов // Законность. – 2009. – № 6. – С. 3–5.
29. *Егоров Д. Г.* Уголовно-правовая характеристика преступлений экстремистской направленности по российскому уголовному законодательству / Д. Г. Егоров // Закон и право. – 2012. – № 5. – С. 70–74.
30. *Ешеров А.* Проблемы квалификации преступлений экстремистской и террористической направленности / А. Ешеров, Е. Скоба // Профессионал. – 2012. – № 5. – С. 16–17.
31. *Злобин Г. А.* Некоторые теоретические вопросы криминализации общественно опасных деяний / Г. А. Злобин // Проблемы правосудия и уголовного права. – Москва, 1978. – С. 45–46.
32. *Зюков А. М.* Юридическая техника уголовного закона в нормах о преступлениях экстремистского характера / А. М. Зюков // Российский следователь. – 2010. – № 2. – С. 14–17.
33. *Иванов А.* Вопросы квалификации убийства, совершенного по экстремистскому мотиву (п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ) / А. Иванов // Уголовное право. – 2015. – № 3. – С. 41–46.
34. *Иванов Н. Г.* Нюансы уголовно-правового регулирования экстремистской деятельности как разновидности группового совершения преступлений / Н. Г. Иванов // Государство и право. – 2003. – № 5. – С. 42–52.
35. *Кабанов П. А.* Политическая ненависть или вражда как один из мотивов преступлений экстремистской направленности / П. А. Кабанов // Следователь. – 2008. – № 2. – С. 57–58.
36. *Касперович Ю. Г.* Мотивация экстремизма и факторы его формирования / Ю. Г. Касперович // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2012. – № 2. – С. 81–84.

37. *Клейменов М. П.* Понятие и виды криминального экстремизма / М. П. Клейменов // Вестн. Омск. ун-та. Сер. Право. – 2010. – № 3 (24). – С. 167–174.
38. *Клейменов М. П.* Преступность ненависти в США / М. П. Клейменов // Вестн. Омск. ун-та. Сер. Право. – 2012. – № 1 (30). – С. 98–102.
39. *Клейменов М. П.* Закон Омской области «О профилактике экстремистской деятельности в Омской области» / М. П. Клейменов // Вестн. Омск. ун-та. Сер. Право. – 2012. – № 3 (32). – С. 277–282.
40. *Клейменов М. П.* Соотношение административных и уголовных правонарушений экстремистской направленности / М. П. Клейменов // Вестн. Омск. ун-та. Сер. Право. – 2012. – № 2 (31). – С. 176–177.
41. *Клименко Ю. А.* Организация экстремистского сообщества (ст. 282¹ УК РФ): объект преступления и его значение для квалификации / Ю. А. Клименко // Актуальные проблемы российского права. – 2016. – № 3. – С. 123–129.
42. *Козаченко И. Я.* Тоталитарная религия или религия тоталитаризма / И. Я. Козаченко // Концептуальные проблемы современного российского судостроительства и судопроизводства: материалы науч.-практ. конференции / отв. ред. М. С. Саликов. – Екатеринбург: УрГЮА, 2006. – С. 179–183.
43. *Козаченко И. Я.* Нравственно-религиозные компоненты уголовного законодательства России / И. Я. Козаченко // Российский юридический журнал. – 2012. – № 5. – С. 74–78.
44. *Козаченко И. Я.* О совершенствовании правовой регламентации преступлений экстремистской направленности / И. Я. Козаченко, С. В. Розенко // Изв. вузов. Правоведение. – 2013. – № 1 (306). – С. 115–123.
45. *Корнилов Т. А.* Противодействие экстремизму по законодательству стран СНГ / Т. А. Корнилов // Науч. портал МВД России. – 2011. – № 4. – С. 93–96.
46. *Косарев М. Н.* О совершенствовании понятийного аппарата в сфере противодействия экстремизму / М. Н. Косарев // Вестн. МосУ МВД России. – 2015. – № 1. – С. 87–92.
47. *Кочои С. М.* О противодействии экстремизму / С. М. Кочои // Уголовное право. – 2006. – № 2. – С. 103–106.
48. *Кузьмина Н. В.* Установление мотивов квалификации преступлений экстремистской направленности: проблемы практики правоприменения / Н. В. Кузьмина // Российский следователь. – 2010. – № 24. – С. 18–22.
49. *Кургузкина Е. Б.* Понятие экстремизма / Е. Б. Кургузкина // Науч. портал МВД России. – 2010. – № 1 (9). – С. 101–105.
50. *Лаврив А. С.* Проблемные вопросы квалификации преступлений экстремистской направленности / А. С. Лаврив // Вестн. Омск. ун-та. Сер. Право. – 2012. – № 2 (31). – С. 223–227.
51. *Леньшин Д. И.* К вопросу о классификации преступлений экстремистской направленности / Д. И. Леньшин // Евразийский юридический журнал. – 2010. – № 7 (26). – С. 64–66.

52. *Леньшин Д. И.* Проблемы отграничения преступлений экстремистской направленности от смежных уголовно-правовых составов / Д. И. Леньшин // *Полицейская деятельность*. – 2011. – № 3. – С. 30–35.
53. *Лунеев В. В.* Теория и история криминологии и права. Новеллы законодательного экстремизма / В. В. Лунеев // *Российский криминологический взгляд*. – 2010. – № 1. – С. 231–250.
54. *Малаев А. П.* Проблемы установления мотива национальной ненависти и вражды в российском уголовном праве / А. П. Малаев // *Правовая политика и правовая жизнь*. – 2015. – № 1. – С. 64–70.
55. *Мамонов В. В.* Понятие и место национальной безопасности в системе конституционного строя России / В. В. Мамонов // *Журнал российского права*. – 2007. – № 6.
56. *Мирошниченко Н.* Лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью / Н. Мирошниченко // *Уголовное право*. – 2014. – № 1. – С. 51–56.
57. *Можегова А. А.* Понятие «экстремистская организация»: проблемы уголовно-правовой терминологии / А. А. Можегова // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 11. Право*. – 2011. – № 3. – С. 96–104.
58. *Николаенко Н.* Законодательное определение экстремизма и отдельных форм экстремистской деятельности / Н. Николаенко // *Закон и право*. – 2009. – № 2. – С. 53–55.
59. *Никонов К. О.* О природе экстремизма как социально-политическом и правовом явлении / К. О. Никонов // *Юридическая наука и практика: Вестн. НА МВД России*. – 2011. – № 1. – С. 372–375.
60. *Павлинов А. В.* Поправки к антиэкстремистскому законодательству России / А. В. Павлинов // *Российский следователь*. – 2008. – № 12. – С. 33–36.
61. *Петрянин А. В.* Уголовно-правовые средства противодействия отдельным формам экстремистских проявлений / А. В. Петрянин // *Следователь*. – 2011. – № 7. – С. 6–9.
62. *Петрянин А. В.* Сравнительно-правовой анализ современного неспециализированного российского законодательства, направленного на противодействие экстремизму: особенности и перспективы. На примере анализа ряда федеральных нормативно-правовых актов / А. В. Петрянин // *Закон и право*. – 2012. – № 4. – С. 82–85.
63. *Побегайло Э. Ф.* Кризис современной уголовной политики / Э. Ф. Побегайло // *Преступность и уголовное законодательство: реалии, тенденции, взаимовлияние: сборник научных трудов / под ред. Н. А. Лопашенко*. – Саратов: Сателлит, 2004. – С. 87–109.
64. *Подкатилина М. Л.* К вопросу о лингвистической экспертизе экстремистских материалов / М. Л. Подкатилина // *Эксперт-криминалист*. – 2010. – № 4. – С. 28–30.

65. *Розенко С. В.* Уголовная ответственность за преступления экстремистской направленности / С. В. Розенко // Российский юридический журнал. – 2008. – № 4. – С. 122–125.
66. *Ростокинский А. В.* О классификации экстремистов / А. В. Ростокинский // Журнал науч. публикаций аспирантов и докторантов. – 2007. – № 12. – С. 7–11.
67. *Ростокинский А. В.* Об объекте и классификации экстремистских преступлений / А. В. Ростокинский // «Черные дыры» в российском законодательстве. – 2012. – № 1. – С. 84–87.
68. *Сальников Е. В.* Методологические принципы проведения лингвистической экспертизы экстремистских материалов / Е. В. Сальников // Судебная экспертиза. – 2006. – № 1. – С. 18–24.
69. *Сафин Н. М.* О мотивах преступлений экстремисткой направленности / Н. М. Сафин // Вестн. КЮИ МВД России. – 2010. – № 2. – С. 70–73.
70. *Сергун Е. П.* Дилемма современной демократии как одна из актуальных проблем российской уголовно-правовой науки / Е. П. Сергун // Современное право. – 2012. – № 7. – С. 5–10.
71. *Силаева Н. А.* Криминологический анализ некоторых причин преступлений, посягающих на политическую систему Российской Федерации / Н. А. Силаева // Следователь. – 2011. – № 5. – С. 41–48.
72. *Смагина А. В.* Причины распространения экстремизма в России / А. В. Смагина // Российский следователь. – 2012. – № 8. – С. 33–36.
73. *Соловьева С. В.* Проблемы определения мотива политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы в статьях Особенной части УК РФ / С. В. Соловьева // Науч. журнал КубГАУ. – 2012. – № 82 (8). – С. 28–34.
74. *Султанов А. Р.* Проблемы применения норм законодательства о противодействии экстремизму / А. Р. Султанов // Российская юстиция. – 2010. – № 9. – С. 66–68.
75. *Сысоев А. М.* О сущности «экстремистских» мотивов в отечественном уголовном законодательстве / А. М. Сысоев // История государства и права. – 2009. – № 1. – С. 14–16.
76. *Турьшев А. А.* Уголовно-правовая характеристика экстремизма / А. А. Турьшев // Науч. портал МВД России. – 2010. – № 1. – С. 106–109.
77. *Тюнин В. И.* Организация экстремистского сообщества (282¹ УК РФ) / В. И. Тюнин // Уголовное право. – 2006. – № 3. – С. 51–54.
78. *Тяжкова И. М.* Экстремистские преступления как посягательства на внутреннюю безопасность государства / И. М. Тяжкова // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 11. Право. – 2012. – № 4. – С. 83–100.
79. *Узембаева Г. И.* Особенности квалификации преступлений экстремистской направленности, совершаемых с использованием средств массовой информации / Г. И. Узембаева // Закон и право. – 2015. – № 15. – С. 117–120.

80. *Фридинский С. Н.* Некоторые проблемы противодействия экстремизму в Российской Федерации / С. Н. Фридинский // Прокурорская и следственная практика. – 2006. – № 1–2. – С. 48–62.

81. *Фридинский С. Н.* Уголовная политика РФ по противодействию экстремизму в сфере обеспечения национальной безопасности государства / С. Н. Фридинский // Закон и право. – 2008. – № 6. – С. 7–10.

82. *Хлебушкин А. Г.* Квалификация деятельности экстремистской организации / А. Г. Хлебушкин // Законность. – 2012. – № 3. – С. 12–15.

83. *Хлебушкин А. Г.* Установление признаков социальной группы при квалификации преступлений экстремистской направленности: теория и судебная практика / А. Г. Хлебушкин // Уголовное право. – 2013. – № 6. – С. 74–81.

84. *Хлебушкин А. Г.* Уголовная ответственность за финансирование экстремистской деятельности (ст. 282³ УК РФ) / А. Г. Хлебушкин // Уголовное право. – 2015. – № 3. – С. 80–85.

85. *Церетели Т. В.* Основание уголовной ответственности и понятие преступления / Т. В. Церетели // Правоведение. – 1980. – № 2. – С. 80–86.

86. *Яни П. С.* Квалификация преступлений экстремистской направленности / П. С. Яни // Российская юстиция. – 2011. – № 10. – С. 10–15.

Диссертации и авторефераты диссертаций

1. *Абдулганеев Р. Р.* Религиозный экстремизм: криминологический и уголовно-правовой аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Р. Р. Абдулганеев. – Омск, 2013. – 19 с.

2. *Бешукова З. М.* Преступления, связанные с осуществлением экстремистской деятельности: сравнительно-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук / З. М. Бешукова. – Ростов-на-Дону, 2011. – 208 с.

3. *Борисов С. В.* Преступления экстремистской направленности: проблемы законодательства и правоприменения: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / С. В. Борисов. – Москва, 2012. – 46 с.

4. *Бурковская В. А.* Криминальный религиозный экстремизм: уголовно-правовые и криминологические основы противодействия: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / В. А. Бурковская. – Москва, 2006. – 56 с.

5. *Жээнбеков Э. Т.* Уголовно-правовые и криминологические меры противодействия религиозному экстремизму (по материалам Кыргызской Республики): автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Э. Т. Жээнбеков. – Москва, 2006. – 28 с.

6. *Залиханова Л. И.* Уголовно-правовая и криминологическая характеристика возбуждения национальной, расовой, религиозной вражды: дис. ... канд. юрид. наук / Л. И. Залиханова. – Ростов-на-Дону, 2003. – 221 с.

7. *Кунашев А. А.* Мотивы ненависти или вражды в уголовном праве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А. А. Кунашев. – Москва, 2012. – 27 с.

8. *Леньшин Д. И.* Преступления экстремистской направленности по уголовному праву Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук / Д. И. Леньшин. – Москва, 2011. – 174 с.
9. *Литвина Е. С.* Наказание в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Е. С. Литвина. – Томск, 2003. – 21 с.
10. *Мусаев М. М.* Уголовно-правовой и криминологический анализ незаконного изготовления оружия (по материалам Республики Дагестан): дис. ... канд. юрид. наук / М. М. Мусаев. – Махачкала, 2004. – 172 с.
11. *Мыльников Б. А.* Противодействие преступлениям экстремистской направленности: криминологический и уголовно-правовой аспекты: дис. ... канд. юрид. наук / Б. А. Мыльников. – Москва, 2005. – 173 с.
12. *Нечаева И. А.* Построение санкций за преступления в сфере экономической деятельности: дис. ... канд. юрид. наук / И. А. Нечаева. – Краснодар, 2002. – 191 с.
13. *Остроухов Н. В.* Территориальная целостность государств в современном международном праве и ее обеспечение в Российской Федерации и на постсоветском пространстве: дис. ... д-ра юрид. наук / Н. В. Остроухов. – Москва, 2010. – 238 с.
14. *Ревина В. В.* Экстремизм в российском уголовном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / В. В. Ревина. – Москва, 2010. – 24 с.
15. *Ржевский А. С.* Экстремизм и его проявления в Уголовном кодексе России (уголовно-правовая характеристика): дис. ... канд. юрид. наук / А. С. Ржевский. – Ростов-на-Дону, 2004. – 212 с.
16. *Ростокинский А. В.* Преступления экстремистской направленности как проявления субкультурных конфликтов молодежных объединений: уголовно-правовые и криминологические проблемы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А. В. Ростокинский. – Москва, 2008. – 44 с.
17. *Рясов А. В.* Признак «использование служебного положения» и его уголовно-правовая оценка по уголовному законодательству России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А. В. Рясов. – Ростов-на-Дону, 2010. – 27 с.
18. *Сазанова Е. А.* Криминологическая характеристика и предупреждение молодежной преступности экстремистской направленности в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Е. А. Сазанова. – Ростов-на-Дону, 2007. – 27 с.
19. *Саркисов Д. Н.* Уголовно-правовые средства противодействия экстремистской деятельности: дис. ... канд. юрид. наук / Д. Н. Саркисов. – Москва, 2010. – 196 с.
20. *Севастьянов А. П.* Пределы судейского усмотрения при назначении наказания: дис. ... канд. юрид. наук / А. П. Севастьянов. – Красноярск, 2004. – 200 с.

21. *Сергун Е. П.* Экстремизм в российском уголовном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Е. П. Сергун. – Тамбов, 2009. – 24 с.
22. *Сидорова И. В.* Уголовно-правовая характеристика оскорбления: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / И. В. Сидорова. – Тюмень, 2010. – 26 с.
23. *Сиоридзе А. Т.* Групповой молодежный экстремизм: Криминологическое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А. Т. Сиоридзе. – Москва, 2007. – 31 с.
24. *Скудин А. С.* Правовые меры противодействия экстремизму: дис. ... канд. юрид. наук / А. С. Скудин. – Москва, 2011. – 198 с.
25. *Узденов Р. М.* Экстремизм: криминологические и уголовно-правовые проблемы противодействия: дис. ... канд. юрид. наук / Р. М. Узденов. – Москва, 2008. – 220 с.
26. *Фридинский С. Н.* Борьба с экстремизмом: уголовно-правовой и криминологический аспекты: дис. ... канд. юрид. наук / С. Н. Фридинский. – Ростов-на-Дону, 2003. – 217 с.
27. *Фридинский С. Н.* Противодействие экстремистской деятельности (экстремизму) в России (социально-правовое и криминологическое исследование): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / С. Н. Фридинский. – Москва, 2011. – 37 с.
28. *Хлебушкин А. Г.* Преступный экстремизм: понятие, виды, проблемы криминализации и пенализации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А. Г. Хлебушкин. – Саратов, 2007. – 28 с.
29. *Хлебушкин А. Г.* Уголовно-правовая политика Российской Федерации в сфере охраны основ конституционного строя: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / А. Г. Хлебушкин. – Санкт-Петербург, 2017. – 41 с.

Справочная литература

1. Большая юридическая энциклопедия. – Москва: Эксмо, 2005. – 688 с.
2. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – Санкт-Петербург: Норинт, 2000. – 1536 с.
3. Большой энциклопедический словарь: философия, социология, религия, эзотеризм, политэкономия / гл. науч. ред. и сост. С. Ю. Солодовников. – Минск: МФ ЦП, 2002. – 1008 с.
4. *Голуб И. Б.* Стилистика русского языка / И. Б. Голуб. – Москва: Рольф; Айрис-пресс, 1997. – 448 с.
5. *Даль В. И.* Толковый словарь русского языка. Современная версия / В. И. Даль. – Москва: Эксмо-Пресс, 1999. – 736 с.
6. *Ожегов С. И.* Толковый словарь русского языка: ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов; под ред. проф. Л. И. Скворцова. – 26-е изд., испр. и доп. – Москва: ОНИКС; Мир и Образование, 2009. – 1360 с.

7. Словарь иностранных слов. – Москва: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2001. – 640 с.
8. Словарь по уголовному праву / отв. ред. проф. А. В. Наумов. – Москва: БЕК, 1997. – 686 с.
9. Словарь социолингвистических терминов / отв. ред. В. Ю. Михальченко. – Москва: Ин-т языкознания РАН, 2006. – 312 с.
10. Толковый словарь юридических терминов / сост. А. Н. Головистикова, Л. Ю. Грудцына. – Москва: Эксмо, 2007. – 448 с.

Судебная практика

1. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 февраля 2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» // Российская газета. – 2005. – 15 марта.
2. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 июня 2010 г. № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)» // Российская газета. – 2010. – 17 июня.
3. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2010 г. № 16 «О практике применения судами закона Российской Федерации "О средствах массовой информации"» // Российская газета. – 2010. – 18 июня.
4. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации (далее – БВС). – 2011. – № 8. – С. 3–8.
5. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» // Российская газета. – 2012. – 17 февр.
6. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 3 ноября 2016 г. № 41 «О внесении изменений в постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2012 г. № 1 "О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности" и от 28 июня 2011 г. № 11 "О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности"» // Российская газета. – 2016. – 16 нояб.
7. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 8 апреля 2010 г. № 65-010-1 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.vsrif.ru>.
8. Постановление об оставлении приговора мирового судьи без изменения по делу № 10-50/2011 [Электронный ресурс]. – URL: [https:// rospravosu](https://rospravosu)

die.com/court-oktyabrskij-rajonnyj-sud-g-vladimira-vladimirskaya-oblast-s/act-100872684.

9. Приговор Верх-Исетского районного суда г. Екатеринбурга от 31 августа 2011 г. – URL: <https://rospravosudie.com>.

10. Приговор Верховного суда республики Дагестан от 17 апреля 2018 г. по делу № 2-19/2018 [Электронный ресурс]. – URL: <https://sudakt.ru>.

11. Приговор Воркутинского городского суда Республики Коми от 26 января 2011 г. [Электронный ресурс] – URL: <https://rospravosudie.com>.

12. Приговор Ворошиловского района г. Ростова-на-Дону от 7 апреля 2017 г. по делу № 1-26/2017 [Электронный ресурс]. – URL: <https://sudakt.ru>.

13. Приговор Кисловодского городского суда от 28 марта 2013 г. [Электронный ресурс] – URL: <https://rospravosudie.com>.

14. Приговор Ленинского района г. Махачкалы от 18 мая 2011 г. [Электронный ресурс] – URL: <https://rospravosudie.com>.

15. Приговор Ленинского районного суда г. Махачкалы от 7 ноября 2017 г. по делу № 1-162/2017 [Электронный ресурс]. – URL: <https://sudakt.ru>.

16. Приговор Ленинского районного суда г. Ульяновска от 27 ноября 2018 г. по делу № 1-230/2018 [Электронный ресурс]. – URL: <https://sudakt.ru>.

17. Приговор Люблинского районного суда г. Москвы от 8 октября 2012 г. [Электронный ресурс] – URL: <https://rospravosudie.com>.

18. Приговор Московского городского суда по делу № 2-0051/2012 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.mos-gorsud.ru>.

19. Приговор Нижегородского областного суда по делу № 2-14/10 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.rospravosudie.ru>.

20. Приговор Октябрьского районного суда г. Уфы от 10 ноября 2010 г. по делу 1-641/2010 [Электронный ресурс]. – URL: <https://rospravosudie.com>.

21. Приговор Правобережного районного суда г. Магнитогорска Челябинской области от 12 октября 2011 г. по делу № 1-517/2010 [Электронный ресурс]. – URL: <https://rospravosudie.com>.

22. Приговор Промышленного районного суда г. Курска по делу № 1-60-11 [Электронный ресурс]. – URL: <https://rospravosudie.com/court-promyshlennyj-rajonnyj-sud-g-kurska-kurskaya-oblast-s/act-102395353>.

23. Приговор Санкт-Петербургского городского суда по делу № 2-37/09 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.rospravosudie.ru>.

24. Приговор Центрального районного суда г. Омска от 3 февраля 2011 г. [Электронный ресурс] – URL: <https://rospravosudie.com>.

25. Приговор Центрального районного суда г. Прокопьевска от 17 января 2011 г. [Электронный ресурс] – URL: <https://rospravosudie.com/section-acts>.

26. Приговор Челябинского гарнизонного военного суда от 15 июля 2011 г. [Электронный ресурс] – URL: <https://rospravosudie.com>.

27. Приговор Южно-Сахалинского гарнизонного военного суда от 30 июля 2013 г. [Электронный ресурс] – URL: <https://rospravosudie.com>.

Электронные источники информации

1. Декларация Генеральной Ассамблеи ООН от 25 ноября 1981 г. о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религий или убеждений [Электронный ресурс] // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».

2. Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации от 21 декабря 1965 г. [Электронный ресурс] // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».

3. Концепция общественной безопасности [Электронный ресурс]: утв. Президентом Российской Федерации от 20 ноября 2013 г. № Пр-2685 // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».

4. Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года [Электронный ресурс]: утв. Президентом Российской Федерации 28 ноября 2014 г. № Пр-2753 // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».

5. Приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 19 ноября 2009 г. № 362 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии экстремистской деятельности» [Электронный ресурс] // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».

6. Указание Генеральной прокуратуры Российской Федерации и МВД России от 1 февраля 2016 г. № 65/11/1 «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности» [Электронный ресурс] // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».

7. Заключение по результатам общественной экспертизы проекта федерального закона № 588894-5 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (по вопросу о противодействии экстремистской деятельности в Российской Федерации): письмо Общественной палаты от 5 декабря 2011 г. № ЗОП-2/2389 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

8. Пояснительная записка к проекту Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях установления ответственности за публичные призывы к действиям, направленным на нарушение территориальной целостности Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».

9. Методические рекомендации об использовании специальных познаний по делам и материалам о возбуждении национальной, расовой или религиозной вражды № 27-19-99 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

10. Общие сведения о состоянии преступности. – URL: <http://www.mvd.ru>.
11. Перечень некоммерческих организаций, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности по основаниям, предусмотренным Федеральным законом от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» [Электронный ресурс]. – URL: http://minjust.ru/nko/perechen_zapret.
12. Федеральный список экстремистских материалов [Электронный ресурс]. – URL: <http://minjust.ru/ru/extremist-materials>.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Перечень некоммерческих организаций, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности по основаниям, предусмотренным Федеральным законом «О противодействии экстремистской деятельности»

1. Межрегиональная общественная организация «Национал-большевистская партия» (решение Московского городского суда от 19.04.2007 о запрете деятельности).
2. Религиозная группа Краснодарская Православная Славянская община «ВЕК РА» (Ведической Культуры Российских Ариев) Скифской Веси Рассении (решение Краснодарского краевого суда от 05.10.2006 о запрете деятельности).
3. Общественное незарегистрированное объединение группа «Рада земли Кубанской Духовно Родовой Державы Русь» (решение Первомайского районного суда г. Краснодара от 13.04.2006 о ликвидации).
4. Местная религиозная организация Асгардская Славянская Община Духовного Управления Асгардской Веси Беловодья Древнерусской Инглистической церкви Православных Староверов-Инглингов (решение Омского областного суда от 30.04.2004 о ликвидации).
5. Местная религиозная организация Славянская Община Капища Веды Перуна Духовного Управления Асгардской Веси Беловодья Древнерусской Инглистической церкви Православных Староверов-Инглингов (решение Омского областного суда от 30.04.2004 о ликвидации).
6. Религиозная организация Мужская Духовная Семинария Духовное Учреждение профессионального религиозного образования Древнерусской Инглистической Церкви Православных Староверов-Инглингов (решение Омского областного суда от 30.04.2004 о ликвидации).
7. Международное религиозное объединение «Нурджулар» (решение Верховного Суда Российской Федерации от 10.04.2008 о запрете деятельности).
8. Общественное объединение Ахтубинское народное движение «К Богодержавию» (решение Ахтубинского городского суда Астраханской области от 17.07.2008 и определение Судебной коллегии по гражданским делам Астраханского областного суда от 17.09.2008).
9. Международное религиозное объединение «Таблиги Джамаат» (решение Верховного Суда Российской Федерации от 07.05.2009).
10. Рязанская городская общественная патриотическая организация «Русское национальное единство» (заочное решение Железнодорожного районного суда г. Рязани от 12.02.2008 и определение Железнодорожного районного суда г. Рязани от 24.12.2009).

11. Международное общественное объединение «Национал-социалистическое общество» («НСО», «НС») (решение Верховного Суда Российской Федерации от 01.02.2010).
12. Группа «Джамаат мувахидов» (решение Ленинского районного суда города Астрахани от 19.10.2007).
13. «Объединенный Вилаят Кабарды, Балкарии и Карачая» (решение Верховного Суда Кабардино-Балкарской Республики от 09.07.2010).
14. Приморская региональная правозащитная общественная организация «Союз славян» (решение Приморского краевого суда от 28.07.2010).
15. Международное религиозное объединение «Ат-Такфир Валь-Хиджра» (решение Верховного Суда Российской Федерации от 15.09.2010).
16. Местная организация города Краснодара – «Пит Буль» («Pit Bull») (решение Октябрьского районного суда г. Краснодара от 24.08.2010).
17. Региональное общественное объединение «Национал-социалистическая рабочая партия России» («НСРПР») (решение Судебной коллегии по гражданским делам Нижегородского областного суда от 22.09.2010).
18. Межрегиональное общественное движение «Славянский союз» (решение Московского городского суда от 27.04.2010).
19. Межрегиональное общественное объединение «Формат-18» (решение Московского городского суда от 20.12.2010).
20. Религиозная группа «Благородный Орден Дьявола» (решение Верховного Суда Республики Мордовия от 27.12.2010).
21. Межрегиональное общественное движение «Армия воли народа» (решение Московского городского суда от 19.10.2010).
22. Местная общественная организация «Национальная Социалистическая Инициатива города Череповца» (решение Череповецкого городского суда Вологодской области от 16.05.2011).
23. Межрегиональное общественное объединение «Духовно-Родовая Держава Русь» (решение Московского областного суда от 05.04.2011 и определение Верховного Суда Российской Федерации от 12.07.2011).
24. Татарстанское региональное отделение общероссийского патриотического движения «Русское национальное единство» (решение Верховного суда Республики Татарстан от 21.05.2003).
25. Религиозная группа Соколова О.В., Русских В.В. и Петина А.Г., исповедующая, культивирующая и распространяющая идеи доктрины «Древнерусской Инглистической церкви Православных Староверов-Инглингов» (решение Майкопского районного суда Республики Адыгея от 12.12.2008).
26. Межрегиональное объединение «Русский общенациональный союз» (решение Владимирского областного суда от 30.05.2011 и определение судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 06.09.2011).

27. Межрегиональная общественная организация «Движение против нелегальной иммиграции» (решение Московского городского суда от 18.04.2011 и определение Верховного Суда Российской Федерации от 09.08.2011);

28. Международное объединение «Кровь и Честь» («Blood and Honour/Combat18», «B&H», «BandH») (решение Верховного Суда Российской Федерации от 29.05.2012);

29. Общественное объединение (движение) «Омская организация общественного политического движения «Русское национальное единство» (решение Омского областного суда от 10.10.2002);

30. Межрегиональное общественное объединение «Северное Братство» (решение Московского городского суда от 03.08.2012);

31. Кировская региональная общественная организация «Клуб Болельщиков Футбольного Клуба «Динамо» Киров» (решение Кировского областного суда от 03.07.2013);

32. Религиозная группа «Файзрахманисты», возглавляемая Саттаровым Файзрахманом Миннахметовичем, Ганиевым Гумаром Гимерхановичем, расположенная в домовладении по адресу: г. Казань, ул. Торфяная, д. 41 (заочное решение Советского районного суда г. Казани Республики Татарстан от 21.02.2013);

33. Местная религиозная организация «Мусульманская религиозная организация п. Боровский Тюменского района Тюменской области», зарегистрированная 15 сентября 2000 г. Управлением Министерства юстиции Российской Федерации по Тюменской области за основным государственным регистрационным номером 1027200003808 (решение Тюменского областного суда от 06.05.2014) (дата размещения сведений: 18.08.2014);

34. Община Коренного Русского народа Щелковского района Московской области (решение Щелковского городского суда Московской области от 25.02.2014) (дата размещения сведений: 20.08.2014);

35. Украинская организация «Правый сектор» (решение Верховного Суда Российской Федерации от 17.11.2014) (дата размещения сведений: 26.01.2015);

36. Украинская организация «Украинская национальная ассамблея – Украинская народная самооборона» (УНА – УНСО) (решение Верховного Суда Российской Федерации от 17.11.2014) (дата размещения сведений: 26.01.2015);

37. Украинская организация «Украинская повстанческая армия» (УПА) (решение Верховного Суда Российской Федерации от 17.11.2014) (дата размещения сведений: 26.01.2015);

38. Украинская организация «Тризуб им. Степана Бандеры» (решение Верховного Суда Российской Федерации от 17.11.2014) (дата размещения сведений: 26.01.2015);

39. Украинская организация «Братство» (решение Верховного Суда Российской Федерации от 17.11.2014) (дата размещения сведений: 26.01.2015);

40. Военно-патриотический клуб «Белый Крест» (решение Мурманского областного суда от 29.06.2015) (дата размещения сведений: 16.09.2015);

41. Организация – межрегиональное национал-радикальное объединение «Misanthropic division» (название на русском языке «Мизантропик дивижн»), оно же «Misanthropic Division» «MD», оно же «Md» (решение Красноярского краевого суда от 17.07.2015) (дата размещения сведений: 16.09.2015);

42. Религиозное объединение последователей инглизизма в Ставропольском крае (решение Ставропольского краевого суда от 21.08.2015) (дата размещения сведений: 06.10.2015);

43. Межрегиональное общественное объединение – организация «Народная Социальная Инициатива» (другие названия: «Народная Социалистическая Инициатива», «Национальная Социальная Инициатива», «Национальная Социалистическая Инициатива») (решение Санкт-Петербургского городского суда от 16.09.2015) (дата размещения сведений: 20.11.2015);

44. Общественное движение «TulaSkins» (решение Советского районного суда г. Тулы от 06.07.2015) (дата размещения сведений: 19.08.2016);

45. Межрегиональное общественное объединение «Этнополитическое объединение «Русские»» (решение Московского городского суда от 28.10.2015 и апелляционное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 11.05.2016) (дата размещения сведений: 26.08.2016);

46. Региональное общественное объединение «Русское национальное объединение «Атака»» (решение Московского городского суда от 11.08.2016) (дата размещения сведений: 24.10.2016);

47. Религиозная группа молельный дом «Мечеть Мирмамеда» (решение Самарского областного суда от 22.07.2016) (дата размещения сведений: 27.10.2016);

48. Община Коренного Русского народа г. Астрахани Астраханской области (решение Советского районного суда г. Астрахани от 21.07.2016) (дата размещения сведений: 30.11.2016);

49. Общероссийская политическая партия «ВОЛЯ», ее региональные отделения и иные структурные подразделения (решение Верховного Суда Российской Федерации от 09.08.2016 и апелляционное определение Апелляционной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 24.11.2016) (дата размещения сведений: 23.12.2016);

50. Общественное объединение «Меджлис крымскотатарского народа» (решение Верховного Суда Республики Крым от 26.04.2016 и апелляционное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 29.09.2016) (дата размещения сведений: 25.01.2017);

51. Автономная некоммерческая организация патриотического воспитания молодежи «Рубеж Севера» (решение Сыктывкарского городского суда Республики Коми от 23.11.2016 и определение Сыктывкарского городского

суда Республики Коми от 03.04.2017) (дата размещения сведений: 26.05.2017);

52. Организация футбольных болельщиков «ТОЙС» (иные наименования «Т.О.У.С», «The Opposition Young Supporters») (решение Советского районного суда г. Самары от 11.04.2017) (дата размещения сведений: 17.07.2017);

53. Религиозная организация «Управленческий центр Свидетелей Иеговы в России» и входящие в ее структуру местные религиозные организации;

54. Набережночелнинское отделение Татарстанского Регионального Все-татарского Политического Общественного Движения (РЕВТАТПОД) – Все-татарского Общественного Центра (ВТОЦ) (НЧО ТОЦ) (решение Набережночелнинского городского суда Республики Татарстан от 11.05.2017) (дата размещения сведений: 28.11.2017);

55. Межрегиональное общественное движение «Артподготовка» (решение Красноярского краевого суда от 26.10.2017 и апелляционное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 28.02.2018) (дата размещения сведений: 27.04.2018);

56. Общественное движение «Штольц», действующее под названием «Штольц Хабаровск», «Штольц Дальний Восток», «Штольц-Югент» (решение Центрального районного суда города Хабаровска от 01.12.2017) (дата размещения сведений: 18.07.2018);

57. Православная религиозная группа «В честь иконы Божией Матери «Державная» (решение Тульского областного суда от 25.07.2016 и апелляционное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 21.03.2017) (дата размещения сведений: 01.08.2018);

58. Общественное объединение футбольных болельщиков «Сектор 16» Бугульминского муниципального района Республики Татарстан (иные наименования: «С-16», «BugulmaUltras») (решение Бугульминского городского суда Республики Татарстан от 28.05.2018) (дата размещения сведений: 08.08.2018);

59. Региональный общественный фонд содействия национальному самоопределению народов Мира «Независимость» (решение Московского городского суда от 01.12.2017) (дата размещения сведений: 23.08.2018);

60. Организация футбольных болельщиков «Фирма» футбольных фанатов «Поколение» (решение Пролетарского районного суда г. Тулы от 14.06.2018) (дата размещения сведений: 23.08.2018);

61. Карельское региональное отделение межрегиональной молодежной общественной благотворительной организации «Молодежная правозащитная группа (МПГ)» (решение Верховного Суда Республики Карелия от 18.12.2014) (дата размещения сведений: 02.11.2018);

62. Общественное объединение «Курсом Правды и Единения» (другие названия: Российское общенародное движение «Курсом Правды и Единения», Всероссийская политическая партия «Курсом Правды и Единения», Полити-

ческая партия «Курсом Правды и Единения») (решение Майкопского районного суда Республики Адыгея от 07.05.2018 и апелляционное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного суда Республики Адыгея от 16.10.2018) (дата размещения сведений: 07.02.2019);

63. Религиозное объединение «Каракольская инициативная группа» (иные наименования «Ак-Дян», «ЖАНЫ АЛТАЙ»-ДВИЖЕНИЕ», «Ак Жан», «Алтай Жан Ак Жан», «Белая Вера», «Алтай Дян Ак Дян», «Алтайская вера Белая вера») (решение Онгудайского районного суда Республики Алтай от 11.12.2018) (дата размещения сведений: 19.02.2019);

64. Общественное объединение футбольных болельщиков «Автоград Крю» (другие наименования: «Autograd Crew», «Kamaz Ultras», «Blue White Crew») (решение Набережночелнинского городского суда Республики Татарстан от 06.02.2019) (дата размещения сведений: 15.04.2019).

Приложение 2

Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими

<i>№ n/n</i>	<i>Наименование организации</i>	<i>Суд, вынесший решение (приговор), дата вынесения решения (приговора) и номер дела (при наличии), дата вступления решения (приговора) в законную силу</i>
1	«Высший военный Маджлисуль Шура Объединенных сил моджахедов Кавказа»	Верховный Суд Российской Федерации, от 14.02.2003 № ГКПИ 03-116, вступило в силу 04.03.2003
2	«Конгресс народов Ичкерии и Дагестана»	Верховный Суд Российской Федерации, от 14.02.2003 № ГКПИ 03-116, вступило в силу 04.03.2003
3	«База» («Аль-Каида»)	Верховный Суд Российской Федерации, от 14.02.2003 № ГКПИ 03-116, вступило в силу 04.03.2003
4	«Асбат аль-Ансар»	Верховный Суд Российской Федерации, от 14.02.2003 № ГКПИ 03-116, вступило в силу 04.03.2003
5	«Священная война» («Аль-Джихад» или «Египетский исламский джихад»)	Верховный Суд Российской Федерации, от 14.02.2003 № ГКПИ 03-116, вступило в силу 04.03.2003

6	«Исламская группа» («Аль-Гамаа аль-Исламия»)	Верховный Суд Российской Федерации, от 14.02.2003 № ГКПИ 03-116, вступило в силу 04.03.2003
7	«Братья-мусульмане» («Аль-Ихван аль-Муслимун»)	Верховный Суд Российской Федерации, от 14.02.2003 № ГКПИ 03-116, вступило в силу 04.03.2003
8	«Партия исламского освобождения» («Хизб ут-Тахрир аль-Ислами»)	Верховный Суд Российской Федерации, от 14.02.2003 № ГКПИ 03-116, вступило в силу 04.03.2003
9	«Лашкар-И-Тайба»	Верховный Суд Российской Федерации, от 14.02.2003 № ГКПИ 03-116, вступило в силу 04.03.2003
10	«Исламская группа» («Джамаат-и-Ислами»)	Верховный Суд Российской Федерации, от 14.02.2003 № ГКПИ 03-116, вступило в силу 04.03.2003
11	«Движение Талибан»	Верховный Суд Российской Федерации, от 14.02.2003 № ГКПИ 03-116, вступило в силу 04.03.2003
12	«Исламская партия Туркестана» (бывшее «Исламское движение Узбекистана»)	Верховный Суд Российской Федерации, от 14.02.2003 № ГКПИ 03-116, вступило в силу 04.03.2003

13	«Общество социальных реформ» («Джамият аль-Ислах аль-Иджтимаи»)	Верховный Суд Российской Федерации, от 14.02.2003 № ГКПИ 03-116, вступило в силу 04.03.2003
14	«Общество возрождения исламского наследия» («Джамият Ихья ат-Тураз аль-Ислами»)	Верховный Суд Российской Федерации, от 14.02.2003 № ГКПИ 03-116, вступило в силу 04.03.2003
15	«Дом двух святых» («Аль-Харамейн»)	Верховный Суд Российской Федерации, от 14.02.2003 № ГКПИ 03-116, вступило в силу 04.03.2003
16	«Джунд аш-Шам» (Войско Великой Сирии)	Верховный Суд Российской Федерации, от 02.06.2006 № ГКПИ 06-531, вступило в силу 16.06.2006
17	«Исламский джихад – Джамаат моджахедов»	Верховный Суд Российской Федерации, от 02.06.2006 № ГКПИ 06-531, вступило в силу 16.06.2006
18	«Аль-Каида в странах исламского Магриба»	Верховный Суд Российской Федерации, от 13.11.2008 № ГКПИ 08-1956, вступило в силу 27.11.2008
19	«Имарат Кавказ» («Кавказский Эмират»)	Верховный Суд Российской Федерации, от 08.02.2010 № ГКПИ 09-1715, вступило в силу 24.02.2010

20	«Синдикат «Автономная боевая террористическая организация (АБТО)»	Московский городской суд, от 28.06.2013 № 3-67/2013, вступило в силу 27.11.2013
21	Террористическое сообщество – структурное подразделение организации «Правый сектор» на территории Республики Крым	Московский городской суд, от 17.12.2014 б/н, вступил в силу 30.12.2014
22	«Исламское государство» (другие названия: «Исламское Государство Ирака и Сирии», «Исламское Государство Ирака и Леванта», «Исламское Государство Ирака и Шама»)	Верховный Суд Российской Федерации, от 29.12.2014 № АКПИ 14-1424С, вступило в силу 13.02.2015
23	Джебхат ан-Нусра (Фронт победы) (другие названия: «Джабха аль-Нусра ли-Ахль аш-Шам» (Фронт поддержки Великой Сирии)	Верховный Суд Российской Федерации, от 29.12.2014 № АКПИ 14-1424С, вступило в силу 13.02.2015
24	Всероссийское общественное движение «Народное ополчение имени К. Минина и Д. Пожарского»	Московский городской суд, от 18.02.2015 № 3-15/2015, вступило в силу 12.08.2015
25	«Аджр от Аллаха Субхану уа Тагьяля SHAM» (Благословение от Аллаха милоственного и милосердного СИРИЯ)	Московский окружной военный суд, от 28.12.2015 № 2-69/2015, вступил в силу 05.04.2016
26	Международное религиозное объединение «АУМ Синрике» (AumShinrikyo, AUM, Aleph)	Верховный Суд Российской Федерации, от 20.09.2016 № АКПИ 16-915С, вступило в силу 25.10.2016
27	«Муджахеды джамаата Ат-Тавхида Валь-Джихад»	Московский областной суд, от 28.04.2017

		№ 3а-453/17, вступило в силу 02.06.2017
28	«Чистопольский Джамаат»	Приволжский окружной военный суд, от 23.03.2017 № 1-2/2017, вступило в силу 31.08.2017
29	«Рохнамо ба суи давлати исломи» («Путеводитель в исламское государство»)	Московский окружной военный суд, от 22.02.2018 № 2-1/2018, вступило в силу 24.07.2018
30	Террористическое сообщество «Сеть»	Московский окружной военный суд, от 17.01.2019 № 2-132/2018, вступило в силу 14.03.2019
31	«Катиба Таухид валь-Джихад»	Московский окружной военный суд, от 05.06.2019 № 2-63/2019, вступило в силу 05.07.2019

Перечень иностранных и международных неправительственных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации

<i>Номер и дата распоряжения Минюста России о включении в перечень</i>	<i>Полное и сокращенное (при наличии) наименование иностранной или международной неправительственной организации</i>
№ 1076-р от 29.07.2015	«Национальный фонд в поддержку демократии» (The National Endowment for Democracy)
№ 1777-р от 01.12.2015	Институт Открытое Общество Фонд Содействия (OSI Assistance Foundation)
№ 1778-р от 01.12.2015	Фонд Открытое общество (Open Society Foundation)
№ 1821-р от 07.12.2015	«Американо-российский фонд по экономическому и правовому развитию» (U. S. RUSSIA FOUNDATION FOR ECONOMIC ADVANCEMENT AND THE RULE OF LAW)
№ 393-р от 17.03.2016	Национальный Демократический Институт Международных Отношений (National Democratic Institute for International Affairs)
№ 1201-р от 22.08.2016	Media Development Investment Fund.Inc.
№ 1202-р от 22.08.2016	Корпорация «Международный Республиканский Институт» (International Republican Institute)
№ 556-р от 27.04.2017	Open Russia Civic Movement, Open Russia (Общественное сетевое движение «Открытая Россия») (Великобритания)
№ 557-р от 27.04.2017	OR (Открытая Россия) («Открытая Россия») (Великобритания) (с 08.11.2017 – HUMAN RIGHTS PROJECT MANAGEMENT)
№ 558-р от 27.04.2017	Institute of Modern Russia, Inc («Институт современной России») (США)
№ 883-р от 03.07.2017	The Black Sea Trust for Regional Cooperation (Черноморский фонд регионального сотрудничества) (Румыния)
№ 285-р от 13.03.2018	«Европейская Платформа за Демократические Выборы» European Platform for Democratic Elections (EPDE)
№ 286-р от 13.03.2018	«Международный центр электоральных исследований» International elections study center (IESC) (Литовская Республика)

№ 335-р от 21.03.2018	The German Marshall Fund of the United States (GMF) (Германский фонд Маршалла Соединенных Штатов) (США)
№ 989-р от 28.08.2018	Pacific Environment (PERC) (Тихоокеанский центр защиты окружающей среды и природных ресурсов) (Соединенные Штаты Америки)
№ 814-р от 28.06.2019	Free Russia Foundation (Free Russia) (Фонд «Свободная Россия») (США)
№ 945-р от 29.07.2019	Atlantic council of the United States (Atlantic council) («Атлантический совет») (США)

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Глава 1. Социально-правовые предпосылки уголовной ответственности за преступления экстремистской направленности, посягающие на основы конституционного строя и безопасность государства	6
§ 1. Экстремистская деятельность: понятие, сущность и признаки	6
§ 2. Общественная опасность преступлений экстремистской направленности, посягающих на основы конституционного строя и безопасность государства	15
Глава 2. Уголовно-правовая характеристика преступлений экстремистской направленности, посягающих на основы конституционного строя и безопасность государства	28
§ 1. Объект преступлений экстремистской направленности, посягающих на основы конституционного строя и безопасность государства	28
§ 2. Особенности объективной стороны преступлений экстремистской направленности, посягающих на основы конституционного строя и безопасность государства, совершенных публично	39
§ 3. Особенности объективной стороны организации экстремистского сообщества и деятельности экстремистской организации	55
§ 4. Особенности субъективных признаков преступлений экстремистской направленности, посягающих на основы конституционного строя и безопасность государства	77
Глава 3. Проблемные вопросы квалификации и направления совершенствования правовой регламентации уголовной ответственности за преступления экстремистской направленности, посягающие на основы конституционного строя и безопасность государства	96
Заключение	120
Глоссарий	121
Библиография	124
Приложения	142

МАКЕЕВА Ирина Сергеевна

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ
ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ, ПОСЯГАЮЩИЕ
НА ОСНОВЫ КОНСТИТУЦИОННОГО СТРОЯ
И БЕЗОПАСНОСТЬ ГОСУДАРСТВА

Монография

Редактура *И. Б. Бебих*
Компьютерная верстка *А. Г. Шабалдиной*

Подписано в печать 25.10.2019. Формат 60x84 1/16
Печать трафаретная. Бумага офисная
Усл. печ. л. 10,0. Уч.-изд. л. 10,0
Тираж 36 экз. Заказ № 52

Типография научно-исследовательского
и редакционно-издательского отдела
Уральского юридического института МВД России

620057, Екатеринбург, ул. Корепина, 66